

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezhy/about/

2021

Том 21
Выпуск 4

Дмитрий Турко

Феноменальный минимализм в онтологии самости

Татьяна Рябушкина

Парадигмы в западноевропейской теории познания:
от формального разграничения «классика – неклассика» к поиску содержательных определений

Дмитрий Давыдов

Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму?

Фёдор Воскресенский

Российская судебная система в свете публичной политики («политическое поле» versus «зона власти»)

Ирина Крылатова

Достоинство личности и геномные технологии: философско-правовой аспект

Артур Мочалов, Наталья Колобаева, Светлана Несмеянова

Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 21

Выпуск 4

Екатеринбург – 2021

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЬЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Юрий ПИВОВАРОВ**, научный руководитель ИНИОН РАН (Москва, Россия), академик РАН, д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИНИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г. ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 21

Issue 4

Yekaterinburg 2021

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOV** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Yuri PIVOVAROV** – Institute of Scientific Information on Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФС77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ФИЛОСОФИЯ

- Турко Д.С.* Феноменальный минимализм в онтологии самости.....7
- Рябушкина Т.М.* Парадигмы в западноевропейской теории познания:
от формального разграничения «классика – неклассика»
к поиску содержательных определений31

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Давыдов Д.А.* Посткапитализм как архаизация:
институциональный дрейф к нефеодализму?61
- Воскресенский Ф.А.* Российская судебная система в свете
публичной политики («политическое поле» versus «зона власти»)79

ПРАВО

- Крылатова И.Ю.* Достоинство личности
и геномные технологии: философско-правовой аспект..... 111
- Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е., Несмеянова С.Э.* Право на доступ
в интернет: юридическое содержание и механизм реализации 135

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- D. Tourko.* Phenomenal Minimalist Ontology of the Self7
- T. Ryabushkina.* Paradigmatic Transformations
of the Western European Theory of Knowledge:
From the Formal Distinction “Classical – Non-Classical”
to Search for Meaningful Definitions31

POLITICAL SCIENCE

- D. Davydov.* Post-Capitalism as Archaization:
Institutional Drift Towards Neo-Feudalism?61
- F. Voscrezensky.* Russian Judicial System in the Light of Public Policy
 (“Political Field” versus “Zone of Power”) 79

LAW

- I. Krylatova.* Human Dignity and Genomic Technologies:
Philosophical and Legal Aspects 111
- A. Mochalov, N. Kolobaeva, S. Nesmeyanova.* The Right to Access
the Internet: its Legal Content
and the Mechanism of Implementationin 135

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Турко Д.С. Феноменальный минимализм в онтологии самости. DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_7 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 7–30.

УДК 111

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_7

Феноменальный минимализм в онтологии самости

Дмитрий Сергеевич Турко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

*Поступила в редакцию 06.08.2021, поступила после рецензирования 23.09.2021,
принята к публикации 28.10.2021*

Статья посвящена проблеме реальности самости, или субъекта. У этой проблемы есть несколько реалистических и антиреалистических решений. Автор трактует все возможные позиции по этой проблеме как постулирование определенного отношения между феноменальной самостью (наш опыт себя как субъектов) и онтологической самостью (референт наших репрезентаций себя как он существует помимо опыта). С позиций феноменализма, или опытного минимализма, автор статьи приходит к выводу о том, что опытной реальности самости достаточно, чтобы сделать заключение о ее реальности в целом. В качестве аргумента против антиреализма вводится различие сильного и редуктивного реализма и делается вывод, что самости, которые критикуют такие антиреалисты, как Метцингер, это вещи сильного реализма (субстанциальные и каузально автономные сущности). Вместе с тем самости вполне могут существовать подобно вещам редуктивного

© Турко Д.С., 2021

реализма, то есть будучи эмерджентными на других вещах. Также предлагается решение другой проблемы онтологии самости – проблемы ее природы, или характеристики («Что есть самость?»). В духе феноменализма самость характеризуется как вещь с опытной способностью. Иметь опыт – необходимое и достаточное условие, чтобы быть самостью, или субъектом. Все прочие свойства, которые приписываются субъектам в философской литературе (такие, как самосознание или способность к созданию автобиографических нарративов, моральная агентность и обладание желаниями второго порядка), являются контингентными. Подобные свойства – атрибуты субъектов, но при этом они не являются ни необходимыми, ни достаточными для субъектности. Субъект, который теряет эти свойства, не перестает быть субъектом. Напротив, вещь, которая лишилась опытной способности, прекращает быть субъектом. Кроме того, существуют не-человеческие субъекты, которые могут быть лишены всех перечисленных способностей, кроме опытной. Феноменализм – вариант решения проблемы реальности. Субъекты, или самости, реальны как вещи, обладающие опытной способностью. Анализируя онтологию самости, автор статьи отвергает плюрализм (идею, что субъект характеризуется множеством свойств, среди которых нет эссенциального) и конвенционализм (ответ на вопрос, что мы такое, – предмет договора). Автор стоит на позиции эссенциалистского реализма (самость в фундаментальном смысле – это то, что необходимо для выживания).

Ключевые слова: самость, субъект, онтология, феноменализм, минимализм, реализм, антиреализм, опыт, самосознание, философия сознания

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90062.

Phenomenal Minimalist Ontology of the Self

Dmitry S. Tourko

Higher School of Economics, Moscow, Russia
E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

Received 06.08.2021, revised 23.09.2021, accepted 28.10.2021

Abstract. The article discusses the problem of whether the self, or the subject, is real. There are several realist and anti-realist solutions to this problem. The author interprets all possible positions concerning this issue as conceptions of a certain relationship between the phenomenal self (our experience of ourselves as subjects) and the ontological self (the referent of our self-representations as it exists apart from our self-experience). In line with what is called phenomenal, or experiential minimalism, the author concludes that the experiential dimension of the self is sufficient for it to be real without qualification. Providing an argument against anti-realism, the author differentiates between strong and reductive realism and maintain that selves criticized by anti-realists like Metzinger are things of strong realism (substantial and causally autonomous entities), while in fact selves might turn out to be the things of reductive realism (things emergent on other things). The author suggests a solution to another problem of the ontology of the self, namely the problem of characterization (What is the self, specifically?). By endorsing minimalism, the self is characterized as the experiential faculty. According to the suggested version of minimalism, having experience is a necessary and sufficient condition to be

a self or a subject. All other properties ascribed to subjects in philosophical literature (such as self-awareness, moral agency, second-order desires or the ability to create autobiographical narratives) are contingent. Properties like these are of course attributes of subjects, but they are neither necessary nor sufficient for subjectivity. A subject who loses these properties does not cease to be a subject. On the contrary, a thing which has lost its experiential ability ceases to be a subject. In addition, there are non-human subjects who may lack all subjectivity-related features, except for the experiential faculty, and still be considered subjects. Phenomenal minimalism is a solution to the problem of the reality of selves. Subjects, or selves, are real as things with the experiential faculty. Finally, the author rejects pluralism (the idea that every subject is many things) and conventionalism (there is no non-contractual truth-apt proposition which serves as a solution to the characterization problem). Instead, essentialist realism is endorsed (the self, in a fundamental sense, is what is necessary for survival).

Keywords: self; subject; ontology; phenomenalism; minimalism; realism; anti-realism; experience; self-consciousness; philosophy of consciousness

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project no. 20-311-90062.

For citation: Tourko D.S. Phenomenal Minimalist Ontology of the Self, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 7-30. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_7.

Введение. Проблема реальности самости (или субъекта, личности) обсуждается в аналитической философии меньше, чем проблема диахронического тождества личности («При каком условии личность p_1 во время t_1 тождественна личности p_2 во время t_2 ?»). Тем не менее дискуссия по проблеме реальности субъекта, которая в XX в. началась с критики Райлом «духа в машине» (Ryle 2009) и Витгенштейном – гипостазирования Я как субъекта (Wittgenstein 1991: 67-69), ведется до сих пор. Антиреалисты¹, отрицающие, что у наших репрезентаций самих себя как субъектов есть референт, стоят либо на редукционистских и нейрофилософских позициях (Dennett 1991; Dennett 1992; Bayne 2010; Metzinger 2003; Metzinger 2009; Metzinger 2010; Metzinger 2011; Hood 2012; McClelland 2019), либо актуализируют буддийские аргументы (Siderits 2003; Albahari 2007). Среди их противников-реалистов в последние годы наиболее заметны представители двух лагерей: с одной стороны, те, кто характеризует самости в терминах способности к созданию и интерпретации автобиографических нарративов (Schechtman 1996; Schechtman 2001; Christman 2004; MacIntyre 2007: ch. XV); с другой – феноменалисты, или опытные минималисты, – те, кто связывает реальность самости с реальностью опыта (Zahavi 2005; Dainton 2008; Dainton 2012; Strawson 1997; Strawson 2009; Strawson 2011; Strawson 2017; Gallagher, Zahavi 2012).

При обсуждении данной темы нам угрожают две опасности. Первая из них – амбивалентность. К сожалению, терминология данного раздела философии лишена ясности. Некоторые философы (Snowdon 2009) трактуют *self*

¹ Другие названия антиреализма – no-self view/theory (Siderits et al. 2010: 4-5; McClelland 2019: 22), non-egological theory (Zahavi 2005: 127; Gurwitsch 1941), no-ownership view (Strawson 1959: 95) и impersonality thesis (Zahavi 2005: 127).

и *person* как эквивалентные термины. Другие (Zahavi 2005; Strawson 2009) используют *self* и *subject* как синонимы, но избегают *person*. Третьи (Olson 1998) пользуются термином *person*, но избегают *self*, поскольку считают последний термин расплывчатым. Поэтому в зависимости от определения можно, к примеру, утверждать, что, в отличие от личностей, самости не существуют, или что одной личности соответствуют несколько самостей (Neisser 1988), или что самости представляют собой абстрактный «центр нарративного притяжения» (Dennett 1992). В данной статье я буду трактовать *самость*, *личность* и *субъект* как эквивалентные термины¹.

Кроме того, амбивалентность порождается и сложностью предмета. Психологи, социологи и философы изучают субъективность в разных аспектах – не исключено, что они изучают нумерически разные предметы-самости (см.: Klein 2012: 801). Так, в «Началах психологии» Джеймс (James 1983: 280) перечисляет следующие конституенты самости: материальная, социальная, духовная и чистое эго (значимость чистого эго для психологии он отвергает). Нейссер (Neisser 1988) различает пять аспектов самости: экологический, межличностный, расширенный, приватный и концептуальный. Ольсон (Olson 1998) приводит восемь возможных определений самости (и показывает их несостоятельность); Стросону (Strawson 2009: 18) удалось найти в литературе тридцать один «вид» самости. Как отмечает Захави, самость – не унивокальный термин, и среди философов и ученых не существует консенсуса о том, что значит быть самостью или иметь самость (Zahavi 2005: 103).

Разные подходы к самости, ее разные аспекты, определения и понимания необязательно исключают друг друга, особенно в междисциплинарном контексте. Тем не менее перегруженность концепта смыслами препятствует ясности, поэтому в данной статье я постараюсь сократить амбивалентность посредством аналитической работы. Я также попытаюсь двигаться к пониманию самости дедуктивно. Зачастую та или иная способность, будь то самосознание, моральная агентность или создание автобиографических нарративов, гипостазирована и объявляется фундаментальной для субъектности. Я постараюсь пойти несколько другим путем – задать необходимое и достаточное условие самости. При помощи этого условия можно из всего множества вещей выделить подмножество самостей. Если *p* удовлетворяет этому условию, то *p* – самость. Данное условие – то, без чего самость невозможна. Необходимо также будет продемонстрировать, что именно это условие – фундаментальное.

¹ При этом самость не рассматривается мною как индивидуальность или *haecceitas* (этовость) предмета (тогда бы самостью обладала каждая партикулярия в мире). Также самость не понимается как способность к автономному, внутренне обусловленному действию, как в выражении: «Она сама сделала свой выбор». Термины *субъект* и *самость* имеют традиционные для европейской метафизики коннотации внутренней ментальной вещи, которой принадлежит опыт и которая не тождественна связанной с ней протяженной вещи. Я предлагаю вынести эти коннотации за скобки и понимать самость, личность и субъект в первую очередь как то, чем каждый из нас является по существу, чем бы это ни было. Что же касается термина *Я*, он будет пониматься только как индексальное выражение, всегда означающее самость того, кто производит содержащее *Я* высказывание.

Вторая опасность – плюрализм, то есть гипостазирование описанной выше многоаспектности. Например, Уильям Джеймс замечает, что самость человека в широком смысле – «тотальность всего, что он может назвать своим» (James 1983: 279, перевод мой. – Д.Т.). Сторонник «узурчатой» (pattern) теории самости Галлахер (Gallagher 2013) насчитывает в нашей субъективности восемь дополняющих друг друга аспектов¹, ни один из которых, по его мнению, сам по себе не составляет необходимое условие существования самости. Действительно, сложно отрицать, что личность – по крайней мере, человеческая – состоит из нескольких слоев, уровней и сторон. Каждый из нас – множество вещей, свойств и диспозиций одновременно. Легко согласиться с таким умеренным вариантом плюрализма. Но можно представить и сильный плюрализм, который утверждает, что все аспекты самости равнозначны и что нет того аспекта, который бы имел решающее метафизическое значение, то есть был бы важным для выживания субъекта. Плюрализм ведет к конвенционализму – идее, что ответ на вопрос «Что такое самость?» – не истинная пропозиция, а лишь отражающее консенсус суждение. В этой работе я подвергаю критике плюрализм и защищаю реализм: идею, что существует фундаментальный и необходимый уровень самости, на который надстраиваются все прочие².

Данная статья служит двум целям. Во-первых, прежде чем утверждать или отрицать существование самости, нужно понять, что именно мы утверждаем или отрицаем. Поэтому необходимо провести работу по уточнению как исследуемого предмета, так и возможных связанных с ним онтологических позиций. Вначале я предлагаю три определения самости. Затем я ввожу несколько различий (феноменальная и онтологическая самости, различные позиции относительно их корреляции, деление на сильный и редуктивный реализм). Вторая часть статьи посвящена оригинальному аргументу, который опирается на проведенную ранее концептуальную разметку. Я критикую антиреализм и сильный реализм и защищаю редуктивный реализм. Затем я выдвигаю критерий, которому должны удовлетворять все возможные кандидаты на роль самости. Все эти приготовления необходимы мне для защиты тезиса, что самость лучше всего понимать как опытную способность (эта позиция – вариант упомянутого выше феноменального минимализма). Данный тезис я защищаю в конце статьи. Мой главный аргумент в пользу минимализма следующий: опытная способность (в буквальном смысле способность некоторой вещи

¹ Минимальные воплощенные, минимальные опытные, аффективные, интерсубъективные, психологические/когнитивные, нарративные, распространенные (extended) и ситуативные (situated) аспекты самости (Gallagher 2013: 3-4).

² Я занимаю позицию, сходную с позицией Дамазио, который выделяет базовую (core) и автобиографическую самости. По Дамазио, базовая самость – это примитивное «чувство себя», которое имеет не только у человека. Для развития базовой самости организму, в отличие от автобиографической самости, не требуются эпизодическая память, мышление и язык. Расширенное сознание и автобиографическая самость надстраиваются над базовой самостью и разрушаются, если разрушен поддерживающий ее нейрофизиологический коррелят (Damasio 1999: 17).

обладать опытом) – необходимое и достаточное условие субъектности; все остальные свойства, которые предизируются субъектам, не являются ни необходимыми, ни достаточными для субъектности. Именно поэтому быть самостью означает обладать опытной способностью. В заключении статьи я кратко рассматриваю значимость и моральные последствия такого подхода.

Как центральные философские концепты, субъект, личность и самость (или их концептуальные аналоги) были предметом исследования в древней философии, у британских эмпириков, в немецком идеализме и экзистенциально-феноменологической традиции. Многие по этой теме было сделано в индийской философии. Значимые работы по данной тематике существуют и в русской философии¹. Даже бегло обозреть все позиции и аргументы по этой теме – задача для объемной монографии. В настоящей статье я вынужден пожертвовать широтой исторического взгляда ради подробной разработки одного тезиса, поэтому ограничусь контекстом современных дискуссий о самости в аналитической философии.

Проблемы и определения. Я начинаю с трех стандартных проблем, возникающих в любом рассуждении об онтологии самости, – проблем реальности, характеристики и условий.

Проблема реальности: реальны ли самости? (Существует ли референт местоимения Я?).

Проблема характеристики: если самости существуют, что они собой представляют? (Если референт Я существует, что он такое?)

Проблема условий (conditions for selfhood): каким необходимым условиям должна удовлетворять вещь *p*, чтобы быть самостью?

Я попытаюсь дать свое решение этих трех проблем. Вопреки доводам антиреализма, я утверждаю, что самости существуют. Я проясню свою позицию после того, как введу все необходимые различения, которые в конечном счете помогут лишить антиреализм значительной части его аргументативной силы. Начну с определения самости.

«Простое» определение: самость *p* – это то, что *p* есть по существу или по преимуществу.

Как уже было отмечено, каждому из нас предизируется множество свойств, но среди этих свойств есть то свойство, которое характеризует нас по существу. Поэтому самость – предикат в суждениях тождества, таких как «Я – нематериальная мыслящая субстанция»². Сам термин *Я* можно понимать двояко. В философской литературе под термином *Я* иногда понимают субстанцию, эго-полюс сознания или источник интенциональных актов. Но ограничимся *Я* в обыденном словоупотреблении. Тогда *Я* – индексаль-

¹ Например, заметки Г.Г. Шпета «Сознание и его собственник», трактат А.Ф. Лосева «Самое самó», курс лекций В.В. Библихина «Собственность. Философия своего».

² *Я* может быть и подлежащим в суждениях типа «Я житель Парижа» или «Я ценитель зеленого чая», но суждения такого рода не являются суждениями тождества.

ное выражение, такое, что его референт (если он существует) – самость производителя инстанции этого выражения.

Референциальное определение: самость p – это референт инстанции индекса первого лица ($Я$), которую производит p .

Это довольно тривиальное и не вызывающее споров определение. Оно обеспечивает всем, кто рассуждает о самости, общую почву, от которой можно отталкиваться. Я предлагаю еще одно определение, которое позволит значительно сократить множество возможных решений проблемы характеристики. Оно тесно связано с «простым» определением.

Эссенциалистское определение: самость вещи p – это свойство S , теряя которое, вещь p перестает существовать.

Проблема с «простым» и эссенциалистским определениями состоит в том, что они не предоставляют нам критерий, какие вещи следует называть самостями: можно указать на эссенциальное свойство любой вещи, которое она не может потерять без утраты своего тождества. Проблема с референциальным определением заключается в том, что оно связывает наличие самости у вещи со способностью порождать содержащие $Я$ высказывания. Референциальное и эссенциалистское определения наводят нас на верный след, но цель данной статьи – предложить убедительный критерий самости, то есть назвать такое свойство S , что если $S(p)$, то p – самость. Чтобы это сделать, требуется задать необходимое и достаточное условие, которому должна удовлетворять вещь, чтобы считаться самостью. Прежде чем задать такое условие, то есть ответить на вопрос «Что такое самость?», нужно провести разграничение между феноменальной и онтологической самостью¹ и между сильным и редуктивным реализмом.

Самости и реализмы. *Феноменальная самость* – это то, как человеческий или иной субъект предстает в своем собственном опыте. Гален Стросон (Strawson 2009: 46) считает, что в типичном человеческом опыте мы фигурируем сами для себя как субъект опыта, вещь, нечто ментальное, синхронически и диахронически цельное (агент, личность) и не тождественное всему биологическому организму. Феноменальная самость – саморепрезентация ментальных субъектов; сходным образом мы интероцептивно или, скажем, через отражение в зеркале переживаем сами себя как телесные субъекты. Вопрос реальности самости в следующем: соответствует ли этой репрезентации в опыте нечто в запытной реальности или же наши репрезентации себя иллюзорны и не отсылают ни к чему? Проблема реальности самости – это проблема *онтологической самости*, которая 1) имеет реальность

¹ Очень похожие разграничения уже делались в литературе (см. напр.: Barresi, Martin 2011: 53) между опытным, онтологическим и социальным измерением самости. См. также: (Wiggins 1987).

за пределами феноменальной самости и 2) онтологически автономна – существует независимо и самостоятельно по отношению к другим вещам – например, не эмерджентна на них, не порождается и не конституируется ими. В отличие от онтологической самости, феноменальная не автономна, потому что (если физикализм верен) опыт не может существовать сам по себе, ему необходим поддерживающий и порождающий его субстрат.

Существование феноменальной самости не вызывает споров. Нам что-то является, что кажется нам цельной ментальной вещью, локусом, зрителем в феноменальном театре или владельцем опыта. Суть проблемы реальности – корреляция феноменальной самости с онтологической. Можно предложить следующие варианты этой корреляции: антиреализм, агностицизм и реализм. Антиреализм отрицает какую бы то ни было корреляцию между двумя самостями: наш опыт себя не репрезентирует онтологически автономную сущность. Такой сущности просто нет. Опыт самости – не более чем предсказательная модель реальности, эволюционная адаптация и полезная галлюцинация (Metzinger 2003; Metzinger 2009; Metzinger 2010; Metzinger 2011) или же ложная репрезентация реального предмета (мозга) (McClelland 2019). Некоторые антиреалисты (Dennett 1992; Hood 2012) видят самость как абстрактный и пустой «центр нарративного притяжения» наподобие центра тяжести в физике. От антиреализма следует отличать *агностицизм* – сомнение в том, что мы можем показать наличие корреляции между феноменальной и онтологической самостями, если последняя вообще существует. Эту позицию занимает Кант в своей критике рациональной психологии.

Я буду отстаивать реализм, а именно ту его разновидность, которую можно назвать феноменализмом. Согласно феноменализму данная в опыте самость реальна, а онтологическая самость не нуждается ни в какой реальности за пределами феноменальной реальности. Феноменальный аспект самости уже является частью реальности, так как в случае опыта и ментальных вещей – ментальных содержаний, состояний, процессов и свойств – онтология совпадает с феноменологией. Феноменальная самость эмерджентна на том, что не является самостью – нейронном субстрате¹. Но этот субстрат сам не является самостью. Я – не мой мозг, потому что мозг не тождественен сознанию, которое он порождает. То, что восстает на нейронном субстрате, обладает самостоятельной реальностью, и эта реальность имеет феноменальную природу.

В феноменологическом контексте не так важно, существует ли неопытный референт у того, что является. Пегас реален как идея, образ или галлюцинация – как определенное ментальное содержание или ментальная вещь. Если у этой вещи нет не-ментального коррелята, который она репрезентирует, она по-прежнему сохраняет ментальный аспект своего

¹ Пока нам неизвестны другие варианты субстрата, хотя нет метафизической необходимости в том, чтобы он был только нейронным. Самость может быть эмерджентна на любом субстрате при условии, что он способен поддерживать сознательный опыт.

существования. Поэтому феноменальная самость реальна как любая другая ментальная вещь¹. Она реальна в силу того, что дана в опыте – *esse est percipi*. Феноменальность уже онтологична, потому что некоторые свойства вещей реальны не менее, чем вещи, которым эти свойства аскрибируются.

Чтобы лучше прояснить свою позицию, я введу еще одно деление: на сильный и редуктивный варианты реализма. Вещи *сильного реализма* – те, которые обладают «независимым» существованием, то есть не эмерджентны на других вещах и не конституируются ими и не находятся в непрерывной каузальной зависимости от них. Вполне может оказаться, что вещей сильного реализма вообще не существует. Так, можно быть «мереологическим нигилистом» относительно вещей макромира: все привычные нам вещи не существуют автономно, как вещи сильного реализма, но конституируются элементарными частицами, а те эмерджентны на физических полях. Поля, в свою очередь, тоже могут быть эффектом другого, «более фундаментального» и пока неизвестного нам аспекта реальности.

Существуют ли самости сильного реализма, или онтологические самости в узком смысле? Кандидатами в самости такого рода – самости как независимые сущности – могут служить души и картезианские мыслящие вещи. По-видимому, у нас нет научных или философских оснований полагать, что самости существуют как такие сущности. Самость – вещь первая для нас, но не первая по природе. Если все привычные нам вещи конституируются другими, более элементарными вещами, то нет никакой необходимости утверждать, что самость должна быть исключением и обладать самостоятельным, каузально независимым, не-конституируемым бытием. Все привычные нам вещи, вещи макромира – не вещи сильного реализма: их конституируют другие вещи. Самость – чрезвычайно привычная для всех нас вещь, постоянно данная нам в опыте (каждый из нас во время бодрствования непрерывно переживает опыт самого себя). Вокруг нас нет цельных и неделимых вещей, онтологических примитивов, или «атомов», поэтому нет оснований считать самость атомом.

Тем не менее окружающие нас вещи, не будучи атомами, реальны, то есть вещественны. Так же реальны самости. Возможно, они не являются вещами в смысле обыденного словоупотребления, но реальны как вещи в философском смысле – то, что можно выделить из бытия; нечто, имеющее физические или концептуальные границы, которые не позволяют данной вещи смешиваться с другими вещами. Но самости также можно понимать как свойства других вещей (при этом непреодолимая граница между вещью и свойством может отсутствовать: правдоподобной выглядит позиция, что вещь целиком исчерпывается множеством своих свойств).

В своем антиреалистическом трактате-манифесте “Being No One” («Быть никем») Метцингер приписывает самости некоторые традиционные

¹ Сходная позиция Галена Стросона называется *real materialism* (Strawson 2009: 288). Реальный материализм – это материализм, или физикализм, который признает (физическую) реальность опыта.

«картезианские» предикаты (Metzinger 2003: 626) – простоту, неделимость, субстанциальность и неизменность во времени («эссенциальность»). Он объявляет веру в реальность самости с такими свойствами интуицией народной психологии и затем отвергает эту реальность на основании своей теории «феноменальных моделей самости» (phenomenal self models). Как видим, самость, которую атакует Метцингер, – это самость сильного реализма. Однако вполне возможно утверждать существование самостей, не будучи сильным реалистом.

В противовес сильному реализму я предлагаю *редуктивный реализм*. Я называю редуктивным реализмом в отношении вещи p любую из следующих трех позиций: p реальна постольку, поскольку 1) является свойством другой вещи q ; 2) эмерджентна на q или 3) конституируется q . В отличие от самости сильного реализма, самость редуктивного реализма может быть не-простой (конституироваться разрозненными элементами опыта), делимой на конкретные когнитивные способности, не-субстанциальной и лабильной. Если самости – это вещи не сильного, а редуктивного реализма, критика Метцингера и остальных антиреалистов, которые атакуют самости сильного реализма, бьет мимо цели.

С точки зрения редуктивного реализма самость – это вещь, свойство, или процесс p , которые находятся в отношениях эмерджентности со своим нейронным субстратом q . При этом p и q не тождественны, так как p обладает свойствами, которых лишена q . Ключевое из этих свойств – феноменальность, или опытность. Субстрат порождает опыт, но сам по себе лишен опыта. Итак, редуктивный реализм целиком совместим с феноменализмом, хотя феноменализм в принципе онтологически нейтрален: он совместим со всеми основными метафизическими позициями: дуализмом, идеализмом и физикализмом. При этом я полагаю, что именно физикализм в сочетании с редуктивным реализмом предоставляет нам простейший аргумент в пользу реальности самости:

1. Физическое – это либо фундаментальный аспект реальности p , который описывают лучшие из существующих теорий физики, либо аспект реальности, который в конечном счете конституируется аспектом p или эмерджентен на нем.

2. Существует только физическое (физикализм).

3. Самость – это вещь, свойство или процесс.

4. Существуют только физические вещи, свойства и процессы (из пункта 2).

Вывод. Самость существует.

Этот реалистический аргумент можно представить в еще более упрощенном виде:

¹ Одним из первых на эту проблему обратил внимание Роберт Нозик, чей труд «Анархия, государство и утопия», вышедший в 1973 г. (через два года после «Теории справедливости» Ролза), во многом был посвящен критике концепции Ролза.

1. Самости – вещи, которые имеют опыт.
 2. Вещи, которые имеют опыт, существуют.
- Вывод. Самости существуют.

Я возвращаюсь к эссенциалистскому определению, данному в начале статьи, чтобы на его основе сформулировать критерий отбора для всех возможных кандидатов на роль самости. На основании этого определения я утверждаю, что свойство S такое, что если $S(p)$, то p – самость, должно соответствовать критерию выживания.

Критерий выживания: сохранение S необходимо для выживания вещи как самости. Потеря S означает гибель вещи как самости, p существует как самость во время t , только если $S(p)$ в t . Выжить – значит сохранить S .

Феноменализм: самость как обладание опытной способностью. Теперь, наконец, я перехожу к основному тезису статьи. Я предложу кандидата на роль свойства S , который соответствует критерию выживания.

В последние два десятилетия некоторые аналитические философы (Dainton 2008; Dainton 2012; Strawson 1997; Strawson 2009; Strawson 2011; Strawson 2017), феноменологи (Zahavi 2005, Gallagher, Zahavi 2012), нейрочеловековеды (Damasio 1999) и психиатры (Cermolacce et al. 2007; Nelson et al. 2014) характеризуют самость, используя атрибутивы «фундаментальная», «минимальная» и «глубинная», или «базовая»¹. У всех этих авторов самость тесно связывается с феноменальной жизнью и с наличием сознательного опыта. Если опытность – достаточное условие, чтобы быть самостью, то субъект, или самость, – это либо сам опыт (Стросон), либо способность к обладанию опытом (Дейнтон), либо неотделимая от опыта принадлежность (*mineness*) и данность (*first-person givenness*) (Захави).

Первый вариант, который защищает Гален Стросон своим *Experience/Experience identity thesis*, приводит к спорным и практически юмианским выводам: если субъект тождественен опыту, то когда мы спим, мы не существуем, а в каждый момент времени t_0 в человеческом организме рождается субъект s_0 , нумерически нетождественный субъекту s_1 , который связан с тем же организмом в момент t_1 . Я придерживаюсь позиции, близкой мнению Дейнтонна (см.: Dainton 2008). Я утверждаю, что самость – это вещь, которая обладает способностью испытывать сознательный опыт, или опытной способностью. Под опытной способностью понимается буквально способность некоторых вещей в мире переживать опыт. Эта способность имеет диспозиционный характер: необязательно что-то переживать постоянно, чтобы быть самостью. Дадим определения:

Феноменализм относительно самости: вещь p – самость в момент времени t , только если p обладает опытной способностью в t .

¹ *Core consciousness* или *core self* Дамасио.

Опытная способность: p обладает опытной способностью в t , если обладает нейронным или иным субстратом, который способен поддерживать опыт; p может обладать опытной способностью в t , даже если не переживает опыт в t .

Закономерный вопрос: как в таком случае охарактеризовать сам опыт? Полагаю, что (сознательный) опыт – некое состояние вещи, необходимые характеристики которого – быть для этой вещи и обладать каково-этой:

(1) иметь опыт во время t означает для вещи p быть в t в таком состоянии s , которое, помимо своего конкретного содержания, имеет необходимое свойство *быть для* p ;

(2) опыт – такое состояние s , про которое мы можем спросить: «Каково это – быть в s ?».

Мы можем осмысленно спросить, каково это – видеть красное, ощущать вкус лимона или размышлять над проблемой тождества. Эти состояния обладают каково-этой и существуют только для кого-то – в отличие от таких состояний, как «быть камнем» или «иметь два протона».

Выше указано, что речь идет именно о сознательном опыте, что исключает не-феноменологические понимания опыта: например, стимул, который настолько слаб, что я его не ощущаю; бессознательные содержания сознания, «генетическую память», накопленный опыт предков. Если перечисленные вещи и заслуживают названия опыта в философском смысле, они не соответствуют определениям (1) и (2) одновременно.

Как видно из приведенного выше определения, быть самостью означает не обладать опытом, а обладать способностью к опыту. Субъект выживает, даже когда опыт отсутствует, если сохраняется опытная способность. Способности – диспозиционные свойства, которые существуют (приписываются некой вещи) независимо от того, проявляются они в данный момент или нет. Я умею плавать, даже когда не плаваю. Я остаюсь субъектом, или самостью, даже во сне без сновидений или когда теряю сознание. Существует не-ментальный нейронный субстрат, который поддерживает субъектность как диспозиционное свойство даже в то время, когда оно не проявляется. Постоянство сознания не есть условие субъектности – у человеческих существ сознание прерывается каждый день во время сна. Но постоянство мозга – его цельность во времени и пространстве – является таким условием. Если могущественный демон или телепорт расщепит мой мозг₁ на атомы и потом соберет их заново в мозг₂, который будет качественно тождественным мозгу₁, то эмерджентный на мозге₂ субъект не будет нумерически тождественен мне.

Исследовательская программа Стросона и Захави прямо игнорирует предупреждение Метцингера и Деннета не доверять «автофеноменологии» (см.: Dennet 2008: 20). Минималисты не считают, что автофеноменология, или народная феноменология, заводит нас в ловушку гипостазирования натуралистически объяснимых различительных и репрезентационных познавательных способностей. Вместо этого она признается отправной точкой любых плодотворных рассуждений о самости. С методологической точки

зрения феноменальный минимализм утверждает, что опыт тесно связан с самостью: чтобы понять опыт, мы должны исследовать самость, и наоборот (Zahavi 2005: 105-106). Мы переходим от феноменальной самости к онтологической, которую обнаруживаем не за пределами феноменологии, а в ней самой, в опытной реальности самости. Захави предлагает несколько иной вариант минимализма (см.: Zahavi 2005: 106, 115-132). Его минимальная самость локализована в неотъемлемых характеристиках опыта – его данности (*first-person givenness*) и принадлежности мне (*mineness*). В отличие от Захави я предпочитаю называть самостями вещи, которые обладают опытом, а не определенные свойства опыта.

Возвращаясь к критерию выживания, отмечу, что *S* как опытная способность вполне ему соответствует: если я навсегда потеряю способность переживать опыт, я перестану быть самостью. Все остальные кандидаты на роль свойства *S* например, самосознание в узком смысле (Baker 2000), нарративность (Schechtman 1996), способность иметь желания второго порядка (Frankfurt 1971) не удовлетворяют критерию выживания. Эти свойства, насколько бы важными для коллективных, мыслящих и моральных индивидов они ни были, в метафизическом плане контингентны для субъектности. Потеря этих свойств (например, в случае травмы мозга, ментальной болезни или амнезии) не ведет к разрушению субъекта как такового, тогда как потеря *S* как опытной способности означает гибель субъекта. Эта гибель неизбежно связана с гибелью всего организма: условия биологического выживания не тождественны условиям выживания субъекта. Речь идет не о биологическом выживании полной самости, а только о выживании *p* в качестве самости, или вещи, обладающей самостью. Рассмотрим три случая отношения между свойствами *H* и *S*, где *H* – свойство некой вещи быть живым человеческим организмом, а *S* – наличие у этой вещи опытной способности:

- 1) *H&S* – случай большинства людей;
- 2) *H&-S* – случай пациентов, которые находятся в перманентном вегетативном состоянии. Такие люди продолжают существовать в качестве живого организма, но потеряли опытную способность. Согласно феноменальному минимализму, если способность переживать опыт действительно потеряна навсегда, такие люди больше не могут считаться субъектами¹. Кроме того, *H&-S* репрезентирует случай организма, который пока не обладает разившейся опытной способностью. Плод до определенного срока беременности, хоть и реагирует на стимулы, но, по-видимому, лишен какого бы то ни было опыта (Lagercrantz, Changeux 2009). Если это так, все мы становимся человеческими организмами раньше, чем самостями, и можем погибнуть как самости, при этом продолжая жить как организмы;
- 3) *-H&S* – должна ли самость быть свойством только нейронных субстратов человеческих тел? Нет оснований так полагать². Если вещь, которая

¹ При этом автор не призывает использовать столь упрощенную формулировку для решения биоэтических проблем, которые требуют гораздо более тщательного анализа.

² Это также точка зрения Дейнтонна (Dainton 2008: xiv).

не является живым человеческим организмом, переживает сознательный опыт, нам следует признать ее самостью. Не все самости люди, но и не все люди самости, если под словом «человек» понимать только живой человеческий организм независимо от наличия опытной способности.

Если S – опытная способность, которая порождается организмом и не является необходимой для его выживания (случаи $H\&-S$), она не тождественна организму в целом. S – реальное свойство, которое может в разное время присутствовать и отсутствовать у вещи. Его присутствие предопределяет онтологический статус вещи, который, в свою очередь, влияет на ее моральный статус. Так, Парфит (Parfit 2012) упоминает случай Нэнси Крузан, которая провела 9 лет в вегетативном состоянии, после чего ее семья получила разрешение суда на отключение Крузан от аппарата поддержания жизни. Отключение было санкционировано судом и юридически не считалось убийством. Мозг Крузан не функционировал, и есть все основания утверждать, что она навсегда потеряла опытную способность.

Ответы на возражения. В заключительной части статьи я отвечаю на аргументы против ее центрального тезиса.

Возражение со стороны круга в определении: согласно изложенной концепции, быть самостью – значит иметь опытную способность, при этом все вещи с опытной способностью автоматически являются самостями. Это циркулярное определение.

Ответ: на мой взгляд, «самость» более амбивалентное понятие, чем «способность к сознательному опыту». Цель данной статьи – прояснить это темное понятие путем ответа на вопрос «Что такое самость?», или «Что такое мы по преимуществу?». Если центральный тезис статьи верен, то фундаментально (но отнюдь не исчерпывающим образом) каждого из нас – в отличие от не-самостей – характеризует то, что мы можем переживать опыт. Перед нами не циркулярное определение, а редукция амбивалентного понятия к другому, базовому понятию. Кроме того, точнее понимать самость не как опытную способность (предикативное свойство), а как вещь с этим свойством вида подходящий субстрат + эмерджентная на нем способность к опыту.

Возражение со стороны тождества содержаний и способностей: индивиды могут иметь одинаковый опыт и одинаковые опытные способности. Это нарушает ключевой аспект любой единичной самости – быть тождественной только себе самой.

Ответ: опыт индивида p_1 и опыт индивида p_2 могут быть тождественны в момент t только качественно, но не нумерически. Два вещи (например, два электрона) могут быть качественно идентичными, при этом каждая будет тождественна себе и не тождественна никакой другой. Более того, можно защищать тезис, что никакой опыт индивида p_1 не может быть тождественным никакому опыту индивида p_2 , потому что опыт p_1 с необходимостью обладает свойством «принадлежать p_1 ». Опыт p_2 с необходимостью лишен этого свойства. Если качественное тождество опыта разных личностей метафизически невозможно, то и качественное

тождество личностей невозможно. Даже если Сократ в мире w_1 проживает точно такую же жизнь, как Сократ в w_2 , и имеет содержательно такой же опыт – все равно Сократ- w_1 не есть Сократ- w_2 на основании того, что опыт Сократа- w_1 принадлежит только ему и никому другому. Обладать опытной способностью – видовая характеристика людей (и других животных), которая не лишает каждого представителя вида нумерического тождества самому себе.

Возражение со стороны воли: когда я самостоятельно принимаю решение, в том числе какой опыт переживать, то этот опыт кажется вторичным по отношению к более фундаментальному «ведущему» или волевому началу во мне. Кроме того, я могу сам навсегда прекратить свой опыт (совершить суицид).

Ответ: здесь мы опять должны применить критерий выживания. Некоторые тяжелые заболевания могут либо лишить меня волевой способности (крайняя депрессия, деперсонализация), либо лишить мою волю действенности (паралич). Но я не вижу причин, по которым мы должны отказать пациентам с такими заболеваниями в статусе личности. Кроме того, невозможно представить себе волю в пустом сознании без каких бы то ни было опытных содержаний. Такая воля, по-видимому, ничем не отличалась бы от воли машины или зомби. Что касается суицида, то я могу совершить суицид, выпив яд или согласившись на полную кибернетизацию мозга. Оба случая, если феноменализм верен, означают смерть, потому что навсегда лишают меня опытной способности.

Возражение со стороны других способностей: почему привилегированный статус получает опытность, а не другие ментальные способности, например к осознанию, восприятию, различению, отождествлению?

Ответ: как и в случае с волей, остальные наши когнитивные и ментальные способности не могут проявлять себя, если они пусты, то есть лишены опытного материала. Сознание, которое не может различать, все же может считаться сознанием, по крайней мере, в минимальном смысле – в отличие от сознания, которому просто нечего различать. Что касается восприятия, то этот термин несет с собой нежелательные онтологические обязательства: если опыт – продукт восприятия, с необходимостью должно быть то, что воспринимается. Дейнтон (Dainton 2008) характеризует самость как пучок опытных способностей, каждая из которых *производит* соответствующий тип опыта. В такой модели опыт – не продукт восприятия.

Возражение о замене нейронов: клетки нашего организма постоянно обновляются, включая клетки мозга. Если мозг – нейронный субстрат – лишен тождества во времени, тогда тождество личности не может состоять в обладании непрерывной опытной способностью, поскольку эта способность лишена постоянного субстрата.

Ответ: замена частей сложной вещи на сходные части далеко не обязательно лишает эту вещь определенного свойства или атрибута. Корабль Тесея продолжает плыть, даже когда мореплаватели заменяют его части в открытом море. Феноменальная самость понимается именно как такое свойство, которое поддерживается субстратом, но не зависит от конкретных

элементов субстрата. Тогда неясно, почему постоянная замена нейронов – аргумент против феноменализма. Тождество личности не нарушается даже после нейрохирургических операций.

Возражение со стороны индивидуации: как проверить, есть ли способность к опыту? На основании предложенного критерия самости, как мы можем отличить (а) животное с самостью от животного без самости? (б) личность от философского зомби?

Ответ: (а) у людей наличие опытной способности каузально и генетически зависит от наличия живого, функционирующего нейронного субстрата. К другим животным можно применить узкий и широкий критерии. Согласно узкому, самостями являются только те животные, которые обладают субстратом более-менее аналогичным человеческому (например, млекопитающие или позвоночные). Согласно широкому критерию, самости в фундаментальном смысле – все животные, которые обладают любым нейронным субстратом (то есть все представители царства Animalia, кроме губок и пластинчатых). (б) Если бы зомби были реальны, у нас, по-видимому, не было бы способа отличить их от личностей. Чтобы убедительно ответить на возражение (а), необходимо решить проблему нейрофизиологического коррелята сознания; чтобы аргументированно парировать возражение (б), нужно решить проблему других сознаний. Ни то, ни другое не входит в задачу данной статьи.

Возражение со стороны непостоянства: если самость – это опытная способность или диспозиция, она «мерцает» – порой мы не переживаем никакого опыта. Но тогда она непостоянна и не определяет уникальность и самобытность индивида.

Ответ: мерцание сознания не лишает его самоидентичности: я не перестаю быть собой, когда сплю или теряю сознание. Что касается уникальности, то, как было отмечено выше, нет причин думать, что возможны личности с качественно тождественным опытом: опыт Сократа всегда Сократов, а Платона – Платонов, даже если так получается, что Сократ и Платон содержательно всегда испытывают одно и то же. В таком случае каждая личность уникальна по определению как раз в силу уникальности опыта.

Возражение со стороны априорности: если самость связана с опытом, она не может быть априорной, и это перечеркивает все достижения трансценденталистской философии субъекта.

Ответ: подчеркну, что защищаемая в статье позиция не отождествляет самость с опытом (в отличие от позиции Галена Стросона). Опытность не есть опыт и сама по себе не дана в опыте. Опытность – вид некоторых свойств, присущих в мире некоторым вещам. Постольку, поскольку самость – это опытность, а последняя – условие возможности опыта, предлагаемая позиция может быть названа трансценденталистской в широком смысле. Но, согласно феноменализму, для существования самости достаточно наличия какой бы то ни было чувственности в отличие от конкретных априорных форм чувственности и рассудка.

Возражение со стороны концептуального антиревизионизма: признаем, что существует сознательный опыт и что существуют вещи, которые обла-

дают сознательным опытом. Но такие вещи не следует называть самостями. Минималисты занимаются терминологическим ревизионизмом, произвольно меняя референт термина «самость». Антиреалисты отрицают не существование носителей опыта, а существование (1) какой бы то ни было самостоятельной тонкой онтологической самости, например мыслящей вещи Декарта, или (2) фолк-психологической веры во внутреннюю ментальную сущность независимо от онтологических обязательств.

Ответ: по поводу возражения (1) повторю, что я не поддерживаю идею реальности какой-либо самости вне опытной реальности, поэтому если некий антиреалист, атакуя самость, имеет в виду только независимую не-феноменальную сущность, обитающую за пределами опыта, то нам не о чем спорить. Но та самость, которая дана в опыте, сама «онтологична» и вполне реальна, поскольку представляет собой физическое свойство, эмерджентное на физическом субстрате. Тех, кто отрицает, что феноменальная самость принадлежит конкретному, вещественному бытию, я приглашаю объяснить, каким образом реальный предмет (мозг) может обладать свойством (порождать сознательный опыт), которому мы отказываем в реальности.

В ответ на возражение (2) отмечу, что необходимо разделять опыт самости и его гипостазирование. Сам по себе опыт самости универсален. Мы не можем отмахнуться от него, используя старые витгенштейнианские или новые нейрофилософские аргументы в духе Метцингера. Люди стихийно верят во внутреннюю ментальную вещь, но эта вещь действительно реальна постольку, поскольку дана всем нам в опыте, и ее данность в опыте составляет ее реальность. Возможно, не следует идти дальше этого и гипостазировать ее. Если это происходит, мы плодим сущности, для доказательства реальности которых сложно найти хорошие философские и научные аргументы.

Возражение со стороны других видов реализма: опытная способность – необходимое, но не достаточное условие для субъектности. Могут называть иные необходимые свойства S , такие, что если $S(p)$, то p – самость: например, способность к созданию автобиографических нарративов, или наличие самосознания. Так, Бейкер эксплицитно отвергает опытный минимализм (Baker 2000: 4). Для Бейкер быть личностью, или самостью¹, означает обладать способностью к тому, что она называет перспективой от первого лица (*first-person perspective*). У p есть перспектива от первого лица, если p может помыслить себя как себя и свои мысли как свои (Baker 2000: 91). Только личностям свойственна забота о себе в будущем, и поскольку животные, кроме людей, не способны к самосознанию, они не могут считаться личностями².

¹ Бейкер предпочитает термин *person*, а не *self*, но, учитывая ее эссенциалистскую формулировку проблемы личности (Baker 2000: 4), я буду считать, что *self* и *person* в данном контексте эквивалентны.

² Сходный тезис – животные не являются субъектами в том числе потому, что они лишены заботы о будущем – есть у Мида (Mead 1972: 183).

Ответ: Бейкер избирает слишком узкий критерий самости. Как бы самосознание ни было важно для нас, с метафизической точки зрения это произвольный критерий. Некоторые психические заболевания практически лишают человека самосознания в бейкеровском смысле (при тяжелой форме деменции человек не может дать себе отчет, где он находится, не может строить планы, узнавать себя и других). Критерий Бейкер лишает статуса самостей не только таких пациентов, но и животных, в том числе морфологически, поведенчески и генетически близких к человеку (других представителей семейства Hominidae).

Что касается другого варианта реализма – нарративизма – то я не буду предлагать развернутые аргументы против этой модели, так как они уже представлены в литературе¹. В статье Деннета «The self as a center of narrative gravity» («Самость как центр нарративного притяжения») (Dennett 1992) есть пример машины, сочиняющей романы. Несложно представить, что подобная машина сможет пройти тест Гэллапа на наличие самосознания (Gallup 1970). Таким образом, она будет удовлетворять и критериям нарративистов, и критерию перспективы от первого лица Бейкер, будучи лишенной какого бы то ни было сознательного опыта. Согласно этим критериям, такая машина должна быть признана самостью, или личностью. Но интуиция не позволяет мне назвать зомби или машину личностями в том и числе и потому, что личности требуют от нас моральной заботы сами по себе, как конечные цели этой заботы, но вряд ли машина когда-либо может стать такой целью.

Заключение. Завершая статью, я возвращаюсь к проблемам, поставленным в ее начале. Плюрализм в вопросе самости – это позиция, что у самостей нет эссенциальных свойств. Субъект в таком понимании – это пучок разнородных свойств и способностей, которые не объединены в иерархию. С плюрализмом связан конвенционализм. Согласно конвенционализму, не существует верного ответа на вопрос «Что такое самость?», так как любые суждения о самости – это суждения, выражающие то, что некое сообщество договорилось считать самостью. Я отвергаю плюралистическое понимание самости, поскольку оно игнорирует критерий выживания. На мой взгляд, из всех возможных предикатов, которые мы приписываем субъектам, ни один не соответствует этому критерию, кроме опытной способности. Другими словами, все предикаты, которые можно приписать субъектам, все же составляют иерархию, в основании которой находится опытная способность.

Я предлагаю следующее решение проблем (1) характеристики, (2) реальности и (3) условий самости:

1. Самость – это вещь, обладающая опытной способностью;
2. Такая вещь реальна. Реальна и сама опытная способность как свойство, эмерджентное на этой вещи;

¹ Нарративизм критикуют Стросон (Strawson 2004), Захави (Zahavi 2005: 106-114). Стросон также подвергает критике идею, что наличие «полного» самосознания (способности сознавать себя как себя) является условием для того, чтобы быть самостью (Strawson 2009: 108).

3. Вещь p в момент времени t является самостью, если обладает способностью переживать опыт в t .

Такое решение, конечно, не устраняет все вопросы и не разрешает парадоксы, а лишь намечает исследовательскую программу, которая подходит к самости с определенной точки зрения. Эта точка зрения позволяет нам отбросить неправдоподобные антиреалистические позиции и достигнуть большей ясности во взаимном отношении реалистических позиций.

В заключение я перечислю отмеченные в тексте статьи преимущества феноменализма по сравнению с другими ответами на вопрос «Что такое самость?». Во-первых, феноменализм предлагает ясный критерий различения личностей и прочих вещей в мире. Из данного критерия следует, что зомби, машины и пациенты, находящиеся в перманентном вегетативном состоянии, онтологически не есть самости. При этом все животные, обладающие функционирующим нейронным субстратом, необходимым для переживания опыта, – самости. Во-вторых, феноменализм предоставляет критерий выживания личностей. На основании этого критерия мы можем дать ответ на вопрос, при каких условиях сохраняется тождество личности во времени. Так, «простая телепортация» Парфита¹, согласно феноменализму, будет означать гибель субъекта, так как в ходе этой операции будет прервано *постоянство* опытной способности. В-третьих, в отличие от нарративизма и других реалистических подходов к самости, феноменалистический критерий не отказывает не-человеческим организмам в праве называться минимальными опытными самостями. Это существенным образом меняет (в сторону расширения) поле нашей моральной заботы. В-четвертых, феноменализм предоставляет нам четкий ориентир в решении биоэтических проблем². Наконец, феноменализм утверждает фундаментальный уровень минимальной, или базовой, самости, наличие которой у вещи является необходимым условием развития высших когнитивных способностей – например, эпизодической памяти и вытекающей из нее способности к созданию автобиографических нарративов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Albahari M. 2007. Analytical Buddhism: The Two-Tiered Illusion of the Self. New York : Palgrave Macmillan. 235 p.

Baker L.R. Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge, UK ; New York : Cambridge Univ. Press, 2000. XII, 233 p.

Barresi J., Martin R. 2011. History as Prologue: Western Theories of the Self // The Oxford Handbook of the Self / Ed. by S. Gallagher. New York : Oxford Univ. Press. P. 33-56.

¹ Запись данных об организме на Земле, его уничтожение и затем точная пересборка качественно тождественного организма на Марсе (Parfit 1984: 5; Parfit 2012: 199).

² Важность и моральные последствия решения этих проблем, однако, таковы, что каждую из них необходимо тщательно разрабатывать отдельно. Их анализ выходит за рамки данной статьи.

- Bayne T. 2010. *The Unity of Consciousness*. Oxford : Oxford Univ. Press. XII, 342 p.
- Cermolacce M. et al. 2007. The minimal self in psychopathology: re-examining the self-disorders in the schizophrenia spectrum / M. Cermolacce, J. Naudin, J. Parnas // *Consciousness and Cognition*. Vol. 16, iss. 3. P. 703-714. DOI: 10.1016/j.concog.2007.05.013.
- Christman J. 2004. Narrative Unity as a Condition of Personhood // *Metaphilosophy*. Vol. 35, iss. 5. P. 695-713. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2004.00345.x.
- Dainton B. 2008. *The Phenomenal Self*. Oxford : Oxford Univ. Press. XXV, 417 p.
- Dainton B. 2012. Selfhood and the flow of experience // *Grazer Philosophische Studien*. Vol. 84. P. 173-211.
- Damasio A. 1999. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*. New York : Harcourt Brace. XII, 386 p.
- Dennett D. 1991. *Consciousness Explained*. Boston : Toronto : Little, Brown and Co. XIII, 511 p.
- Dennett D. 1992. The self as a center of narrative gravity // *Self and Consciousness: Multiple Perspectives* / Ed. by F.S. Kessel, P.M. Cole and D.L. Johnson. Hillsdale, NJ : Erlbaum. P. 103-115.
- Dennett D. 2008. What RoboMary Knows // *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism* / Ed. by T. Alter, S. Walter. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 14-31.
- Frankfurt H.G. 1971. Freedom of the Will and the Concept of a Person // *Journal of Philosophy*. Vol. 68, № 1. P. 5-20.
- Gallagher Sh. 2013. A Pattern Theory of Self // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 7, art. 443. P. 1-7. DOI:10.3389/fnhum.2013.00443.
- Gallagher Sh., Zahavi D. 2012. *The Phenomenological Mind*. 2nd ed. London : New York : Routledge. XIV, 271 p. DOI: 10.4324/9780203126752.
- Gallup G.G. Jr. 1970. Chimpanzees: Self-Recognition // *Science. New Series*. Vol. 167, № 3914. P. 86-87. DOI: 10.1126/science.167.3914.86.
- Gurwitsch A.A. 1941. A Non-egological Conception of Consciousness // *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 1, iss. 3. P. 325-338. DOI: 10.2307/2102762.
- Hood B. 2012. *The Self Illusion: Why there Is No 'You' Inside Your Head*. London : Constable & Robinson. 273 p.
- James W. 1983. *The Principles of Psychology*. Cambridge : London : Harvard Univ. Press. 1376 p.
- Klein S.B. 2012. The Self and its Brain // *Social Cognition*. Vol. 30, № 4. P. 474-518. DOI: 10.1521/soco.2012.30.4.474.
- Lagercrantz H., Changeux J.-P. 2009. The Emergence of Human Consciousness: From Fetal to Neonatal Life // *Pediatric Research*. Vol. 65, № 3. P. 255-260. DOI: 10.1203/PDR.0b013e3181973b0d.
- MacIntyre A.C. 2007. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. 3rd ed. Notre Dame, Indiana : Univ. of Notre Dame Press. 286 p.
- McClelland T. 2019. Against Virtual Selves // *Erkenntnis*. Vol. 84, № 1. P. 21-40. DOI: 10.1007/s10670-017-9945-8.
- Mead G.H. 1972. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist* / Ed. and with an introduction by C.W. Morris. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press. 401 p. (Works of George Herbert Mead ; Vol. 1).
- Metzinger Th. 2003. *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*. Cambridge, MA : The MIT Press. XIV, 699 p.

Metzinger Th. 2009. *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self*. New York, NY : Basic Books. 288 p.

Metzinger Th. 2010. *The Self-Model Theory of Subjectivity: A Brief Summary with Examples* // *Humana. Mentē : Journal of Philosophical Studies*. Vol. 14. P. 25-52.

Metzinger Th. 2011. *The No-Self Alternative* // *The Oxford Handbook of the Self* / Ed. by S. Gallagher. New York : Oxford Univ. Press. Ch. 11. P. 279-296. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548019.003.0012.

Neisser U. 1988. *Five Kinds of Self-Knowledge* // *Philosophical Psychology*. Vol. 1, iss. 1. P. 35-59. DOI: 10.1080/09515088808572924.

Nelson B. et al. 2014. *Disturbance of minimal self (ipseity) in schizophrenia: clarification and current status* / B. Nelson, J. Parnas, L.A. Sass // *Schizophrenia Bulletin*. Vol. 40, iss. 3. P. 479-482. DOI: 10.1093/schbul/sbu034.

Olson E.T. 1998. *There is No Problem of the Self* // *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 5, iss. 5-6. P. 645-657.

Parfit D. 1984. *Reasons and Persons*. Oxford ; New York : Clarendon. XV, 543 p.

Parfit D. 2012. *We Are Not Human Beings* // *Philosophy*. Vol. 87, iss.1. P. 5-28. DOI: 10.1017/s0031819111000520.

Ryle G. 2009. *The Concept of Mind*. London ; New York : Routledge. 314 p. DOI: 10.4324/9780203875858.

Schechtman M. (ed.) 1996. *The Constitution of Selves* / Ed. by M. Schechtman. Ithaca : Cornell Univ. Press. 192 p.

Schechtman M. 2001. *Empathic Access: The Missing Ingredient in Personal Identity* // *Philosophical Explorations*. Vol. 4, iss. 2. P. 94-110. DOI: 10.1080/10002001058538710.

Siderits M. 2003. *Personal Identity and Buddhist Philosophy: Empty Persons*. Farnham : Ashgate, 250 p.

Siderits M. et al. 2010. *Introduction* // *Self, No Self? Perspectives From Analytical, Phenomenological, and Indian Traditions* / Ed. by M. Siderits, E. Thompson, D. Zahavi. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 1-26.

Snowdon P. 2009. *The Self and Personal Identity* // *Central Issues of Philosophy* / Ed. by J. Shand. Malden, MA : Wiley-Blackwell. P. 121-137.

Strawson G. 1997. *The Self* // *Journal of Consciousness Studies*. Vol. 4, iss. 5-6. P. 405-428.

Strawson G. 2004. *Against Narrativity* // *Ratio*. Vol. 17. P. 428-452. DOI: 10.1111/j.1467-9329.2004.00264.x

Strawson G. 2009. *Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics*. Oxford : Oxford Univ. Press. 448 p.

Strawson G. 2011. *The Minimal Subject* // *The Oxford Handbook of the Self* / Ed. by Shaun Gallagher. New York : Oxford Univ. Press. P. 253-278.

Strawson G. 2017. *The Subject of Experience*. Oxford : Oxford Univ. Press. XV, 315 p.

Strawson P.F. 1959. *Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics*. London ; New York : Methuen. 255 p.

Wiggins D. 1987. *The Person as Object of Science, as Subject of Experience, and as Locus of Value* // *Persons and Personality. A Contemporary inquiry* / Ed. by Arthur Peacocke and Grant Gillett. Oxford : Basil Blackwell. P. 56-74.

Wittgenstein L. 1991. *The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the 'Philosophical Investigations'*. Wiley-Blackwell. 210 p.

Zahavi D. 2005. *Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective*. Cambridge, MA : MIT Press. 280 p.

References

- Albahari M. *Analytical Buddhism: The Two-Tiered Illusion of the Self*, New York, Palgrave Macmillan, 2007, 235 p.
- Baker L.R. *Persons and Bodies: A Constitution View*, Cambridge, UK, New York, Cambridge Univ. Press, 2000, xii, 233 p.
- Barresi J., Martin R. History as Prologue: Western Theories of the Self, Gallagher S. (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*, New York, Oxford Univ. Press, 2011, pp. 33-56.
- Bayne T. *The Unity of Consciousness*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2010, xii, 342 p.
- Cermolacce M., Naudin J., Parnas J. The minimal self in psychopathology: re-examining the self-disorders in the schizophrenia spectrum, *Consciousness and Cognition*, 2007, vol. 16, iss. 3, pp. 703-714. DOI: 10.1016/j.concog.2007.05.013.
- Christman J. Narrative Unity as a Condition of Personhood, *Metaphilosophy*, 2004, vol. 35, iss. 5, pp. 695-713. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2004.00345.x.
- Dainton B. Selfhood and the flow of experience, *Grazer Philosophische Studien*, 2012, vol. 84, pp. 173-211.
- Dainton B. *The Phenomenal Self*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2008, xxv, 417 p.
- Damasio A. *The Feeling of What Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness*, New York, Harcourt Brace, 1999, xii, 386 p.
- Dennett D. *Consciousness Explained*, Boston, Toronto, Little, Brown and Co, 1991, xiii, 511 p.
- Dennett D. The self as a center of narrative gravity, F.S. Kessel, P.M. Cole and D.L. Johnson (eds.) *Self and Consciousness: Multiple Perspectives*, Hillsdale, NJ, Erlbaum, 1992, pp. 103-115.
- Dennett D. What RoboMary Knows, Alter T., Walter S. (eds.). *Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge: New Essays on Consciousness and Physicalism*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2008, pp. 14-31.
- Frankfurt H.G. Freedom of the Will and the Concept of a Person, *Journal of Philosophy*, 1971, vol. 68, no. 1, pp. 5-20.
- Gallagher Sh. A Pattern Theory of Self, *Frontiers in Human Neuroscience*, 2013, no. 7, art. 443, pp. 1-7. DOI:10.3389/fnhum.2013.00443.
- Gallagher Sh., Zahavi D. *The Phenomenological Mind*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2012, xiv, 271 p. DOI: 10.4324/9780203126752.
- Gallup G.G. Jr. Chimpanzees: Self-Recognition, *Science. New Series*, 1970, vol. 167, no. 3914, pp. 86-87. DOI: 10.1126/science.167.3914.86.
- Gurwitsch A.A. A Non-egological Conception of Consciousness, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1941, vol. 1, iss. 3, pp. 325-338. DOI: 10.2307/2102762.
- Hood B. *The Self Illusion: Why there Is No 'You' Inside Your Head*, London, Constable & Robinson, 2012, 273 p.
- James W. *The Principles of Psychology*, Cambridge, London, Harvard Univ. Press, 1983, 1376 p.
- Klein S.B. The Self and its Brain, *Social Cognition*, 2012, vol. 30, no. 4, pp. 474-518. DOI: 10.1521/soco.2012.30.4.474.
- Lagercrantz H., Changeux J.-P. The Emergence of Human Consciousness: From Fetal to Neonatal Life, *Pediatric Research*, 2009, vol. 65, no. 3, pp. 255-260. DOI: 10.1203/PDR.0b013e3181973b0d.
- MacIntyre A.C. *After Virtue: A Study in Moral Theory*, 3rd ed., Notre Dame, Indiana, Univ. of Notre Dame Press, 2007, 286 p.

- McClelland T. Against Virtual Selves, *Erkenntnis*, 2019, vol. 84, no. 1, pp. 21-40. DOI: 10.1007/s10670-017-9945-8.
- Mead G.H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*, Chicago, London, Univ. of Chicago Press, 1972, 401 p. (Works of George Herbert Mead ; Vol. 1).
- Metzinger Th. *Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity*, Cambridge, MA, The MIT Press, 2003, xiv, 699 p.
- Metzinger Th. *The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self*, New York, NY, Basic Books, 2009, 288 p.
- Metzinger Th. The No-Self Alternative, S. Gallagher (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*, New York, Oxford Univ. Press, 2011, ch. 11, pp. 279-296. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548019.003.0012.
- Metzinger Th. The Self-Model Theory of Subjectivity: A Brief Summary with Examples, *Humana. Mente : Journal of Philosophical Studies*, 2010, vol. 14, pp. 25-52.
- Neisser U. Five Kinds of Self-Knowledge, *Philosophical Psychology*, 1988, vol. 1, iss. 1, pp. 35-59. DOI: 10.1080/09515088808572924.
- Nelson B., Parnas J., Sass L.A. Disturbance of minimal self (ipseity) in schizophrenia: clarification and current status, *Schizophrenia Bulletin*, 2014, vol. 40, iss. 3, pp. 479-482. DOI: 10.1093/schbul/sbu034.
- Olson E.T. There is No Problem of the Self, *Journal of Consciousness Studies*, 1998, vol. 5, iss. 5-6, pp. 645-657.
- Parfit D. *Reasons and Persons*, Oxford, New York, Clarendon, 1984, xv, 543 p.
- Parfit D. We Are Not Human Beings, *Philosophy*, 2012, vol. 87, iss.1, pp. 5-28. DOI: 10.1017/s0031819111000520.
- Ryle G. *The Concept of Mind*, London, New York, Routledge, 2009, 314 p. DOI: 10.4324/9780203875858.
- Schechtman M. (ed.) *The Constitution of Selves*, Ithaca, Cornell Univ. Press, 1996, 192 p.
- Schechtman M. Empathic Access: The Missing Ingredient in Personal Identity, *Philosophical Explorations*, 2001, vol. 4, iss. 2, pp. 94-110. DOI: 10.1080/10002001058538710.
- Siderits M. *Personal Identity and Buddhist Philosophy: Empty Persons*, Farnham, Ashgate, 2003, 250 p.
- Siderits M., Thompson E., Zahavi D. Introduction, M. Siderits, E. Thompson, D. Zahavi (eds.) *Self, No Self? Perspectives From Analytical, Phenomenological, and Indian Traditions*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2010, pp. 1-26.
- Snowdon P. The Self and Personal Identity, J. Shand (ed.) *Central Issues of Philosophy*, Malden, MA, Wiley-Blackwell, 2009, pp. 121-137.
- Strawson G. Against Narrativity, *Ratio*, 2004, vol. 17, pp. 428-452. DOI: 10.1111/j.1467-9329.2004.00264.x
- Strawson G. *Selves: An Essay in Revisionary Metaphysics*, Oxford Univ. Press, 2009, 448 p.
- Strawson G. The Minimal Subject, Sh. Gallagher (ed.) *The Oxford Handbook of the Self*, New York, Oxford Univ. Press, 2011, pp. 253-278.
- Strawson G. The Self, *Journal of Consciousness Studies*, 1997, vol. 4, iss. 5-6, pp. 405-428.
- Strawson G. *The Subject of Experience*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2017, xv, 315 pp.
- Strawson P.F. *Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics*, London, New York, Methuen, 1959, 255 p.
- Wiggins D. The Person as Object of Science, as Subject of Experience, and as Locus of Value, A. Peacocke, G. Gillett (eds.) *Persons and Personality. A Contemporary inquiry*, Oxford, Basil Blackwell, 1987, pp. 56-74.

Wittgenstein L. *The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the 'Philosophical Investigations'*, Wiley-Blackwell, 1991, 210 p.

Zahavi D. *Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective*, Cambridge, MA, MIT Press, 2005, 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Турко Дмитрий Сергеевич

магистр философии, аспирант, стажер-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4632-4548>;
ResearcherID: AG-9275-2019;
Scopus: 57205098955;
SPIN-код: 7472-7900;
Google Scholar: uSpJi68AAAAJ;
E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry S. Tourko

M.A. in Philosophy, Ph.D. student, research intern, Higher School of Economics, Moscow, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4632-4548>;
ResearcherID: AG-9275-2019;
Scopus: 57205098955;
SPIN-код: 7472-7900;
Google Scholar: uSpJi68AAAAJ;
E-mail: tourko.dmitry@gmail.com

Рябушкина Т.М. Парадигмы в западноевропейской теории познания: от формального разграничения «классика – неклассика» к поиску содержательных определений. DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_31 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 31–60.

УДК 165.12

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_31

Парадигмы в западноевропейской теории познания: от формального разграничения «классика – неклассика» к поиску содержательных определений

Татьяна Михайловна Рябушкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия.

E-mail: ryabushkinat@yandex.ru

*Поступила в редакцию 29.06.2021, поступила после рецензирования 30.08.2021,
принята к публикации 18.10.2021*

Статья нацелена на анализ и развитие отечественной традиции разграничения парадигм, сменяющих друг друга в процессе развития западноевропейского мышления. Необходимость такого исследования связана с тем, что разграничение «классика – неклассика», принятое в отечественной философской литературе, имеет формальный характер. Неклассическая парадигма определяется путем указания на отсутствие в ней тех или иных черт классической (картезианской) парадигмы, таких как, например, фундаментализм, субъектоцентризм, наукоцентризм, но не путем нахождения *собственного внутреннего принципа* каждой из рассматриваемых парадигм, на основе которого можно было бы вывести ее вторичные признаки, а также структурные особенности связанных с данной парадигмой мировоззренческих представлений. Аналогичное возражение можно выдвинуть и против таких принятых в западноевропейской философской литературе разграничений, как «модерн» и «постмодерн», «метафизика» и «постметафизика». Принимая *теоретико-познавательный* ракурс рассмотрения парадигмальных различий как возможный (хотя и не единственный) подход к выявлению их содержательной основы, автор включается в дискуссию отечественных исследователей по данной проблематике, ведущуюся в гносеологическом ключе. Как показывает проведенный анализ, формирование классической парадигмы (познавательной установки) определяет изменение в понимании ключевого гносеологического противопоставления – противопоставления *наших представлений о реальности и самой реальности*: на смену характерному для Античности и Средневековья противопоставлению *чувственного и сверхчувственного* приходит противопоставление *субъективного (внутреннего)* и

© Рябушкина Т.М., 2021

объективного (внешнего). Тем самым различие между представлениями о реальности и самой реальностью переносится в пределы чувственного мира, что дает начало процессу автономизации этого мира от мира иного. Этот ключевой признак позволяет очертить границу классики и ответить на ряд дискуссионных вопросов, например, на вопрос о том, являются ли классическими философами И. Кант и Г.В.Ф. Гегель. Поскольку субъектно-объектное отношение становится ключевым теоретико-познавательным отношением, дальнейшая смена парадигм определяется изменениями в понимании характера этого отношения и его роли в познании. Автор статьи показывает, что неклассическая парадигма, формирование которой начинается в работах А. Шопенгауэра, приносит с собой отрицание разделения познаваемого мира на *субъективную* и *объективную* составляющие и замену отношения «субъект – объект» корреляцией «опредмечивание – предмет», предполагающей исключение *субъективного* из сферы познаваемого. Проведенный анализ позволяет заключить, что, вопреки М. Хайдеггеру, «время картины мира» соответствует не классической, а неклассической гносеологической модели. Именно это время можно назвать эпохой тотального *объективизма*, оборотной стороной которого является *субъективизм*. Следующее парадигмальное изменение подготавливается превращением мира-картины в мир-текст, в котором субъектно-объектное отношение утрачивает структуроопределяющую роль в познаваемом мире. Исследование показывает, что смена познавательной установки, определяющей структуру познаваемого мира, осуществляется через полагание *нового разграничения* между познанным и непознанным. Это разграничение вовсе не обязательно должно пролегать в области познаваемого, но может быть проведено между познаваемым и тем, что полагается лежащим за его пределами).

Ключевые слова: классическая теория познания, неклассическая теория познания, познавательная установка, познаваемый мир, чувственное, сверхчувственное, субъективное, объективное, Рене Декарт, немецкий идеализм, субъективизм, объективизм, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Людвиг Витгенштейн

Paradigmatic Transformations of the Western European Theory of Knowledge: From the Formal Distinction “Classical – Non-Classical” to Search for Meaningful Definitions

Tatyana M. Ryabushkina

Higher School of Economics, Moscow, Russia
E-mail: ryabushkinat@yandex.ru

Received 29.06.2021, revised 30.08.2021, accepted 18.10.2021

Abstract. The article is aimed at revealing the key features of epistemological paradigms, which change each other in the process of development of Western European thinking. The need for such a study is due to the fact that the distinction ‘classic – non-classic’, which is accepted in Russian philosophical literature, has a formal character. The non-classical

paradigm is defined by indicating the absence of certain features of the classical (Cartesian) paradigm, such as, for example, fundamentalism, self-centrism, science-centrism, but not by finding the internal principle of each paradigm, on the basis of which its secondary features and the structure specificity of the conscious world of the corresponding epoch could be derived. In search of the basis for paradigm differences, the author turns to the analysis of the classical paradigm. As the analysis shows, it is determined by a change in understanding of the key epistemological opposition – the opposition of *our knowledge of reality* and *reality itself*. The ancient and medieval opposition of the *sensible* and the *supra-sensible* is replaced by the opposition of *subjective* and the *objective*. Thus, the distinction between *our knowledge of reality* and *reality itself* is moved into the area of the *conscious (sensible)* world, which gives rise to the process of autonomization of this world from another world. This key feature allows us to outline the classic epistemology and answer a number of debatable questions, for example, the question of whether I. Kant and G.V.F. Hegel are the classical philosophers. As the subject-object relation becomes a key epistemological relation, the further paradigm shifts are determined by changes in understanding of the character of this relation and its role in cognition. The author of article shows that the non-classical paradigm, the formation of which begins in the works of A. Schopenhauer, brings with it a denial of the division of the conscious world into *subjective* and *objective* contents and the transformation of the relation ‘subject – object’ into the correlation ‘objectification – object’, which implies the exclusion of the *subjective* from the sphere of consciousness. The analysis allows us to conclude that, contrary to M. Heidegger, the age when the world becomes a picture is not the classical, but the non-classical epoch. It can be called the epoch of total *objectivism*, the reverse side of which is *subjectivism*. The next paradigmatic shift is prepared by the transformation of the world-picture into the world-text, in which the subject-object relation loses its structure-forming role in the conscious world. As the study shows, the change of the cognitive attitude that determines the structure of the conscious world is carried out through the assumption of a new distinction between the known and the unknown.

Keywords: classical theory of knowledge; non-classical theory of knowledge; the cognitive attitude, the conscious world; the sensible; the supra-sensible; the subjective; the objective; Rene Descartes; German idealism; subjectivism; objectivism; Arthur Schopenhauer; Friedrich Nietzsche; Ludwig Wittgenstein

For citation: Ryabushkina T.M. Paradigmatic Transformations of the Western European Theory of Knowledge: From the Formal Distinction “Classical – Non-Classical” to Search for Meaningful Definitions, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 31-60. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_31.

Введение

В отечественной теоретико-познавательной литературе, посвященной исследованию парадигмальных сдвигов в западноевропейской мысли, прочно закрепился термин «неклассическая теория познания», который, однако, не перестает носить дискуссионный характер. Прежде всего возникает вопрос, не является ли этот термин лишь отрицательным, вводимым для обозначения всей совокупности философских течений, для которых классическая (картезианская) постановка проблемы познания становится мишенью для критики, но не отражающим разносторонний характер этой критики и осуществляемую на ее основе дальнейшую смену парадигм.

Но и само разграничение «классики» и «неклассики» нельзя признать четко проведенным. И. Кант критикует классическую постановку проблемы познания, утверждая необходимость в ней «коперниканского переворота», а немецкие идеалисты подвергают критике сами основы кантовской теории познания – понятие «*вещь в себе*» и утверждение о *чувственном*, а не *интеллектуальном* характере человеческого созерцания. Означает ли это, что уже Канта и тем более Г.В.Ф. Гегеля следует причислить к неклассикам? Однако утвердительный ответ на этот вопрос привел бы к чрезвычайному сужению рамок классической парадигмы, получившей свое оформление в трудах Декарта, и признанию невозможности ее самокритики и внутреннего развития. М.К. Мамардашвили считает классическим весь период от Декарта до Гегеля: «Под “классической” философией мы имеем в виду совокупность идей и представлений, структур, мысленных навыков, выработанных послевозрожденческой европейской культурой из духовного материала философии Экона, Декарта и других мыслителей и получивших завершённую, итоговую форму у Гегеля, Фейербаха и Конта включительно» (Мамардашвили 2010: 126-127). Согласно Мамардашвили, в зрелых формах классики присутствуют две основные идеи: «...идея “разумного” в своих запредельных, сверхчувственных и абсолютных основаниях (или “провиденциально разумного”) бытия и идея индивида, способного возвыситься до абсолютного мышления» (Мамардашвили 2010: 149-150).

Однако Д.Э. Гаспарян называет Канта «первым по-настоящему неклассическим философом» (Гаспарян 2011: 22), а период от Гегеля и далее – «эпохой свершившейся неклассики» (Гаспарян 2011: 49). В качестве главного основания причисления Канта к неклассике выступает его критика онтологического доказательства бытия Бога, убедительно показавшая существование пропасти между понятием и реальностью. Гегель представляется родоначальником неклассической мысли, поскольку именно *диалектика* принимается неклассикой в качестве единственного языка описания мира, позволяющего избежать неразрешимой для классики проблемы несоизмеримости континуального мира и дискретного его описания (Гаспарян 2011: 26-28, 35).

В.А. Лекторский называет в качестве характерных черт классической эпистемологии *критицизм*, *фундаментализм*, *нормативизм*, *субъектоцентризм* и *наукоцентризм* (Лекторский 2001: 103-109). Неклассическая теория определяется им как преодоление каждой из вышеперечисленных черт классики. Остановимся лишь на субъектоцентризме, поскольку данная характеристика касается ключевой для теории познания категории субъекта и, как может показаться, является общепризнанной. Так, по Мамардашвили, в рамках классического подхода «субъект абстрактно идентифицирует себя с некоторой абсолютной точкой зрения и с этой позиции как бы извне обзирает и свои состояния, и внешнее ему бытие» (Мамардашвили 2010: 141). Гаспарян также относит к фундаментальным постулатам классической философии тезис о беспредпосылочном и абсолютном характере субъекта (Гаспарян 2011: 20).

Однако субъектоцентризм не может быть отличительным признаком классики. Действительно, о субъектоцентризме можно говорить в отноше-

нии феноменологии Э. Гуссерля, признающей несомненной реальностью данность феноменов трансцендентальному сознанию (Лекторский 2001: 108). Пример феноменологии свидетельствует о том, что «неклассическая философия соглашается с конституирующими полномочиями субъекта» (Гаспарян 2011: 47).

Чем же принципиально отличается неклассическое понимание роли субъекта от классического? Неклассика приносит с собой такие гносеологические идеи, как «*телесная воплощенность*» субъекта, «*интерсубъективность*», переход от индивидуального субъекта к «*коллективному субъекту*» (Порус 2002: 119-130). Обобщением этих идей может стать утверждение о *глубинной предпосылочности субъекта*, опосредованности его различными внешними детерминантами, к числу которых относятся социальные и культурные ценности, язык, общественно-экономический фон, бессознательные импульсы и т.д. (Гаспарян 2011: 28).

Вместе с тем если принять этот признак как отличительный для неклассики, необходимо ответить на вопрос: каким образом признание конституирующих функций субъекта в отношении мира объектов сочетается в неклассике с утверждением принципиальной обусловленности субъекта этим миром?

Но более важный вопрос заключается в следующем: что позволяет классикам «не замечать» телесность познающего, его предпосылочность и что заставляет неклассиков, напротив, делать на ней акцент? Не являются ли все указанные признаки лишь *следствиями* некоторого глубинного парадигмального различия? Можно ли указать его четкий теоретико-познавательный критерий? Можно ли представить такое понимание новой парадигмы, которое определяло бы ее собственное содержание, а не состояло лишь из *отрицаний* тех или иных черт прежней парадигмы? Можно ли провести границу между парадигмами, выявив ключевую характеристику каждой из них, определяющую структурные особенности сознательных представлений соответствующей эпохи? Цель исследования – поиск ответа на эти вопросы.

Предпринимаемый поиск парадигмальных различий имеет *теоретико-познавательный характер* и не предполагает историко-философского рассмотрения концепций и направлений той или иной эпохи. Тем не менее последние привлекаются нами в качестве иллюстрации существования той или иной гносеологической модели и анализируются в отношении их соответствия или несоответствия этой модели.

При выявлении парадигмальных различий мы будем исходить из следующего допущения. *Познавательная установка* (парадигма) предполагает проводимое нашим сознанием *различение* между тем, что дано, что входит в состав наших представлений, и тем, что является в сознании некоторый образ непознанного и подлежащего познанию. Кроме того, она предполагает некоторое видение *способа* соотнесения того, что имеется для нас, с тем, что, находясь за пределами имеющегося, направляет познавательный поиск.

В процессе исследования будут доказаны следующие основные тезисы. Если в доклассическую эпоху (Античность и Средневековье) ключевую

роль играет противопоставление *чувственного* и *сверхчувственного* и различие познавательных установок определяется пониманием отношения первого ко второму, то в работах Р. Декарта – родоначальника классической парадигмы – в качестве базовых противоположностей выступают «*субъективное*» и «*объективное*», и дальнейшая смена теоретико-познавательных парадигм определяется изменением понимания характера и роли субъектно-объектного отношения. После формирования картезианской парадигмы происходят только два таких изменения. Первое из них намечается у А. Шопенгауэра, для второго ключевой фигурой является Л. Витгенштейн. Кантовский трансцендентализм и немецкий идеализм, несмотря на их оригинальность, не приносят с собой смены парадигмы и могут быть рассмотрены как модификации классического понимания субъектно-объектного отношения. В чем оно состоит, предстоит прояснить в первой части исследования.

I. Классическая теория познания: от отношения «чувственное – сверхчувственное» к отношению «субъективное – объективное»

1. Разделение сознаваемого мира на субъективный и объективный на основе идеи о предустановленной гармонии. Для Античности характерно различие *истинного* и *неистинного бытия* и отождествление истины (истинного знания) и реальности, что ведет к *разделению мира* на «два вида сущего – зримое и безвидное» (Платон 1993: 34), на доступное чувствам и созерцаемое только умом. Наиболее ярко это разделение представлено у Платона, но можно показать, что оно имеет место в античной теории познания в целом.

Теория познания Платона предполагает, что в душе есть *скрытое содержание, которое нуждается в оживлении посредством вспоминания*. Отсутствуя в сознании, оно тем не менее дает о себе знать. Это содержание *задает направление* познавательного усилия, именно поэтому познающий способен к мгновенному, происходящему в самый момент припоминания, узнаванию предмета и признанию его в качестве истинного. А.Ф. Лосев пишет: «...*вспоминание, вожделение* и, как необходимый результат, *порождение* нового – вот в чем сущность эстетического сознания, как его понимает Платон и развитая античность» (Лосев 2000: 232)¹. Согласно Платону, предмет любви, познания и творческих стремлений человека – это *идеи*, в том числе и идеи вещей, их «образцы». В отличие от чувственных вещей, идеи есть подлинное бытие, они вечны, неизменны, непространственны.

При этом Античность не отделяет чувственный мир от сверхчувственного непроходимой пропастью и стремится привести их к единству, утверждая возможность созерцания сверхчувственного при помощи разума, а также понимая космос как прекрасную, гармоничную реальность, построенную в соответствии с вечными формами, существующими сами по себе или в Божественном Уме. Важно отметить, что между сверхчувствен-

¹ Здесь и далее в цитатах, если не оговорено иначе, курсив цитируемого источника. – Т.Р.

ным миром и миром чувственным полагается *соответствие*: первый составляет мыслимое, познаваемое содержание второго.

В Средние века сверхчувственное сознается как *трансцендентное*. Подлинная реальность полагается *за пределами* познаваемого человеком мира, за пределами не только того, что познается им при помощи чувств, но и того, что он способен помыслить при помощи своего ставшего падшим, ущербным разума. Посюсторонний мир существует теперь как низвергнутый вниз, отринутый от высшего мира, он есть подобие Божественного мира, но такое подобие, которое не идет ни в какое сравнение с образцом, лжесвидетельствует о нем. Тем не менее между двумя мирами, в силу их парадоксального отношения, соединяющего в себе подобие и противоположность, сохраняется *соответствие*. Сознание, настроенное на трансцендентное, оказывается неизбежно *раздвоенным* сознанием и вместе с тем сознанием, объемлющим, *вещающим в себя раздвоение*. Смысл человеческого познания после грехопадения сводится к обращению к трансцендентному Божественному миру для обретения утраченного состояния гармонии, райского блаженства.

Постепенно становящаяся очевидной неразрешимость проблемы познания в такой ее постановке дает начало тенденции к *автономизации познаваемого (называемого чувственным) мира от мира иного по отношению к сознанию (сверхчувственного)*. Соответствие «чувственное – сверхчувственное», до сих пор определявшее понимание проблемы познания, не отвергается, однако находится такое понимание этого соответствия, при котором становится возможным переместить фокус теоретико-познавательных размышлений в пределы чувственного мира. В качестве основания для принятия познаваемого, посюстороннего мира выступает *идея о принципиальной согласованности* этого мира с иным, потусторонним миром. Предполагается, что между этими мирами существует *гармония, предустановленная самим Богом* как общим их основанием.

Однако утверждению самостоятельности познаваемого мира препятствует сознание недостаточности, несовершенства человеческого знания, несводимости реального к познаваемому. Чтобы объяснить наличие этого сознания, *в рамках познаваемого мира* проводится различие между *видимостью и действительностью*. Сознаваемый мир, который прежде был единым и как *целое* противопоставлялся миру иному, теперь расщепляется на два противостоящих друг другу мира – мир, как он представляется (*субъективный, внутренний мир*), и мир, как он есть (*объективный, внешний мир*). Первый существует благодаря способности познания, второй существует независимо от того, познает его кто-либо или нет. Между этими мирами полагается, с одной стороны, соответствие (знание о вещи соответствует самой вещи), а с другой – несообразность (наше знание о вещи может отличаться от нее самой). Если внешний мир в силу предустановленной гармонии может считаться реальным миром, то внутренний мир в процессе сознательного познания должен подвергаться корректировке до тех пор, пока не будет полностью сообразовываться с первым.

Родоначальником этой познавательной установки является Р. Декарт. С невиданным ранее радикализмом и последовательностью он проводит

разделение сознаваемого мира на внешний мир и внутренний. В поисках принципа, позволяющего определить, какие качества следует отнести к душе, а какие – к телу, философ приходит к выводу о том, что способности питаться, ходить и чувствовать, обычно приписываемые душе, в действительности принадлежат телу и что лишь *мышление* может быть признано чисто внутренней реальностью (Декарт 1994: 22-23). Суть различения между душой и телом Р. Рорти резюмирует следующим образом: «Это не различение человеческих способностей, но различение двух рядов событий, таких, что многие события в первом ряду имеют много общих характеристик с событиями во втором ряду, в то же время различаясь *toto caelo*, потому что события из одного ряда – это события в протяженной субстанции, а события из другого ряда – в непротяженной субстанции» (Рорти 1997: 39).

Рорти отмечает новизну осуществленного Декартом разделения между душой и телом: «...несмотря на всю силу философского искусства, не существует термина в греческой и средневековой традиции, равнообъемного слову “идея”, используемого Декартом и Локком. Это же относится к концепции человеческого ума как внутреннего пространства, в котором боль и ясные и отчетливые идеи предстают перед единым Внутренним Глазом» (Рорти 1997: 37-38).

Необходимость пересмотра границ между душой и телом состоит в том, что без их взаимного соответствия, параллелизма невозможно утвердить новый сознаваемый мир – *мир предустановленной гармонии*, предполагающий замену противоположности сознаваемого и иного миров противоположностью субъективного и объективного – *внутренней* противоположностью сознаваемого мира. Прежде полагалось соответствие между сознаваемым миром и трансцендентным. Декарту нужно установить *подобное соответствие* между душевными и телесными составляющими сознаваемого мира, осуществить отображение одних на другие, и тогда сознание неудовлетворительности наших представлений о мире можно будет объяснить тем, что указанные составляющие не сообразуются друг с другом.

Декарту необходимо показать *несомненность существования внутреннего мира*, показать, что *неистинность* содержаний этого мира вовсе не является свидетельством против его существования. Напротив, именно *сознание недостаточности наших познаний* убеждает нас в существовании мира мышления, *отличного* от мира вещей: «...я – тот, кто видит свет, слышит звуки, ощущает жар. Все это – ложные ощущения, ибо я сплю. Но достоверно, что мне кажется, будто я вижу, слышу и согреваюсь» (Декарт 1994: 25).

Полагание *предустановленной гармонии* мира иного и мира здешнего в противовес гармонии, *достигаемой* в процессе познания, дает новый импульс познанию, поскольку позволяет оставить в стороне вопрос об отношении сознаваемого к иному и сконцентрироваться на установлении соответствия нашего знания о вещах сознаваемого мира самим этим вещам. Идея о предустановленной гармонии обеспечивает *принципиальную возможность* познания этого мира. По Декарту, правдивость Бога гарантирует то, что мы можем положиться на ясность и отчетливость как критерии истины. Бог создает вещи *доступными* сознанию. По сути, они имеют *созна-*

тельный характер, даже если они еще не познаны, не сознаются в данный момент.

Б. Спиноза также основывает свое миропонимание на идее предустановленной гармонии. Он утверждает исходный параллелизм мышления и протяжения как атрибутов Божественной субстанции.

Г.В. Лейбниц принимает разделение познаваемого на субъективное и объективное. Каждая субстанция – монада – не только существует объективно, но и *воспринимает* весь универсум, то есть обладает субъективным, внутренним миром, причем между объективным и субъективным миром существует соответствие: всякая монада в состоянии выражать весь универсум, являясь его «живым зеркалом». Тела с их пространственными отношениями, по Лейбницу, существуют лишь в восприятии монад, то есть относятся к субъективному миру. Однако между телесным миром и миром монад как таковых существует предустановленная Богом гармония: «Душа следует своим собственным законам, тело – также своим, и они соотнобразуются в силу гармонии, предустановленной между всеми субстанциями, так как они все суть выражения одного и того же универсума» (Лейбниц 1982: 427).

Очевидно, что эмпиризм также соответствует рассматриваемой парадигме, поскольку принимает разделение на «внешний» и «внутренний» опыт.

Может показаться, что Дж. Беркли не поддерживает разделение познаваемого на объективное и субъективное, а, напротив, превращает все познаваемое в восприятие. Однако заметим, что Беркли вовсе не ставит в один ряд все составляющие познаваемого им мира: воспринимающие «духи» существуют как субстанции, самостоятельно, и в этом смысле они *объективны*, тогда как тела существуют только как «идеи», то есть представляют собой *субъективные* содержания.

Итак, классическая парадигма формируется на основе выделения и сопоставления двух рядов сознательных содержаний – объективного и субъективного. При этом *объективное, хотя и полагается существующим независимо от познающего субъекта, не есть ни сверхчувственное, ни (тем более) трансцендентное*. У Декарта субстанция, существующая независимо от мышления, то есть *объективно*, обладает свойствами вещей *посюстороннего*, познаваемого мира. Она есть *тело*, характеризующееся *протяженностью (пространственностью) и длительностью*, что отличает ее как от умопостигаемых платоновских идей, вечных, неизменных и непротяженных, так и от трансцендентного сверхчувственного мира Средневековья, полагавшего внепространственным и вневременным. Разделение на объективное и субъективное осуществляется в рамках *чувственного* мира – объективное понимается как предмет «*внешнего*» *чувства*, а субъективное – как предмет «*внутреннего*» *чувства*. Проблема познания состоит теперь в объяснении возможности соотнобразности *субъективного и объективного как составляющих чувственного мира*, гармонизация *чувственного и сверхчувственного* утрачивает значение ключевой теоретико-познавательной проблемы.

Познавательная установка эпохи «предустановленной гармонии» представляет собой решительный шаг к автономизации познаваемого мира от

мира иного. Эта эпоха полагает Бога, но он выступает уже не как подлинный предмет познания, а как основание возможности гармонии субъективного с объективным, «заменившим» Бога в качестве реальности, подлежащей познанию. Вместо трансцендентного предмета отныне полагается имманентный предмет¹.

2. Субъективное и объективное в трансцендентальной философии

И. Канта. Господство идеи о предустановленной гармонии ведет к тому, что трансцендентное утрачивает *содержательное* влияние на сознательный опыт. Философам представляется очевидной невозможность, противоречивость полагания реальности, которая не была бы так или иначе – в качестве субъективной или в качестве объективной – сознаваемой, входящей в состав опыта. Д. Юм приходит к выводу о том, что *субстанция* как основание опыта, лежащее за его пределами, есть фикция, *непостижимый принцип единства* восприятий. Кант в «Критике чистого разума» объявляет о том, что нет ничего за пределами чувственного мира, что могло бы *направлять* познание, оказывать «сопротивление» нашим построениям. За рамками познаваемых явлений полагается лишь «пустое пространство чистого рассудка» (Кант 1994а: 45). Существование «вещей самих по себе» мы лишь полагаем, не имея возможности удостовериться в нем. В отличие от прежних эпох, сверхчувственное не мыслится оказывающим влияние на то, как предметы нам даны, то есть на созерцание. У Канта *материя* созерцания – ощущения – еще имеет основания за пределами сознания, однако, по сути, она есть ничто без *форм*, которые не имеют оснований вне сознания.

Зовом трансцендентного, который еще слышим Кантом, является веление *практического разума* – «гласа божьего» (Кант 1994с: 149-150). Однако сформулировать *содержание* этого идущего из сферы сверхчувственного требования уже невозможно: остается лишь *пустая форма законосообразности*. Категорический императив означает лишь то, что поступок не обусловлен эмпирически, но и иное, сверхчувственное уже не может *содержательно* определить его. Отсюда вытекает *формальный* характер нравственного закона. Поскольку данная познавательная установка игнорирует влияние сверхчувственного, *стремление к трансцендентному*, имевшее место в Средневековье, теперь оказывается стремлением в никуда. Это создает почву для учения Канта об *автономии человеческой воли*, которая не определяется ничем, кроме нее самой.

Познавательная установка, умаляющая содержательное влияние сверхчувственного на сознание, ведет к *изменению статуса эстетического удовольствия*. Сознание красоты, гармоничности вещи оказывается не связанным с *познанием* причастности этой вещи сверхчувственной идее. Кант утверждает, что эстетическое удовольствие имеет отношение лишь к *формальной* стороне познания (Кант 1994b: 54).

Кант устраняет проблему достижения единства чувственного и сверхчувственного, не опираясь на идею об их предустановленной гармонии, а

¹ Терминологически это коренное изменение впоследствии затушевывается. Так, в феноменологии предмет «внешнего» чувственного опыта называется трансцендентным.

утверждая «пустоту» всякого понятия о сверхчувственном. Таким образом, он делает еще один шаг в заданном Декартом направлении – в направлении *автономизации сознаваемого (чувственного) мира* от мира иного.

Начиная с Декарта, общая теоретико-познавательная проблема состоит в ответе на вопрос: каким образом сообразуется субъективное и объективное? Очевидно, что Кант решает проблему познания именно в этой, классической постановке. Если отказаться от полагания Бога в качестве основы сообразности субъективного и объективного, то есть лишь два пути: показать либо, как первое сообразуется со вторым, либо – как второе с первым. Кант предлагает пойти по второму пути: предметы должны быть поняты как сообразующиеся с нашими априорными понятиями. Канта как классического философа интересует проблема установления сообразности *явлений и знаний о них*, то есть установление гармонии *в рамках* сознаваемого.

Подчеркнем, что Кант придерживается различия между объективными и субъективными содержаниями сознания. Он выделяет *эмпирическое объективное* (явления как предметы познания) и *эмпирическое субъективное* (наши схватывания явлений). В отличие от «объективной последовательности явлений», «одна лишь субъективная последовательность схватывания ничего не говорит о связи многообразного в объекте, потому что она совершенно произвольна» (Кант 1994а: 197).

Приверженность Канта классическому противопоставлению субъективного и объективного проявляется и в его осмыслении *условий возможности* сознательного опыта. Философ вынужден искать *основания сознательного опыта, не переступая пределы самого этого опыта*, поскольку за его пределами полагается лишь «пустота». В результате *условия возможности сознательного опыта*, имеющего две стороны – объективную и субъективную, распадаются на объективные и субъективные условия.

Поиск объективных условий сознательного опыта ведет к необходимости полагания Кантом понятия «вещь в себе», несмотря на то, что оно не отвечает тенденции к автономизации сознаваемого мира. Это понятие парадоксальным образом одновременно и предполагается и исключается данной парадигмой.

Вещи сами по себе являются условиями возможности *материи*, но не *форм* предметного опыта. Формы опыта понимаются Кантом как обусловленные познавательными способностями трансцендентального субъекта – чувственностью, рассудком и разумом. Явления, а также организующие их формы (пространство, время, категории) признаются Кантом *эмпирически объективными*, но при этом *трансцендентально субъективными*. Таким образом, разграничение между *субъективным и объективным* остается ключевым для кантовской теории познания.

3. Немецкий классический идеализм: поиск решения проблемы субъектно-объектного дуализма на основе идеи об интеллектуальной интуиции. Послекантовский немецкий идеализм выступает против того, чтобы закладывать разделение на субъективное и объективное в само *основание* сознательного опыта. Понятие о «вещи в себе» как отголосок сверхчувственного подвергается критике. Усилия направлены на то, чтобы

отыскать такое основание сознаваемого мира, которое, с одной стороны, порождало бы, а с другой – снимало бы его распадение на субъективное и объективное. Основной задачей становится поиск *основания единства* природного (объективного) мира и разумной (субъективной) деятельности. Очевидно, что эта задача вполне соответствует классической постановке проблемы познания: как возможна согласованность субъективного и объективного – двух слоев сознательного опыта?

Кант указывает на возможность такого понимания познания, при котором не возникает пропасть между субъективным и объективным: «...полностью понятно только то, что можно в соответствии с понятиями сделать и осуществить самим» (Кант 1994b: 225). В своем понимании явлений как строящихся сообразно с нашими понятиями философ отчасти использует эту модель познания. Однако в его концепции понятия определяют лишь *форму* явления, но не все явление целиком: поскольку человеческое созерцание носит чувственный характер, *материя* явления (ощущения) в качестве условия возможности предполагает «вещь саму по себе» – непознаваемый субстрат чувственности. Единство субъективного и объективного остается недостижимым. Кант допускает возможность *интеллектуального созерцания* (созерцания, сочетающего в себе создание и познание объекта), говоря, что благодаря такому созерцанию были бы даны вещи сами по себе. Однако он утверждает, что «такой способ созерцания... может быть присущ только первосущности» (Кант 1994a: 87).

После Канта немецкий идеализм стремится испытать возможность применения идеи о том, что познанное есть созданное, к человеческому познанию. Очевидно, что это попытка *дальнейшего развития классической парадигмы*, но не ее преодоление. Речь идет об *интеллектуальном продуцировании объектов* (продуцировании не только их формы, но и самого их содержания), которое есть также познание этих объектов. Продуцирующее – интеллигенция или Я – есть та исходная точка, в которой имеет место *абсолютное тождество* созерцающего и созерцаемого, субъекта и объекта. «Я есть по необходимости тождество субъекта и объекта, – субъект-объект» (Фихте 1993: 81). *Я может выступать в качестве общей основы субъективного и объективного*: «...в интеллигенции... имеется двойной ряд, бытия и созерцания, реального и идеального; и в неразрывности этого двойного ряда состоит ее сущность» (Фихте 1993: 462).

И.Г. Фихте трактует интеллектуальную интуицию как связующее звено между *чувственным миром* и миром *умопостигаемым* (Фихте 1993: 493-494). При этом фихтевское понимание терминов «чувственное» и «умопостигаемое» отлично от кантовского. Для Фихте чувственный мир – это мир, воспринимаемый пассивно как не зависящий от Я, а умопостигаемый мир – это мир, сознаваемый как результат активности Я. Это разделение есть, по сути, разделение на объективное и субъективное, существующее в рамках мира, *полагаемого интеллигенцией* – сознаваемого мира. Таким образом, стремление Фихте связать умопостигаемое и чувственное на самом деле является стремлением «заделать щель» *внутри сознаваемого*. Отрицая значимость понятия о «вещи в себе», Фихте принимает *автономный* харак-

тер сознаваемого мира, тогда как кантовское ограничение познаваемой области (*чувственного мира*) «неизвестной землей» (*умопостигаемым миром*) есть сознание непреодолимой пропасти между *сознаваемым* и *принципиально недоступным сознанию*. И так, Фихте, по сравнению с Кантом, делает еще один шаг по пути автономизации сознаваемого мира от иного: *сознаваемый мир осмысливается как самостоятельное существующее единство*.

Ф.В.Й. Шеллинг решает общую для немецкого идеализма задачу: «...найти точку, в которой объект и его понятие, предмет и представление о нем изначально абсолютно и без всякого опосредствования едины» (Шеллинг 1987: 253). Результат его поиска таков: «Непосредственное тождество субъекта и объекта может существовать лишь там, где *представляемое* есть одновременно и представляющее, а созерцаемое – созерцающее. Такое тождество представляемого и представляющего существует только в самосознании; следовательно, искомая точка найдена в самосознании» (Шеллинг 1987: 254). Самосознание у Шеллинга имеет *интеллектуальный* характер и состоит в том, чтобы *мыслить* самого себя: «Я не есть нечто отличное от своего мышления, мышление Я и само Я абсолютно едины» (Шеллинг 1987: 256).

Опора на идею интеллектуальной интуиции позволяет утверждать сознаваемый нами мир как автономный, не предполагающий соотношения с иным, не зависимым от сознания миром. Однако эта идея есть не более чем *познавательная установка*. Реализация данной установки должна состоять в том, что «...будет полностью показан *механизм возникновения мира* из внутреннего принципа духовной деятельности» (Шеллинг 1987: 265).

У Фихте природа, чувственный мир как полагаемое интеллигенцией *не-Я*, противостоит умопостигаемому миру и оказывается неустранимым препятствием на пути достижения единства субъективного и объективного. В противовес Фихте, который рассматривал противоположность между объективным и субъективным как противоположность между *не-Я* и *Я*, Шеллинг предлагает видеть в объективном *бессознательное Я*.

Я оказывается внутренним принципом как реального, объективного мира, в котором все подчинено *необходимости*, так и идеального, субъективного мира, где имеет место *свобода*. Такое решение дает надежду на сохранение в процессе развертывания мира исходного единства самосознания как единства субъективного и объективного: «Свобода должна быть необходимостью, необходимость – свободой. Но необходимость в противоположность свободе есть не что иное, как бессознательное. То, что во мне бессознательно, произвольно, то, что сознательно, вызвано во мне моим волением» (Шеллинг 1987: 457).

С одной стороны, *в необходимости должна проявлять себя свобода*, поэтому царство необходимости само заключает в себе противоположности и развертывается, образуя противостоящие друг другу составляющие: 1) *природу* как противоположность свободе и 2) *познание природы*, где уже присутствует субъект как реальное основание свободы, но его деятельность еще всецело подчинена необходимости. С другой стороны, *в свободе должна присутствовать необходимость*, поэтому царство свободы также раздваивается на: 1) *практическую деятельность*, которая

противоположна необходимости, и 2) историю, которая включает в себя необходимость.

Таким образом, в системе трансцендентального идеализма Шеллинга реальность строится на основе развертывания и взаимного отношения противоположностей – свободы и необходимости, то есть *субъективного и объективного*.

Заметим, что полагание Фихте и Шеллингом *бессознательного* продуцирования природных объектов не противоречит тенденции к утверждению *автономии познаваемого мира от мира иного*. *Бессознательная воля, продуцирующая объективное, природу, понимается как в основе своей тождественная сознательной творческой способности*. «Бессознательное» в немецком идеализме – это перенесенные в область *несознаваемого сознательные феномены* («бессознательная воля», «бессознательное мышление»). Таким образом, бессознательное, по сути, относится к познаваемому миру, имеет сознательное происхождение.

Для Гегеля проблема достижения единства противоположностей – субъективного и объективного – также является определяющей: «...в абсолютном знании полностью преодолевается разрыв между *предметом и достоверностью самого себя*... Чистая наука, стало быть, предполагает освобождение от противоположности сознания [и его предмета]. Она содержит в себе *мысль, поскольку мысль есть также и вещь (Sache) сама по себе, или содержит вещь самое по себе, поскольку вещь есть также и чистая мысль*» (Гегель 1970: 102-103).

Принимая *мышление* в качестве основания единства субъективного и объективного, Гегель планирует построить систему, в которой *логика*, включающая в себя *объективную* логику (учение о бытии и учение о сущности) и *субъективную* логику (учение о понятии), станет не чем иным, как *метафизикой* познаваемого мира как целого, *вмещающего* в себя противоположность субъекта и объекта (Гегель 1970: 104).

Но может ли принцип «познанное есть созданное» быть применен для осмысления нашего познания конкретных продуктов природы? Сама по себе идея интеллектуальной интуиции не дает решения проблемы возникновения и снятия противоположности объективного (того, что представляется *существующим независимо от нас*) и субъективного (представления, *принадлежащего нам*). Эта идея есть лишь *указание возможного пути* осмысления познаваемого мира как единого и автономного. Попытки Фихте, Шеллинга и Гегеля идти по этому пути выявляют трудности данной познавательной установки.

Гегель наиболее последовательно проводит идею о том, что *познанное есть созданное благодаря интеллектуальному созерцанию*: он стремится показать, что природа не результат действия бессознательной, слепой воли интеллигенции (как полагали Фихте и Шеллинг), а результат развития чистого мышления. Однако становится ясным, что поставленная задача – осмыслить все объективные (прежде всего природные) явления как моменты развития идеи – неразрешима. Возможности развития классической парадигмы оказываются исчерпанными, что влечет за собой необходимость ее смены.

Работы немецких идеалистов, направленные на построение «философии тождества» субъективного и объективного, демонстрируют *принципиальную невозможность* устранения их противоположности. Гегель утверждает, что единство субъективного и объективного, по сути, *всегда* имеет место («все действительное разумно, все разумное действительно»), но при этом *единство противоположностей не означает их уничтожения* (закон единства и борьбы противоположностей). Действительно, в установке на абсолютизацию сознания необходимо полагать *в рамках самого сознаваемого мира* основание различия реальности и наших представлений о ней, и противопоставление субъективного и объективного играет роль этого необходимого основания, а потому от него нельзя избавиться в рамках принятой парадигмы. Закон единства и борьбы противоположностей есть «закон» *данной познавательной установки*, ему подчинены *все* системы немецкого идеализма. Так, Шеллинг пишет: «В Я содержатся изначальные противоположности – субъект и объект; оба они *друг друга снимают, и тем не менее один невозможен без другого*. <...> Они должны быть объединены, ибо ни один не может уничтожить другого; однако существовать вместе они тоже не могут. Таким образом, противоборство идет не столько между двумя факторами, сколько между неспособностью объединить два бесконечно противоположных друг другу фактора, с одной стороны, и необходимостью сделать это, чтобы не было снято тождество самосознания, – с другой» (Шеллинг 1987: 278).

4. Итоги исследования классической гносеологической парадигмы. Субъектно-объектное отношение в классической теории познания представляет собой дуализм *содержаний* сознания, обладающих противоположными, не сводимыми друг к другу свойствами. Этот ключевой признак позволяет отнести к классической традиции не только сформировавшиеся под влиянием идей Декарта докантовские концепции, но и системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Тем самым оказывается возможным провести четкую границу классики на основе анализа развития ее *собственного внутреннего принципа*.

Субъектно-объектный дуализм содержаний сознания остается «нервом» всех классических теоретико-познавательных концепций, несмотря на различные попытки его снятия, даже такие грандиозные, как труды немецких идеалистов. Исчерпав возможности развития классической теоретико-познавательной парадигмы, человек избавляется от представления о том, что сознаваемый мир состоит из *двух соответственных рядов явлений* – ряда объективного (внешнего) и ряда субъективного (внутреннего). Неклассика начинается с разрушительной для классической парадигмы критики положения о существовании *субъективных содержаний* сознания, о существовании «внутреннего» мира, противоположного миру «внешнему». Отрицание внутреннего опыта может служить надежным критерием того, что концепция является неклассической. Однако этого признака недостаточно для *положительного* определения неклассической парадигмы. Если классика разделяла все сознаваемое на два «параллельных» мира, то каковы структурные особенности сознаваемого мира, представляемого неклассической теорией познания? Выяснение этого составляет задачу дальнейшего исследования.

**II. Неклассическая теория познания:
замена противопоставления «субъективное – объективное»
корреляцией «опредмечивание – предмет»**

1. А. Шопенгауэр: мир как представление вместо мира, разделенно-го на предметы и представления о предметах. Неклассическая трактовка субъектно-объектного отношения намечается в философии А. Шопенгауэра. На первый взгляд, он принимает традиционное субъектно-объектное понимание сознаваемого мира: «...распадение на объект и субъект служит... той формой, в которой одной вообще только возможно и мыслимо всякое представление, какого бы рода оно ни было, – абстрактное или интуитивное, чистое или эмпирическое» (Шопенгауэр 1999: 18). Однако следует обратить внимание на то, что философ предлагает рассматривать все составляющие сознательного опыта как «представления», которые нельзя назвать ни субъективными, ни объективными в прежнем смысле.

С одной стороны, все представления являются результатами *объективации*. *Субъективное не может быть представлением*, так как субъект – это «то, что все познает и никем не познается» (Шопенгауэр 1999: 20). С другой стороны, представления невозможны без представляющего субъекта: «Весь мир объектов есть и остается представлением, и именно поэтому он вполне и во веки веков обусловлен субъектом, т.е. имеет трансцендентальную идеальность» (Шопенгауэр 1999: 28). Представления подчинены *априорным формам*, таким как пространство, время, причинность. Единство априорных форм Шопенгауэр называет *законом достаточного основания*. *Все представления подчинены этому закону, и в этом смысле они объективны. Не существует эмпирически субъективного*. Чтобы доказать этот принципиально важный тезис, Шопенгауэр в работе «О четверояком корне закона достаточного основания» выступает с критикой кантовского понимания причинности как категории, которая определяет *объективный* порядок явлений, отличный от *субъективного* порядка наших схватываний явлений (Шопенгауэр 2001: 65-71).

Итак, сознаваемый мир теперь составлен из представлений как таких *объектов*, которым не соответствуют никакие «субъективные представления» и которые отличаются от объектов классической теории познания тем, что не существуют независимо от субъекта. Недостаточность наших знаний видится теперь не в том, что представления не сообразуются с объектами, существующими сами по себе, а в том, что одни представления не сообразуются с другими. Такое понимание недостаточности дает надежду на ее преодоление. Действительно, как бы ни отличались представления-объекты друг от друга, приведение их к гармонии, к единству друг с другом не является *принципиально* невозможным, тогда как единство субъективных и объективных содержаний недостижимо ввиду их принципиальной несоизмеримости, наличия у них взаимоисключающих атрибутов.

Согласно Шопенгауэру, реальность в целом не может быть сведена только к представлению. Свойства *объекта* зависят от *субъективных* априорных форм, а возникновение познающего *субъекта* мыслимо лишь в рамках *объективного* причинного ряда. Взаимообусловленность субъекта и объекта свидетельствует о существовании их общей основы – *воли*. Фило-

соф утверждает, что без постижения *воли как существа вещей* наше знание об объектах носило бы исключительно *формальный* характер.

Поскольку представление о воле как основании сознаваемого мира сформировано в установке на *автономизацию* этого мира, сама воля осмысливается как не имеющая основания. Действительно, сила закона *основания* «простирается только на представление, явление, видимость воли, а не на самую волю...» (Шопенгауэр 1999: 104).

Подчеркивая отличие воли от представления, Шопенгауэр обозначает ее кантовским термином «вещь в себе», однако такое обозначение неверно. Кантовское понятие о «вещи в себе» является проблематическим, вводится из теоретических соображений и обозначает трансцендентный предмет, *X*, тогда как «термин *воля*, который, как волшебное слово, должен раскрыть нам сокровенную сущность каждой вещи в природе, обозначает вовсе не неизвестную величину, не достигнутое умозаключениями нечто, а вполне непосредственно познанное и настолько известное, что мы гораздо лучше знаем и понимаем, что такое воля, нежели всякая другая вещь» (Шопенгауэр 1999: 108).

Таким образом, воля, хотя и не принадлежит к сфере сознательных представлений, не является трансцендентной по отношению к сознаваемому миру, и полагание ее не нарушает автономии этого мира.

Если в немецком идеализме, нацеленном на построение философии *тождества* субъективного (разумного) и объективного (действительного), бессознательная воля, продуцирующая объекты, с необходимостью должна была быть признана бессознательно *разумной*, то в новой познавательной установке такая необходимость исчезает. Разумное, *имеющее основание* теперь может существовать только в сфере представлений. Согласно Шопенгауэру, разум исходно возникает как слуга иррациональной воли: «...познание... появляется... в качестве вспомогательного средства, для поддержания индивида и продолжения рода» (Шопенгауэр 1999: 139). Зависимость сознаваемого мира от бессознательной воли понимается теперь как зависимость существования разума от неразумного начала. Сознание несовершенства наших представлений объясняется их *противоборством*, вызванным иррациональным характером воли, объективацией которой они являются: «...мы повсюду видим в природе соперничество, борьбу, непостоянство победы... Каждая ступень объективации воли оспаривает у другой материя, пространство, время» (Шопенгауэр 1999: 136).

В итоге, разделение сознаваемого мира на субъективную и объективную составляющие, служившее с начала Нового времени для объяснения несовершенства и изменчивости наших представлений, оказывается ненужным. Шопенгауэр возвращает сознаваемому миру *принципиальную возможность* единства, доказывая, что мир как представление (сознаваемый мир) – это всецело *объектный мир*. Несмотря на пессимистические выводы о том, что единство мира как представления, прекращение в нем страданий могут быть достигнуты лишь путем самоубийства воли, концепция Шопенгауэра содержит понимание сознаваемого мира как результата *объективации*, которое станет определяющим для новой познавательной установки.

2. Ф. Ницше: «смерть Бога» как онтологическая основа перехода к пониманию мира как истолкования. Уже идея о предустановленной гармонии приводит к тому, что *трансцендентный* Бог перестает быть содержательно влияющей на сознаваемый мир реальностью и выступает лишь в качестве внешнего гаранта достижимости единства субъективного и объективного. Философия Канта, по словам Ницше, несет с собой «падение божества: Бог стал “вещью в себе”» (Ницше 1996b: 644). В познании, в поиске гармонии человек более не обращается к «сверхчувственному».

Ницше подводит итог: Бога больше нет, Он мертв, и вместо Него человеку преподносят лишь его уродливую тень (Ницше 1996a: 582). Так, Шопенгауэр обнаруживает в основании мира иррациональную *волю* – чудовище, пожирающее само себя в нескончаемой и бессмысленной схватке своих «объективаций» друг с другом.

Нельзя не согласиться с предложенной Хайдеггером интерпретацией слов Ницше о смерти Бога: «Слова “Бог мертв” означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силы» (Хайдеггер 1990: 147). Ницше не допускает полагания того, что на сознание оказывает влияние нечто иное по отношению к нему. Даже «тьень» иного – бессознательная воля – должна быть изгнана. «Антитеза мира явлений и истинного мира сводится к антитезе “мир” и “ничто”...» (Ницше 2005: 319). Философ не только приписывает воле черты, *заимствованные из сознательного опыта* (это имело место уже в немецком идеализме), но и видит в ней *чисто сознательный феномен*. Воля утрачивает роль бессознательной силы, формирующей природу, и осмысливается как присущая живым существам *воля к власти*. Будучи сознательной, воля полагает ту или иную *ценность* – то, что, с точки зрения живого существа, способствует *сохранению, укреплению и возрастанию власти*. «Истина» рассматривается Ницше как одна из полагаемых человеком *ценностей*: «“Истина” не есть нечто, что существует и что надо найти и открыть, но нечто, что надо создать... Это есть слово для выражения “воли к власти”» (Ницше 2005: 311-312).

Познание состоит в объективации, творении: «“Вещь в себе” так же нелепа, как “чувство в себе”, “значение в себе”. Не существует совсем “фактов в себе”, но для того, чтобы получилось нечто фактически данное, *нужно всегда вложить в него сначала некоторый известный смысл*. <...> “Эссенция”, “сущность” есть нечто перспективное... В основе лежит всегда вопрос “что это для меня”» (Ницше 2005: 314).

Противопоставление внутреннего (субъективного) и внешнего (объективного) миров неправомерно: «Этот “кажущийся *внутренний мир*” обработан совершенно в тех же формах и теми же способами, как и “внешний” мир. <...> “Мышление”, как его себе представляют теоретики познания, не имеет места вовсе; это – совершенно произвольная фикция» (Ницше 2005: 277).

Ницше отрицает *присутствие в мире «субъекта»* и объявляет понятие о субъекте как «вещи мыслящей», противостоящей «вещи протяженной», ложным. Такая позиция может быть охарактеризована как *субъективизм*. В сказанном нет противоречия: сознаваемый мир, *всецело обусловленный субъектом*, исключает самого субъекта в качестве *принадлежащей* этому миру реальности.

Субъектно-объектного мира больше не существует, мир утратил дуализм, стал всецело объектным, однако объекты теперь понимаются как субъектно обусловленные. Таким образом, оборотной стороной *тотального объективизма*, характерного для данной парадигмы, является *тотальный субъективизм*, которого не знала ни одна из предшествующих эпох.

Исчерпав все возможности соотношения субъективного и объективного, установления между ними сообразности, познание вернулось к представлению об однородности сознаваемого мира. Между объектом и субъектом больше не может быть несообразности, поскольку первый есть результат «работы» второго. При этом самого «работника» увидеть нельзя: «Мы не имеем права спрашивать: “кто же истолковывает?”», но само истолкование, как форма воли к власти, имеет существование (но не как “бытие”, а как процесс, как становление, как аффект). Вещи обязаны своим существованием всецело деятельности представляющего, мыслящего, волеизъявляющего, ощущающего индивида. Равным образом – и само понятие “вещи”, и все ее свойства» (Ницше 2005: 315). Мир истолкований является истинным для нас, и доказательством истинности этого мира является то, что мы живем в нем, что мы можем в нем жить (Ницше 2005: 319).

Пытаясь «напасть на след» истолковывающего, мы все же говорим о субъекте, но этот «субъект» есть продукт творчества, такая же “вещь”, как и всякая другая – некоторое упрощение для обозначения *силы*, которая полагает, изобретает, мыслит...» (Ницше 2005: 315). Иными словами, говорить о субъекте в рамках данной парадигмы еще возможно, но не как о некотором смысловом *содержании*, а как о *деятельности*, благодаря которой возможны какие-либо содержания.

Поскольку при помощи такого понятия о субъекте мы мыслим *человеческое* познание, человек оказывается тем, кто создает действительность явлений (иная действительность данной парадигмой исключается). Рассматриваемый таким образом человек отличается от человека как существа, являющегося частью сознаваемого мира. Ницше называет этого нового человека *сверхчеловеком*.

Хайдеггер верно указывает на ошибочность мнения о том, что Ницше ставит сверхчеловека на место Бога. «Место Бога» – иной мир, сверхчеловек же представляет собой *коррелят здешнего мира*. Сверхчеловек не существует независимо от этого мира, поскольку иного мира нет. В этом смысле сверхчеловек остается все-таки человеком, но при этом весь сознаваемый мир есть *полагаемый им мир*. Человек, как он сознается, есть также нечто полагаемое объективирующей способностью, а это означает, что человек способен создавать и пересоздавать *самого себя* – хотеть своей гибели.

3. Неклассика как «время картины мира». В работах Ницше новая парадигма обретает четкие контуры. Больше нет *объективной реальности* как того, что существует параллельно *субъективным представлениям* и независимо от них. Но нет и субъективной реальности, субъективных представлений, поскольку субъективное сводится к опредмечивающей деятельности, которая сама уже не может быть опредмечена, «пред-ставлена». Предметы – результаты опредмечивающей деятельности, которая всегда остается

«за кадром». Противоположность субъективного и объективного заменяется корреляцией «опредмечивание – предмет», или, используя терминологию Э. Гуссерля, «ноэза – нозма». Познание начинает рассматриваться не как приведение субъективного и объективного к единству, не как достижение сообразности понятий и предметов, а как достижение гармонии различных результатов объективации. С одной стороны, рассматривая самого себя как один из объектов, человек стремится найти в сознаваемом мире – мире объектов – удовлетворение своих желаний, приспособив его составляющие под свои нужды. Познавательная деятельность состоит в *придавании предметам их смысла и ценности*. С другой стороны, человек сам подстраивается под других людей и внешние обстоятельства.

Хайдеггер дает точное описание сознаваемого мира, соответствующего данной парадигме: «Все сущее отныне – это либо действительное как предмет, либо действующее как опредмечивание, в каком складывается предметность предмета. <...> Мир становится предметом, предстоянием. <...> Сама земля может являть себя лишь как предмет нападения, атаки, которая устрояется в волеии человека как безусловность опредмечивания. Природа повсюду выступает – ибо повсюду волился изнутри сущности бытия – как предмет техники» (Хайдеггер 1990: 168).

Субъективизм, отличающий «время картины мира» от предыдущих эпох, состоит в полагании субъекта (носителя познания, деятельности) в качестве единственной *основы* всех познаваемых вещей. При этом вещи утрачивают статус субстанции, лишаются самостоятельного существования. Мир становится *картиной*, представленной субъектом.

Хайдеггер справедливо отмечает, что субъективизма в Античности не было. Знаменитый тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей» не имеет ничего общего с субъективизмом (Хайдеггер 1993: 56). Античный человек так или иначе *измеряет* собой существующее, но не является его *основанием*. Познаваемая вещь понимается в Античности как субстанция, субъект (то, что лежит в основе, под-лежащее), как сущее, то есть, вообще говоря, как то, что имеет основание в самом себе.

При этом Хайдеггер полагает, что переход к миру-картине совершается Декартом. Однако последний признает существование субстанции протяженной наряду с субстанцией мыслящей и независимо от нее; для него сознаваемые вещи – это *субстанции*, познающий субъект не является *основой* их существования, они имеют основание своего существования пусть и не в самих себе, но в Боге. Таким образом, субъективизм нельзя приписать Декарту. Работа Хайдеггера «Время картины мира» (Хайдеггер 1993) не есть описание идей картезианской эпохи; речь идет об эпохе, к которой, как будет показано ниже, принадлежит сам Хайдеггер, – эпохе *всецело объектного мира*.

Различные философские направления этой эпохи акцентируют те или иные стороны обусловленного познавательной установкой единого миропонимания. Так, позитивисты утверждают необходимость исключения субъекта из мира. Полагаемый философами первой волны позитивизма мир «фактов» и полагаемый представителями второй волны мир нейтральных (не ментальных и не физических) элементов являются вариантами

однородного, всецело объективированного мира¹ – мира, в котором уже нет разделения на субъективное и объективное, но все сплошь предметно, объективировано.

Другое влиятельное философское направление эпохи – феноменология – подчеркивает, что «сами вещи» даны благодаря сознанию, но при этом они представляют собой не вещи сами по себе в кантовском смысле, а интендированные сознанием предметы. Феноменология тоже исключает все субъективное из поля сознательного опыта. Так, восприятие, фантазия рассматриваются как способы данности предметов, неотделимые от смысла самих предметов. По сути, эти способы данности становятся модусами объективированного сознания, разновидностями предметов. Подчинение объекта категориям определяется не спонтанностью разума, а *самим объектом* в его самоданности. Как указывает А. Райнах, у Гуссерля «априори само по себе и в себе не имеет ничего общего с мышлением и познанием», а укоренено в самом предмете, который присутствует в созерцании (Райнах 1999: 59).

Нельзя не отметить тот факт, что поворот Гуссерля к трансцендентальному *Я* не встретил поддержки у большинства феноменологов, так как вызвал опасения в том, что он означает возвращение в сознание субъекта, не отвечающее тенденции на исключение из сознания «субъективных» содержаний. Однако рассуждения Гуссерля вовсе не идут вразрез с неклассикой. Гуссерлевское чистое *Я* лишено всякого содержания и признается схватываемым при помощи феноменологического описания лишь как «*трансценденция в пределах имманентности*» (Гуссерль 2009: 178). Говоря о том, что феномены можно привести к аподиктической очевидности только в имманентном (рефлексивном) восприятии, Гуссерль подчеркивает непосредственный характер рефлексии, отсутствие какой-либо модификации феномена при рефлексивном на него обращении. Имманентное восприятие есть аподиктическое восприятие *объектов*, а не принадлежащих субъекту *знаний* о них.

Согласно Хайдеггеру, человеческому существованию («вот-бытию») принадлежит свойственная направленность на предметный мир (в принятии идеи интенциональности Хайдеггер следует Гуссерлю). «...Для Хайдеггера отправления вот-бытия, способы имени-дела-с чем-либо и обращения-с чем-либо сущностным образом есть способы отношения к тому, с чем я имею дело и чем я занят, и оттого интенционально конституированному» (Херрманн 2000: 57-58).

Мир есть то, в чем вот-бытие встречается с *сущим* (Хайдеггер 1997: 88), но при этом сущее не есть сущее само по себе, встреча с ним предполагает *озабоченное усмотрение*. Таким образом, присущий концепции Хайдеггера субъективизм является, как ни парадоксально это звучит, результатом борьбы этого мыслителя с *субъектно-объектным отношением*, понимаемым как отношение одних сознаваемых содержаний к другим.

Ж.-П. Сартр также мыслит в русле установки эпохи на элиминацию субъективной составляющей сознаваемого мира. Всякое сознание есть сознание

¹ Третья волна позитивизма полагает уже иную структуру мира – не мир-картину, а мир-текст, о котором речь пойдет ниже.

объекта, причем «у сознания нет никакого “внутри”», «...все в конечном счете пребывает вовне, все, включая и нас самих... Каждый из нас – вещь среди вещей» (Сартр 2008: 178, 180).

Прагматизм утверждает *однородность* сознаваемого мира как единого *объектного* мира. Так, У. Джеймс выступает против дуалистического понимания опыта, утверждая, что «мысли о конкретном сделаны из того же вещества (*stuff*), что и вещи» (Джеймс 1997: 372). Мыслимый, но не воспринимаемый в данный момент объект вовсе не скрыт внутри мыслящего субъекта, а занимает определенное место во внешнем мире, совершенно так же, как и объект, видимый непосредственно (Джеймс 1997: 365). По Джеймсу, разделение опыта на «субъективный» и «объективный» есть результат рассмотрения *одного и того же опыта* в различных контекстах с помощью нового, ретроспективного опыта (Джеймс 1997: 367).

4. Объективация (отелеснивание) познавательной способности как следствие неклассического понимания субъектно-объектного отношения. Поскольку неклассическая познавательная установка предполагает элиминацию субъективной составляющей сознаваемого мира, воля, традиционно относимая к субъективному миру, *объективируется*. Так, Ницше пытается свести волевое поведение к инстинктивному. *Инстинкт есть воля к власти, лишенная своей внутренней, субъективной стороны* – осознанности, обдумывания, целенаправленности. Воля подменяется способностью реагирования: «Старое слово “воля” служит только для того, чтобы обозначить некую результативную, некий род индивидуальной реакции, которая необходимо следует за известным количеством частью противоречащих, частью согласующихся раздражений: воля более не “действует”, более не “двигает”» (Ницше 1996b: 641). Сознательная воля объявляется результатом нашей ошибочной рефлексии о своем поведении.

Понимание сознаваемого мира как мира *объектного* приводит к утверждению о *телесности* познавательной способности: «За твоими мыслями и чувствами... стоит более могущественный повелитель, неведомый мудрец, – он называется Само. В твоём теле он живет; он и есть твоё тело. <...> Твое Само смеется над твоим Я» (Ницше 1996b: 24-25).

В концепции З. Фрейда познание осмысливается как сублимация энергии бессознательных влечений. При этом полагание бессознательного слоя психики вовсе не означает «возвращения» субъективного, внутреннего мира. Напротив, учение об инстинктах есть результат *объективации, отелеснивания познающего*.

Против самообъективации выступают экзистенциалисты, но в условиях *автономного* сознаваемого мира они могут противопоставить ей только «бытие к смерти», «ничто» (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр).

Опредмечивание, натурализация познавательной способности приводит к тому, что отношение ее и мира превращается в отношение «организм – среда». Ницше пишет: «*Полезность с точки зрения сохранения*, а не какая-нибудь абстрактно-теоретическая потребность не быть обманутым, служит мотивом к развитию органов познания» (Ницше 2005: 280). Цель познания видится в *преобразовании* сознаваемого мира в соответствии с *потребностями*.

Итак, *познавательная способность как способность интерпретации, опредмечивания* оказывается основанием всего сущего. При этом вследствие автономии сознаваемого мира *основание* самой этой способности приходится искать в сознаваемом мире. Как это ни парадоксально, *сверхчеловек – основание всего сущего – сознается как продукт эволюции*. Образуется замкнутый круг: благодаря познавательной способности формируется представление об «окружающей среде», и в то же время именно среда создает и «оттачивает» саму эту познавательную способность. Она обуславливается взаимодействием со средой, является результатом адаптации к ней. Известный тезис Ф.Г. Добржанского «Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции» получает эпистемологическое расширение: «Ничто в науке не имеет смысла, кроме как в свете эволюции» (Князева 2014: 44).

Таким образом, в отличие от классики, понимавшей познание как достижение сообразности *объективного* и *субъективного*, в неклассике познание понимается как приспособление, подгонка *одних объектов к другим*.

5. Бессубъектный и безобъектный характер текстового мира: отказ от модели «опредмечивание – предмет». Следствием достаточно длительного господства неклассической познавательной установки является новая структурная трансформация сознаваемого мира. Однако эту трансформацию следует рассматривать скорее как завершающий, кризисный этап развития неклассики, чем как результат перехода к новой познавательной установке. Попытаемся пояснить эти тезисы, представив краткий очерк произошедших изменений.

Неклассика понимает реальный мир как единый мир *объектов*, являющихся результатами *опредмечивающей деятельности*, не существующих независимо от нее и в этом смысле *субъективных*. Таким образом, в предметах, составляющих этот мир, *соединены* такие черты, которые предшествующие эпохи *разделяли*, относя к двум различным мирам – субъективному и объективному.

По верному замечанию Х. Арендт, в условиях «субъективации» всякое суждение о вещи оказывается делом чьего-либо «вкуса» (Арендт 2014: 81). Разнообразие вкусов и потребностей создает разнообразие *пригодных для использования вещей*. Они составляют *новую реальность*. Человеку дан для познания мир, который уже «очеловечен». В качестве «эмпирических данных» выступают *готовые единицы смысла*, транслируемые при помощи языка. Реальность приобретает *языковой* характер. Ключевую роль в этом изменении играют работы Л. Витгенштейна.

В «Логико-философском трактате» философ придерживается обычного для неклассики понимания субъектно-объектного отношения. *Мир трактата – это еще мир-картина*. Знаковое письмо у Витгенштейна рассматривается как разновидность картины, изоморфной реальности: «Предложение – картина действительности» (Витгенштейн 1994: 19). В качестве «субстанции» этого мира Витгенштейн полагает объекты, что неизбежно ведет к полаганию соотнесенного с ними субъекта. Как и во всей неклассике, у Витгенштейна субъект не принадлежит миру: «“Я” привносится в философию тем, что “мир есть мой мир”. Философское “Я” – это не человек, не человеческое тело или

человеческая душа, с которой имеет дело психология, но метафизический субъект, граница – а не часть – мира» (Витгенштейн 1994: 57).

Но дальнейший ход рассуждений Витгенштейна ведет к разрушению мира-картины. Поскольку *текстовая* форма признается тождественной форме *реальности*, текст не просто выступает как разновидность картины, но *вытесняет, замещает* всякую возможную картину (например, пространственную). *В сознаваемом мире, превратившемся из картины в текст, не остается места для субъекта даже в той форме, которую предлагала неклассика.* Действительно, в неклассике субъекта нельзя найти среди *предметов* мира-картины, но субъективность можно понимать как *опредмечивание*, то есть о ней можно *мыслить и говорить*. В результате подстановки *текста* в качестве *картины* реальности *отсутствие субъекта в картине* становится равнозначным *невозможности говорить о нем*. Субъект теперь не существует не только *в рамках* картины мира, но и в качестве *коррелята* картины. Витгенштейн пишет: «...субъекта в некоем важном смысле этого слова вообще не существует: ибо о нем одним *не могла бы идти речь* в этой книге» (Витгенштейн 1994: 56).

На этапе неклассики, исключаяющей субъекта из мира, субъективный характер представлений еще может быть выявлен путем указания на их априорные формы (Шопенгауэр, Гуссерль). Осуществляемое Витгенштейном исключение какого-либо *понятийного выражения субъективности означает отрицание априоризма.* Так, Витгенштейн пишет: «...ничто в поле зрения не позволяет делать вывод, что оно видится глазом. <...> Не существует априорного порядка вещей» (Витгенштейн 1994: 56-57).

Однако не говорить о субъекте и отрицать его существование – это не одно и то же. Не остается ли субъект существующим, хотя о нем невозможно говорить и следует молчать? Если в «Логико-философском трактате» Витгенштейн утверждал существование субъекта, несмотря на невозможность говорить о нем, то в «Философских исследованиях» он выступает против молчаливого признания существования субъекта. Почвой, на которой произрастает его аргументация, является полное *замещение картины мира текстом* и превращение текста в единственный универсальный способ репрезентации реальности – репрезентации без репрезентируемого. Нет сознаваемой реальности и ее языкового выражения, есть *только языковое выражение*: «Когда я мыслю вербально, “значения” не предстают в моем сознании наряду с речевыми выражениями; напротив, сам язык служит носителем мысли» (Витгенштейн 1994: 190). *Языковая структура превращается в структуру сознаваемого мира.*

Витгенштейн показывает, что язык не может быть «изобретен» единственным субъектом. Всякое высказывание обусловлено коммуникативно-речевой практикой, даже если это высказывание о самом себе от первого лица (Витгенштейн 1994: 174). *Поскольку индивидуальный язык невозможен, невозможен и индивидуальный субъект как коррелят языкового мира.* Мир больше не есть *мой мир*.

Отсюда вытекает *децентрация*, распадение субъекта. При этом опора на «интерсубъективность» оказывается половинчатым решением, заслужи-

вающим упрека в субъективизме. Только заявление о *смерти субъекта* позволяет текстовому миру стать самим собой, выступить в своем собственном облике, а не в качестве кальки мира-картины.

Текстовый мир несет с собой не просто *переосмысление* субъектно-объектного отношения (как это было при переходе к неклассике), но и попытку его *элиминации*. Утверждение мира-текста сопровождается всплеском *критики субъектно-объектного отношения* (Г. Райл, Д. Деннет и др.) (Райл 1991; Dennett 1991).

Если обратить внимание на *характер* критики субъективизма в этот период, то нельзя не заметить, что авторы живут уже в *текстовом* мире: решение проблемы субъекта сводится к *анализу употребления слов и выражений*, традиционно служивших для обозначения субъекта опыта, и прежде всего речь идет о *слове «я»*. Представляется, что изучение *функционирования этого слова в языке* может дать ответы на все вопросы, касающиеся субъективности. Так, проводится сравнительный анализ *высказываний от первого и от третьего лица*. «Перспектива от первого лица» сначала признается *зависящей* от «перспективы от третьего лица», а затем *полностью исключается* (Dennett 1989: 153).

Структуралисты стремятся к рассмотрению символических структур самих по себе, без сомнительного понятия о субъекте как их источнике, и считают «я» производным от функционирования этих структур. Утверждается, что синтез объективных структур является анонимным. Структура языка выступает в качестве внутренней основы различных явлений культуры, культура рассматривается как семиотическая система. Но таким образом язык *объективируется*, становится частью картины мира и оказывается неспособным вытеснить, заместить ее.

Ж. Деррида справедливо замечает, что, придавая языковым и языкоподобным структурам *объективный* характер, структуралисты возвращают в философию коррелят объекта – субъект – и, таким образом, остаются в плену мира-картины. Деррида называет новый создаваемый мир *письмом*, под которым он понимает «общее имя для знаков, которые функционируют, несмотря на полное отсутствие субъекта, из-за (после) его смерти» (Деррида 1999: 123).

Письмо вторично по отношению к реальности, но, несмотря на это, ничто не может соответствовать письму, определять его. «Все начинается благодаря отсылке назад, т.е. не имеет начала... нет единственной отсылки, но всегда множественность отсылок, так множество различных следов отсылают назад к другим следам и следам других» (Derrida 1982: 324, перевод наш. – Т.Р.). Письмо не имеет ни реального автора, ни реального объекта.

Итак, если для неклассики характерно полагание субъектно-объектного отношения в форме корреляции «опредмечивание – предмет», которая определяет мир как картину, то происходящее в дальнейшем отождествление реальности и языка (превращение мира-картины в мир-текст) приносит с собой попытку отказа от субъектно-объектного отношения.

На раннем этапе существования мира-текста для субъекта сохраняет актуальность понятие *поверхности*, поскольку поверхность представляется

основой для начертания знаков. При этом текстовый мир не избегает влияния иного (несознаваемого), которое проявляется в неудовлетворенности сознаваемыми содержаниями и в поиске нового. Несмотря на отрицание разделения на внешнее и внутреннее, имеет место поиск какой-то *иной стороны* реальности, попытка выйти на другую сторону, двигаясь по поверхности. Примечательно, что на этом этапе субъект зачарован лентой Мёбиуса, которая является зримым воплощением того, что возможно, не покидая одной и той же *поверхности* (автономизация сознаваемого от иного всегда ведет к отрицанию всяких «глубин»), перейти к тому, что представляется, разумеется, иллюзорно, ее иной стороной.

Но торжество языковой онтологии неизбежно ведет к тому, что поверхность признается лишь метафорой – «окулярной» или «пространственной» метафорой. Понятая как одна из множества возможных метафор картина мира утрачивает отношение к реальности. Прежняя эпистемология, которая опиралась не на текстовые, а на визуальные «данные», подвергается критике. Р. Рорти пишет: «Мы должны выбросить визуальные метафоры, и, в частности, метафоры отражения, из нашей речи вообще. Для того чтобы сделать это, мы должны понимать речь не только как отсутствие экстернализации внутренних репрезентаций, но вообще не понимать ее как репрезентацию. Мы должны отбросить понятие соответствия для предложений, так же как и для мыслей, и рассматривать предложения как связанные скорее с другими предложениями, нежели с миром» (Рорти 1997: 275).

За пределами текста и определяемых им связей понятий более не полагается ничего реального (несознаваемого, неизвестного, но подлежащего познанию). Пространственный «фон», ранее связывавший воедино все то, что не было связано словом, не имеет больше места. Ткань сознаваемого мира начинает расползаться, пространственная картина сменяется нитевидной структурой («ризомой», «сетью»). Б. Латур отмечает: «...у сетей нет никакого “между”, которое можно было бы заполнить» (Латур 2017: 194). Разумеется, сеть эта носит языковой характер в том смысле, что различие между словами и вещами стирается.

С уничтожением мира-картины *репрезентативная* функция языка умалается и подчиняется *коммуникативной*. Мир текстовых данных лишен полагания каких-либо *соответственных* им данных (чувственных или сверхчувственных), которые он мог бы в той или иной мере представлять. Невозможно указать какой-либо содержательный критерий оценки значимости продуктов творчества (как научных теорий, так и произведений искусства). Они значимы лишь постольку, поскольку «выживают» (*транслируются, распространяются, интерпретируются*). Знание понимается как *информация*, а человек рассматривает себя не иначе как систему ее приемы, переработки и передачи (по аналогии с компьютером).

Смыслы производятся из уже имеющихся, готовых смыслов, которые рассматриваются в качестве исходного материала, а значит новые продукты творчества всякий раз неминуемо оказываются *компиляциями* старых смыслов. Ж. Бодрийяр справедливо замечает, что информации становится все больше, но это увеличение не дает приращения смысла.

Философская мысль о текстовом мире, сотканном из готовых смыслов («атомарных предложений»), неминуемо становится «аналитической». Анализ как метод прояснения готовых значений, являющихся продуктами предшествующих эпох, начинает превалировать в философии, тогда как вопрос о *синтезе* как способе формирования *первичных смыслов* (на основе, например, «чувственных данных»), бывший когда-то важнейшим теоретико-познавательным вопросом, снимается. При этом неудивительно, что аналитическая философия всегда вращается вокруг старых постановок философских проблем («сознание – тело», «реализм vs идеализм» и т.д.) как некой языковой данности. Поскольку никакой иной данности, кроме готовых смыслов, для нее нет, она не может предложить никакой *новой постановки проблемы познания* (помимо направленности на изучение языковых практик), склоняясь в конце концов к натурализму и предоставляя наукам прерогативу говорить о познании.

Контуры новой, идущей на смену пониманию мира как текста познавательной установки еще только определяются, и описание ее выходит за рамки данной статьи. Однако нельзя не заметить, что вовсе не следует ожидать возрождения одной из ранее полагаемых форм субъектно-объектного отношения. Декларация «возрождения субъекта» столь же очевидным образом принадлежит ориентации на понимание мира как текста, на уже имеющиеся смыслы, как и декларация «смерти субъекта». Всякая новая познавательная установка должна полагать некое *новое разграничение* познанного и непознанного. Непознанное не создается в явном виде, но полагается существующим, поскольку имеет место сознание неудовлетворительности, неокончателности достигнутых результатов познания. Особенность перехода к новой познавательной установке состоит в преодолении установки на автономизацию сознаваемого. Осуществиться такое преодоление может через осознание рыхлости, нитевидности, неустойчивости сознаваемого мира, понятого как текст.

Заключение

В классической теории познания недостаточность знания понималась как сохраняющееся *различие между субъективными представлениями и объектами этих представлений*, и потому наличие этих двух рядов содержаний было необходимой структурной особенностью сознаваемого мира.

Существенная роль в изменении структуры этого мира принадлежит Шопенгауэру. Он выносит субъективное за пределы всякого представления, однако у него остается сознательное представление о воле как отголосок субъективного мира. Констатация «смерти Бога» позволяет Ницше сделать решительный шаг к новой парадигме. Действительно, сознаваемый мир может оставаться расколотым на два параллельных, несоизмеримых ряда явлений (объективный и субъективный) до тех пор, пока есть надежда на то, что где-то за пределами сознаваемого эти параллели сходятся. Когда за пределами сознаваемого не остается ничего, структурная перестройка сознаваемого мира становится неизбежной.

В неклассической теории познания субъективный (внутренний) мир перестает быть составляющей сознаваемого мира. Все сознательные представления рассматриваются как результаты *объективации*. Субъектно-объектный дуализм сознаваемого мира сменяется единством мира-картины, который существует для субъекта, но не включает его в себя. Полагание субъективности сводится к полаганию *опредмечивающей деятельности* как коррелята *предмета*. Сознание недостаточности, неудовлетворительности наших представлений объясняется не тем, что *представления* не согласуются с *предметами*, а тем, что представляемые нами *предметы не согласуются между собой*.

Неклассическая теория познания завершает свое существование с принятием языка в качестве мирообразующей структуры. Происходит *отказ от субъектно-объектного отношения* не только в форме классического дуализма субъективного и объективного, но и в форме неклассической корреляции «опредмечивание – предмет», что подготавливает переход к новой познавательной установке, то есть к полаганию нового варианта разграничения-противопоставления между *познанным*, составляющим сознательный опыт, и *подлежащим познанию*, отличным от всего уже доступного, сознаваемого

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арендт Х. 2014. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. Москва : Изд-во Ин-та Гайдара. 416 с.
- Витгенштейн Л. 1994. Философские работы. Ч. 1. Москва : Гнозис. 612 с.
- Гаспарян Д.Э. 2011. Введение в неклассическую философию. Москва : Росспэн. 398 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1970. Наука логики. В 3 т. Т. 1. Москва : Мысль. 501 с.
- Гуссерль Э. 2009. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Москва : Академ. проект. 489 с.
- Декарт Р. 1994. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 633 с.
- Деррида Ж. 1999. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля. Санкт-Петербург : Алетейя. 208 с.
- Джеймс У. 1997. Воля к вере. Москва : Республика. 431 с.
- Кант И. 1994а. Сочинения. В 8 т. Т. 3. Москва : Чоро. 741 с.
- Кант И. 1994b. Сочинения. В 8 т. Т. 5. Москва : Чоро. 414 с.
- Кант И. 1994с. Сочинения. В 8 т. Т. 8. Москва : Чоро. 718 с.
- Князева Е.Н. 2014. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманит. инициатив ; Университет. кн. 352 с.
- Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173-200.
- Лейбниц Г.В. 1982. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Москва : Мысль. 636 с.
- Лекторский В.А. 2001. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва : Эдиториал УРСС. 256 с.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Москва : АСТ. 846 с.
- Мамардашвили М. 2010. Классический и неклассический идеалы рациональности. Москва : Азбука. 288 с.
- Ницше Ф. 1996а. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва : Мысль. 829 с.

- Ницше Ф. 1996b. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 829 с.
- Ницше Ф. 2005. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. Москва : Культур. революция. 880 с.
- Платон. 1993. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Москва : Мысль. 528 с.
- Порус В.Н. 2002. Рациональность. Наука. Культура. Москва : Ун-т Рос. акад. образования. 352 с.
- Райл Г. 1999. Понятие сознания. Москва : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 408 с.
- Райнах А. 1999. О феноменологии // Логос. № 1. С. 48-64.
- Рорти Р. 1997. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 320 с.
- Сартр Ж.-П. 2008. Проблемы метода : Статьи. Москва : Академ. проект. 222 с.
- Фихте И.Г. 1993. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Мифрил. 687 с.
- Хайдеггер М. 1990. Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. № 7. С. 143-176.
- Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: статьи и выступления. Москва : Республика. 447 с.
- Хайдеггер М. 1997. Бытие и время. Москва : Ad Marginem. 452 с.
- Херрманн Ф.-В. фон. 2000. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск : ПроPILEI. 192 с.
- Шеллинг Ф.В.Й. 1987. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва : Мысль. 637 с.
- Шопенгауэр А. 1999. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Мир как воля и представление. Москва : ТЕРРА-Кн. клуб ; Республика. 496 с.
- Шопенгауэр А. 2001. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 3. Москва : ТЕРРА-Кн. клуб ; Республика. 528 с.
- Dennett D.C. 1989. *The intentional Stance*. Cambridge, Mass. : MIT Press. 406 p.
- Dennett D.C. 1991. *Consciousness Explained*. Boston : Little, Brown. XIII, 511 p.
- Derrida J. 1982. *Sending: On Representation* // *Social Research*. Vol. 49, № 2: *Current French Philosophy*. P. 294-326.

References

- Arendt H. *Between Past and Future. Eight Exercises in Political Thought*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2014, 416 p. (in Russ.).
- Dennett D.C. *Consciousness Explained*, Boston, Little, Brown, 1991, xii, 511 p.
- Dennett D.C. *The intentional Stance*, Cambridge, Mass., MIT Press, 1989, 406 p.
- Derrida J. *Sending: On Representation*, *Social Research*, 1982, vol. 49, no. 2: *Current French Philosophy*, pp. 294-326.
- Derrida J. *Voice and Phenomenon' and Other Works on the Theory of Husserl's Sign*, St. Petersburg, Aleteya, 1999, 208 p. (in Russ.).
- Descartes R. *Works, in 2 vol., vol. 2*, Moscow, Mysl', 1994, 633 p. (in Russ.).
- Fichte I.G. *Works, in 2 vol., vol. 1*, St. Petersburg, Mifril, 1993, 687 p. (in Russ.).
- Gasparyan D. *Introduction to Non-Classical Philosophy*, Moscow, Rosspen, 2011, 398 p. (in Russ.).
- Hegel G.V.F. *Science of Logic, in 3 vol., vol. 3*, Moscow, Mysl', 1970, 501 p. (in Russ.).
- Heidegger M. *Being and Time*, Moscow, Ad Marginem, 1997, 452 p. (in Russ.).
- Heidegger M. Nietzsche's Words 'God is dead', *Voprosy filosofii*, 1990, no. 7, pp. 143-176. (in Russ.).
- Heidegger M. *Time and Being: articles and speeches*, Moscow, Respublika, 1993, 447 p. (in Russ.).
- Herrmann von F.-W. *The Concept of Phenomenology by Heidegger and Husserl*, Minsk, Propilei, 2000, 192 p. (in Russ.).

- Husserl E. *Ideas for a Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy, b. 1*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2009, 489 p. (in Russ.).
- James W. *Will to faith*, Moscow, Respublika, 1997, 431 p. (in Russ.).
- Kant I. *Works, in 8 vol., vol. 3*, Moscow, Choro, 1994, 741 p. (in Russ.).
- Kant I. *Works, in 8 vol., vol. 5*, Moscow, Choro, 1994, 414 p. (in Russ.).
- Kant I. *Works, in 8 vol., vol. 8*, Moscow, Choro, 1994, 718 p. (in Russ.).
- Knyazeva E.N. *Anactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology*, Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga, 2014, 352 p. (in Russ.).
- Latour B. On actor-network theory. A few clarifications plus more than a few complications, *Logos*, 2017, no. 1, pp. 173-200. (in Russ.).
- Lectorsky V.A. *Classical and Non-Classical Epistemology*, Moscow, Editorial URSS, 2001, 256 p. (in Russ.).
- Leibniz G.V. *Works, in 4 vol., vol. 1*, Moscow, Mysl', 1982, 636 p. (in Russ.).
- Losev A.F. *The history of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato*, Moscow, AST, 2000, 846 p. (in Russ.).
- Mamardashvili M.K. *Classical and Non-classical Ideals of Rationality*, Moscow, Azbuka, 2010, 288 p. (in Russ.).
- Nietzsche F.W. *The Will to Power. Experience of Revaluation of All Values*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2005, 880 p. (in Russ.).
- Nietzsche F.W. *Works, in 2 vol., vol. 1*, Moscow, Mysl', 1996, 829 p. (in Russ.).
- Nietzsche F.W. *Works, in 2 vol., vol. 2*, Moscow, Mysl', 1996, 829 p. (in Russ.).
- Plato. *Works, in 4 vol., vol. 2*, Moscow, Mysl', 1993, 528 p. (in Russ.).
- Porus V.N. *Rationality, Science, and Culture*, Moscow, Universitet Rossiyskogo akademicheskogo obrazovaniya, 2002, 352 p. (in Russ.).
- Reinach A. On phenomenology, *Logos*, 1999, vol. 1, pp. 48-64. (in Russ.).
- Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*, Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1997, 320 p. (in Russ.).
- Ryle G. *The Concept of Mind*, Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 1999, 408 p. (in Russ.).
- Sartre J.-P. *Method problems. Articles*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2008, 222 p. (in Russ.).
- Schelling F.W.J. *Works, in 2 vol., vol. 1*, Moscow, Mysl', 1987, 637 p. (in Russ.).
- Schopenhauer A. *Collected works, in 6 vol., vol. 1*, Moscow, Teppa-Knizhnyy klub, Respublika, 1999, 496 p. (in Russ.).
- Schopenhauer A. *Collected works, in 6 vol., vol. 3*, Moscow, Teppa-Knizhnyy klub, Respublika, 2001, 528 p. (in Russ.).
- Wittgenstein L. *Philosophical works, pt. 1*, Moscow, Gnozis, 1994, 612 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябушкина Татьяна Михайловна

кандидат философских наук, доцент Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9229-9924>;
 ResearcherID: K-7083-2015;
 SPIN-код: 6128-3467;
 Google Scholar: https://scholar.google.ru/citations?user=iaV_nzsAAAAJ&hl=ru;
 E-mail: ryabushkinat@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana M. Ryabushkina

Candidate of Philosophical Science, Associate Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia;
 ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9229-9924>;
 ResearcherID: K-7083-2015;
 SPIN-код: 6128-3467;
 Google Scholar: https://scholar.google.ru/citations?user=iaV_nzsAAAAJ&hl=ru;
 E-mail: ryabushkinat@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Давыдов Д.А. Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму? DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_61 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 61–78.

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_61

Посткапитализм как архаизация: институциональный дрейф к неофеодализму?

Дмитрий Александрович Давыдов

Институт философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

*Поступила в редакцию 06.10.2021, поступила после рецензирования 18.11.2021,
принята к публикации 20.12.2021*

В статье посткапитализм рассматривается не как перспектива прогрессивного движения к светлому будущему, а как архаизация – установление общественных отношений, напоминающих докапиталистические. Анализируются концепции, авторы которых указывают на соответствующие тенденции: парцелляция суверенитета, сращивание экономической и политической власти, перекрытие путей восходящей мобильности, сословный и кастовый характер социальной стратификации и многое другое. В статье обосновывается, что причины данных тенденций стоит искать не только в неолиберализме. Автор выдвигает тезис, согласно которому некоторые феномены, ассоциируемые с модернистским прогрессом (увеличение доли среднего класса в обществе, ускорение социальной мобильности и т.п.), были историческим

© Давыдов Д.А., 2021

исключением, связанным с тем, что благодаря индустриальной революции широкие массы трудящихся приобрели весомое «переговорное» преимущество в виде хорошо продаваемой рабочей силы, задействованной в материальном производстве. Это преимущество исчезает по мере автоматизации производства и роста креативной экономики. Творческую «рабочую силу» продать гораздо сложнее ввиду непредсказуемости самого творческого процесса. Экономические элиты, в свою очередь, редко напрямую инвестируют в «человеческий капитал», предпочитая искать таланты и «присваивать» их, а не развивать в массовых масштабах. Это и приводит к соответствующим трансформациям социальной структуры. Вместе с тем в статье утверждается, что для корректной оценки сложившейся ситуации вряд ли подойдут термины, отсылающие к прошлому (*неофеодализм* и т.п.). Мы находимся в другой ситуации, когда всевластию «неофеодалов» вполне можно противопоставить перспективу, в которой всеобщее и целенаправленное ускорение научно-технического прогресса сопровождается растущим спросом на максимизацию реализации талантов каждого.

Ключевые слова: посткапитализм, неофеодализм, коммунизм, когнитивный капитализм, креативная экономика, коммунизм знаний, рента, рентное общество, постдемократия

Post-Capitalism as Archaization: Institutional Drift Towards Neo-Feudalism?

Dmitry A. Davydov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Received 06.10.2021, revised 18.11.2021, accepted 20.12.2021

Abstract. In the article, post-capitalism is viewed not as a prospect of a progressive movement towards a brighter future, but as archaization – the establishment of social relations reminiscent of pre-capitalist ones. Concepts are considered, the authors of which point to the corresponding tendencies: parcelling of sovereignty, merging of economic and political power, blocking the paths of upward mobility, class and caste character of social stratification, and much more. The article substantiates that the reasons for these trends should be sought not only in neoliberalism. The author puts forward the thesis that some of the phenomena associated with modernist progress (increasing the share of the middle class in society, accelerating social mobility, etc.) were a historical exception because, thanks to the industrial revolution, the broad masses of workers acquired a significant “negotiation” advantage in the form of a well-sold labour force involved in material production. This advantage disappears as production becomes more automated and the creative economy grows. Creative “labour” is much more difficult to sell due to the unpredictability of the creative process itself. Economic elites, in turn, rarely invest directly in “human capital”, preferring to look for talents and “appropriate” them, rather than develop them on a massive scale. This leads to the corresponding transformations of the social structure. Nevertheless, the article argues that the terms referring to the past (neo-feudalism, etc.) are unlikely to be suitable for a correct assessment of the current situation. We are in a different situation when the omnipotence of the “neo-feudal” can quite be countered by a perspective in which the universal and purposeful acceleration of

scientific and technological progress is accompanied by a growing demand for maximizing the realization of everyone's talents.

Keywords: post-capitalism; neo-feudalism; communism; cognitive capitalism; creative economy; knowledge communism; rent; rental society; post-democracy

For citation: Davydov D.A. Post-Capitalism as Archaization: Institutional Drift Towards Neo-Feudalism?, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 61-78. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_61.

Введение. Долгие годы идея посткапиталистического общества была, как правило, связана с уверенным взглядом в будущее, с верой в прогресс, в бесконечные возможности человечества, а стало быть – с убежденностью, что уже скоро наступит время, когда человек из средства превратится в цель. Несмотря на крах СССР, сегодня вновь становится актуальным дискурс о посткапитализме, о новой технологической реальности и складывающихся общественных отношениях, свидетельствующих о том, что капитализм постепенно перерождается в нечто принципиально новое (Мейсон 2016; Срничек, Уильямс 2019). Но, хотя многие дискурсы о посткапитализме проникнуты оптимизмом, вдохновлены мощью процессов автоматизации и роботизации, ростом экономики знаний (Горц 2010) или, к примеру, набирающими популярность новыми «левыми» идеями вроде безусловного дохода (Ван Парайс, Вандерборхт 2020), в последние годы появилось значительное число работ, авторов которых вряд ли можно назвать с уверенностью смотрящими в будущее. Не все эти авторы пишут непосредственно именно о посткапитализме, но в совокупности их наблюдения позволяют сделать предварительное заключение: мы движемся вовсе не к светлому будущему равенства и братства, а скорее деградируем, возвращаемся к архаике. Иными словами, слово «посткапитализм» в данном контексте означает не столько открытие новых горизонтов, сколько возврат к ряду принципов организации общества, которые соответствуют докапиталистическим способам производства. Почему так происходит? Каковы фундаментальные причины этого? Есть ли какие-то альтернативы кажущейся неизбежной архаизации?

Назад к «темному» прошлому? Капиталистическая система – это не только то, что ассоциируется с рыночной экономикой, борьбой за прибавочную стоимость, эксплуатацией и неравенством. Это также часть большого проекта Модерна, включающего в себя отход от ограничений традиционного общества: рациональность, веру в технологический прогресс, эмансипацию, мобильность, массовую демократию и т.п. Капитализм никогда не был «чистым злом», но повсеместно способствовал гуманизации общественных отношений, большей открытости и честности (Фукуяма 2008: 340-381). Да, у капитализма имелись и имеются свои собственные внутренние болезни, но динамика его становления и развития породила у многих исследователей представление о движении к лучшему: капитализм был сначала «диким», а потом постепенно был «приручен», так как на смену эпохе «сверхэксплуатации» пришло время государства всеобщего благосостояния. Резонно было

бы представить, что рано или поздно и сам капитализм исчерпает свой потенциал, выполнит свою миссию и передаст эстафету более прогрессивной экономической системе, основанной на стремлении к равенству и коллективной целесообразности.

Но за «неолиберальным поворотом» начались проблемы: после энергетического кризиса 1970-х экономический рост был восстановлен, но постепенно в развитых странах он все более и более замедлялся; средние зарплаты (в реальном выражении) перестали расти для большинства населения; средний класс оказался в упадке и стремительно уменьшался в размерах; технооптимизм начал вытесняться технопессимизмом и апокалипсическим фатализмом. Все, за что больше всего ценили капитализм (динамика, «творческое разрушение», обеспечение экономического благосостояния для более широких слоев населения), постепенно исчезало. И сегодня речь идет о том, что, по всей видимости, исчезает и сам капитализм как система, основанная на конкурентных рынках. Соответственно множатся концепции, авторы которых считают, что общество деградирует и возвращается к феодализму.

Конечно, кризисы капитализма, его переходы со стадии на стадию всегда порождали отнюдь не только революционно-оптимистические теории (еще Джек Лондон писал о «железной пяте», Роза Люксембург – про «социализм или варварство» и т.п.). Но сегодня, кажется, все «заходит слишком далеко». Здесь можно отметить недавние работы Дж. Дин (Дин 2019) и Дж. Коткина (Kotkin 2020), которые с разных теоретических позиций отмечают очень похожие явления, обозначая их термином «неофеодализм»: растет экономическое неравенство, пути восходящей мобильности оказываются практически полностью перекрытыми для «низов», а реальная власть сосредотачивается в руках олигархов (прежде всего – владельцев технологических монополий (Big Tech или Tech Giants) вроде Facebook и Google) как новых «сеньоров».

Дж. Коткин акцентирует внимание на тех, кого он называет *клериси*. Это своеобразная новая духовная аристократия (по аналогии со средневековыми *клериками*), состоящая из части рабочей силы, занятой в основном вне сферы материального производства (учителя, консультанты, юристы, государственные служащие и поставщики медицинских услуг). Этос клериси кладется в основу новой *ортодоксии* из смеси политики идентичности, постматериалистических ценностей, приверженности глобализации, стремления к сокращению промышленных выбросов и т.п. Эта ортодоксия постепенно становится доминирующей, ее приверженцы вытесняют «консерваторов» из университетов и сферы журналистики и вступают в альянс с представителями Big Tech. Без этой ортодоксии нельзя сложить целостной антиутопической картины: с одной стороны, олигархи и находящаяся у них в услужении новая «духовная аристократия», а с другой – все остальные, чье благополучие в эпоху автоматизации и роботизации производства ставится под сомнение. Последним предлагается нечто вроде новой религии отречения от материального изобилия в пользу экологического благополучия или *нулевого роста*, а потому – выбывание из буржуазной гонки за доступ к ста-

тусному потреблению. И, разумеется, каждому в неофеодальном будущем предложат нечто вроде милостыни: безусловного дохода, который будет не столько орудием «освобождения от труда», сколько способом избавления от новых «бродяг» («низового» прекариата), их «усмирения» небольшими, не слишком обременительными для элит «подаваниями» (Kotkin 2020: 67-76).

И если Дж. Коткин ностальгирует по славным временам капитализма, когда «прилив поднимал все лодки», Дж. Дин не видит иной альтернативы неофеодализму, кроме движения к коммунизму: слишком многое изменилось, а бывшее – не вернуть. Более того, следуя логике интерсекционализма, Дин не видит особой проблемы в сословии клериси. Для нее главную опасность представляют именно Tech Giants в эпоху *коммуникативного капитализма*. Она выделяет четыре основных признака складывающегося неофеодализма: 1) парцелляция суверенитета; 2) иерархия и экспроприация с участием новых сеньоров и крестьян; 3) заброшенная глубинка и привилегированные города; 4) чувство незащищенности и катастрофизм. Общая картина такова: сегодня происходит беспрецедентное слияние политической и экономической власти, миллиардеры всячески избегают налогообложения (то есть избегают законов национальных государств), рыночная стоимость IT-гигантов превышает объем экономики многих стран мира, они пользуются налоговыми льготами (сбор «дани»), чтобы извлекать огромные «излишки» с населения, а также бесплатным «коммуникативным» трудом, генерирующим данные и метаданные; беспрецедентными темпами растет неравенство, в то время как владельцы технологических платформ «захватывают» коммуникативные пространства, становясь монополистами; наблюдается раскол между крупными городами и глубинкой, где царят разруха и запустение, а в результате джентрификации земля «огораживается» и массы людей оказываются «бродягами» без какой-либо недвижимости; наконец, все это усиливает стресс, ведет к депрессии, к «психотическому саморазрушению общества», а как следствие – к ощущению приближающегося апокалипсиса, к оккультизму, техноязычеству и антимодернизму. «Я начала с того, что сегодня нам нужно думать уже не о капитализме, а о чем-то худшем – неофеодализме, – резюмирует Дж. Дин. – Это не значит, что капиталистических отношений производства и эксплуатации больше не существует. Это означает, что другие аспекты капиталистического производства – экспроприация, господство и сила – стали настолько существенными, что любые разговоры о фикции свободных и равных игроков, встречающихся на рынке труда, сегодня утратили всякий смысл» (Дин 2019: 112).

Дж. Коткин и Дж. Дин не единственные, кто сегодня пишет о неофеодализме. «Феодализм, – отмечает М. Пасквинелли, – не принадлежит прошлому. На самом деле он предельно современен, это будущее с налетом стимпанка – поистине неофеодальное будущее! Неофеодализм – это ситуация тотальной поляризации, когда вся коммуникационная инфраструктура (аппаратный уровень, протокольный уровень, уровень метаданных и социальных сетей) находится в собственности кучки цифровых лендлордов, множество когнитивных работников принуждается к “креативному” труду, а между двумя полюсами – кризис, исчезновение среднего класса цифровой

эпохи» (Пасквинелли 2012). Слово «неофеодализм» (или «родственные» концепты вроде рентно-сословного общества и соответствующей классовой структуры (Кордонский и др. 2012; Мартьянов, Фишман 2016; Мартьянов 2017 и др.) сегодня часто на слуху и в отечественной социальной науке (Корнилов М., Корнилов А. 2021), а также в публицистике (см. довольно сомнительные с научной точки зрения концепты, сильно кренящиеся в сторону теории заговора (Катасонов 2020; Лежава 2021)).

Но все же стоит отметить, что «неофеодализм» – это скорее метафора, к которой обращаются с целью подчеркнуть деградацию капитализма, установление общественных отношений, напоминающих докапиталистические. Как научный концепт он не очень удачен, так как его авторы подчеркивают явления, свойственные более широкой докапиталистической эпохе, нежели феодализму как довольно короткому периоду в истории ряда западных стран (Уикхем 2020). Точнее суть данной «деградации» можно выразить с помощью понятия *ренты*.

Рента – это доходы, обусловленные не трудом и инвестициями в условиях свободных рынков, а теми или иными нерыночными преимуществами (принуждением, давлением на государственных субъектов и т.п.). Долгие годы концепт ренты был непопулярным в экономических и политэкономических исследованиях, так как господствовала неоклассическая экономическая ортодоксия о свободных рынках и поведении homo economicus. Рента считалась понятием маргинальным, отражающим нечто отжившее, неправильное, то, чего в здоровом, «открытом» и т.п. обществе быть не должно. Но сегодня, по всей видимости, рента становится ключевым понятием при обсуждении проблем современного общества (Фишман и др. 2019). Концентрация экономического богатства сопровождается всем разнообразием практик извлечения политически обусловленных рент (от лоббирования до ухода от налогообложения). Колониализм никуда не исчез, и богатые страны продолжают извлекать ресурсную ренту из тех стран, которые находятся в соответствующих «ловушках» («ресурсное проклятие»). В то же самое время глобальные корпорации соревнуются в борьбе за интеллектуальную ренту (патенты, удлинение срока их действия и т.п.).

Сегодня появляется все больше трудов, авторы которых акцентируют внимание на ренте. Так, П. Михайи и И. Селеньи показывают, что в условиях сильного неравенства на вершине социальной иерархии создается новая «аристократия» или «сословие» (вновь «средневековая» терминология). Как они утверждают, разделительная линия проходит под «лучшими» (Mihályi, Szelényi 2019). Дж. Стиглиц в одной из своих последних книг замечает, что сегодня в США имеет место сильная концентрация рыночной власти по сравнению с прошлым (например, в 2016 г. 28 фирм, входящих в индекс S&P 500, получили 50% всех корпоративных прибылей (Стиглиц 2020: 88)). Причина этого процесса – «вытеснение» труда и инвестиций рентными практиками. Конкуренция снижается, а почти все богатства присваиваются суперкорпорациями. «Инновационные» фирмы стремятся всячески ограничить конкуренцию, злоупотребляя патентной системой. «Рыночная власть, – пишет Стиглиц, – трансформируется во власть политическую.

Огромные прибыли, обеспечиваемые рыночной властью, позволяют компаниям – в условиях нашей ориентированной на деньги политики – покупать влияние, которое еще больше увеличивает их власть и прибыли, например в результате ослабления профсоюзов, принудительного ограничения конкуренции, предоставления банкам свободы эксплуатации простых граждан и структурирования глобализации так, что она еще больше ослабляет переговорную силу работников» (Стиглиц 2020: 82). Б. Кристоферс на очень богатом эмпирическом материале показывает, что в Великобритании, несмотря на имидж «мастерской мира», почти на протяжении всей истории в структуре доходов доминировала рента: до конца XIX в. подавляющее большинство миллионеров были землевладельцами, а вскоре к ним присоединилась группа финансовых магнатов (которые получали прибыль от финансовых активов, а не от производства и человеческого труда). Лишь в первой половине XX в. в Великобритании рентные практики на время были отодвинуты на второй план. Но с конца 1970-х наблюдается обратная тенденция: «возвращение» ренты во всех ее проявлениях. Кристоферс приводит статистические данные, последовательно обосновывая, что доля ренты расширяется в разных областях экономики: финансовая рента, рента от добычи природных ресурсов, рента от интеллектуальной собственности, рента, обусловленная практиками аутсорсинга, рента от «монополии» на предоставление основных услуг (от энергоснабжения и водоснабжения до связи и транспорта), земельная рента (Christophers 2020).

На вышеупомянутое наслаиваются другие немаловажные процессы. Так, в последние годы появилось очень много работ (Sandel 2020; Markovits 2019; Littler 2017; Frank 2016 и др.), посвященных феномену меритократии. Однако, меритократия, ставшая чем-то вроде идеологии технократических элит, сегодня – это не власть «лучших», какими бы методами их ни выявляли. Как подмечает Д. Марковиц, прослойка меритократов (топ-менеджеры, высокооплачиваемые профессионалы, элита инженеров, ученых и креативщиков, финансисты и т.п.) – это уже *каста*, представители которой передают свой статус по наследству путем беспрецедентных инвестиций в образование детей. Разница между качеством образования, к которому имеют доступ беднейшие и какое могут позволить себе богатейшие, становится колоссальной и указывает на *невозможность* восходящей мобильности там, где требуется соответствующее образование и навыки. Поэтому Марковиц постоянно использует терминологию, отсылающую к архаике: «механизм концентрации и династической передачи богатства и привилегий из поколения в поколение», «кастовый порядок», «новая аристократия» и т.п. (Markovits 2019). Если к этому добавить дискурс о постдемократии (Crouch 2020) и цифровом тоталитаризме (или «надзорном капитализме») (Zuboff 2019), то общая картина, действительно, складывается весьма специфическая: если это и не возврат к классическому феодализму, то как минимум речь должна идти об упадке многого из того, что ранее ассоциировали с прогрессивным движением к лучшему будущему.

Но каковы глубинные причины такой «деградации»? Очевидно, что мы имеем дело с целым набором факторов. Здесь и неолиберализм, ко-

торый развязал руки олигархам и владельцам глобальных корпораций; и тенденция к ускорению автоматизации производства, приведшая к «размыванию» среднего класса; и многие другие феномены вроде «сетевых эффектов», способствующих монополизации. Однако, на наш взгляд, все эти явления плохо (или не полностью) объясняют кажущееся неотвратимым движение к архаике. Дело не только и не столько в неолиберализме или, скажем, в автоматизации, сколько в специфике того, что сегодня называют *экономикой знаний*, а шире (и точнее) – *креативной экономикой*. Казалось бы, выдвигание креативной экономики и творческих компетенций на первый план должно свидетельствовать о растущей потребности во «всестороннем развитии личности», а потому – к дальнейшему прогрессивному развитию. Но все несколько сложнее.

Случайность, ставшая привычкой. Начать стоит с констатации факта: многое из того, что мы ассоциируем с прогрессом (увеличение доли среднего класса в обществе, ускорение социальной мобильности и т.п.), – это достижения относительно новые. По историческим меркам еще совсем недавно считалось, что человечество обречено всегда находиться в мальтузианской ловушке: рост численности населения за редкими исключениями обгоняет рост производства продуктов питания, ограниченный плодородием почвы. Каждый новый «среднестатистический» человек – это как потенциальный трудяга, так и дополнительный рот, а то и бродяга, который способен найти себе место лишь в рядах разбойников. Можно даже сказать, что в доиндустриальную эпоху человек играл *второстепенную* роль в экономике: всю основную «работу» проделывала природа, а человеку отводилось место «регулирующего» природных процессов (Давыдов 2020). Соответственно этому и производительность зависела по большому счету не от труда как такового, а от качества земли (ее плодородия и залегающих в ней ресурсов). При низком уровне и слабой динамике технологического развития вкладываться в развитие человека (его «человеческий капитал») было невыгодно, так как в любом случае рост производительности упирался в довольно жесткие естественные пределы (например, плодородия почв). Более того, люди, населявшие землю, не были непосредственным условием господства класса эксплуататоров, ибо оно базировалось не столько на хозяйственной деятельности (экономическая мощь), сколько на силе и принуждении (военная мощь). Труд людей был своего рода «излишком», который присваивался и в лучшем случае благоразумно применялся для внутреннего усиления, но война оставалась главным средством обогащения и доминирования. В такой обстановке ни о какой широкой демократии и динамичном развитии на благо всех не могло быть и речи.

Можно было бы подумать, что промышленная революция резко привнесла существенные изменения (особенно учитывая философский и культурный бэкграунд Просвещения, либерализма и т.п.). Но поначалу все происходило с точностью до наоборот. Первые промышленные предприятия стали самой настоящей катастрофой для людей труда: первые машины вытесняли массы простых ремесленников, позволив заменить их требующий

некоторых умений и навыков труд низкооплачиваемым трудом детей. Промышленная система буквально уничтожала рабочих, чье положение из года в год ухудшалось (в первой половине XIX в. они жили значительно хуже, чем средневековые крестьяне). Человек становился частью «биомассы», которую нещадно эксплуатировали, что в 1845 г. отметил в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс.

Но по иронии судьбы именно тогда, когда Энгельс излагал свои наблюдения, многое начало принципиальным образом меняться: вместо простых в освоении машин на фабриках устанавливаются все более сложные, требующие некоторой слаженности действий и базовых компетенций. Кроме того, в условиях быстрого экономического роста наблюдалось уже не «перепроизводство» рабочей силы, а зачастую ее острая нехватка. Именно в этот переломный момент труд впервые в истории стал главным источником экономических благ. Производительность экономики оказалась в прямой зависимости от «качества» рабочей силы, среднего уровня образования, уровня развития культуры и т.д. К.Б. Фрей отмечает: «...человеческий капитал стал решающим только в конце девятнадцатого века, когда технический прогресс повысил спрос на навыки. <...> В период 1750–1830 годов уровень грамотности в Великобритании оставался в основном неизменным, но после этого он начал быстро расти. Средняя продолжительность учебы мужчин-работников также не увеличивалась до 1830-х годов, но к началу двадцатого века она увеличилась втрое. Между тем коэффициент инвестиций в Великобритании почти удвоился с 1760 по 1831 год, а затем оставался примерно на том же уровне до начала Первой мировой войны. Таким образом можно сказать, что до 1830-х годов технический прогресс способствовал увеличению спроса на физический капитал при замене рабочих и лишении их навыков. Однако впоследствии это привело к относительному увеличению спроса на человеческий капитал»¹ (Frey 2019: 135).

Что происходит, когда человеческий труд становится важнейшим фактором производства? Полезность труда четко просчитывается (является наглядной), и рабочие начинают занимать важнейшие звенья в цепочках экономических отношений, а потому осознают свою коллективную, классовую мощь (например, могут шантажировать капиталиста остановкой производства). Такие факторы, как *рост переговорной силы трудящихся*, классовая борьба, общая заинтересованность в подъеме среднего образовательного и культурного уровня, в итоге вылились во многие достижения демократии. Темпы роста доли оплаты труда в структуре ВВП долгое время опережали рост доли капитала. Расширялся *средний класс*, создававший иллюзию преодоления классовых антагонизмов.

Но к моменту «поворота к неолиберализму» что-то сломалось, и все повернулось вспять: «...в последние несколько десятилетий во всем мире часть пирога, достающаяся работникам (то, что экономисты называют “долей рабочей силы”), начала сокращаться, а часть владельцев традиционного капитала (“доля капитала”) стала расти. В развитых странах эта тенденция

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – Д.Д.

наблюдается с 1980-х годов, а в развивающихся – с 1990-х» (Сасскинд 2021: 199). И основную причину этой тенденции стоит искать не в неолиберализме как таковом, который стал одним из возможных ответов на более глубокие изменения – глобализацию и ускоряющиеся темпы технологического развития. Процессы информатизации, роботизации, автоматизации, развитие технологий искусственного интеллекта и т.п. ведут к тому, что экономическая роль «среднего» человека вновь оказывается второстепенной. Автоматизация производства способствует сильной поляризации рабочей силы (Сасскинд 2021). Люди, долгое время составлявшие «средний класс», теперь легко заменяются программным обеспечением и роботами (особенно это касается профессий, требующих сравнительно высокой квалификации, но при этом рутинного труда), в то время как спрос на низкоквалифицированный ручной труд, который не так легко автоматизировать, растет (гиг-экономика). В то же самое время происходит настоящая гонка за сверхквалификацией.

Нетрудно догадаться, к чему все это ведет. Гиг-экономике не нужны в массовом порядке образованные люди, которые чувствуют себя полноценными гражданами. Реально востребованное рынком высшее образование дорожает по мере технологического усложнения производства и ускорения научно-технического прогресса. В результате, с одной стороны, из числа не прошедших отбор формируется страта прекариев и «лишних людей», а с другой – появляется страта элит, концентрирующих в своих руках беспрецедентную долю богатств. Именно отсюда многие аллюзии на Средневековье и феодализм: «лишние люди» как новые бродяги; прекарии или занятые в гиг-экономике как представители эксплуатируемого сословия (или даже касты), лишённые каких-либо возможностей восхождения по социальной лестнице; олигархи вкупе с технократическими элитами, конвертирующие экономическую власть на глобальном уровне во власть политическую.

Однако, на наш взгляд, и автоматизация отнюдь не главная причина «архаизации» общественных отношений. В конце концов, если бы проблема была только в необходимых навыках, то все бы стремились инвестировать именно в них, то есть как раз в образование, в человека как значимого субъекта высокотехнологичной экономики. Это, разумеется, происходит, но не в достаточной степени и только в «избранных» местах (например, очевидно плачевное общее состояние среднего образования в США при высочайшем уровне образования в топовых университетах Лиги плюща). Более существенная проблема заключается в том, что основным фактором роста производительности и в целом экономического успеха постепенно становится *творчество*.

Креативная экономика: от ожиданий к реальности. О том, что современная экономика является информационной, постиндустриальной (хотя, понятное дело, лишь отчасти), инновационной, а капитализм «когнитивным», написано и так очень много. Очевидно, что экономическая значимость инноваций и знаний быстро растет (см., напр.: Ahlstrom 2010). В основе инновационной экономики и творческих индустрий лежит, соот-

ветственно, *творчество* как особая форма деятельности, нацеленная на создание нематериальных ценностей (идей, концептов и т.п.), которые при этом невозможно адекватно количественно измерить, что является проблемой для «капиталистической логики». Эти свойства «экономики инноваций и знаний» вдохновляют многих исследователей на смелые прогнозы о том, что рано или поздно данная экономика перерастет в «коммунизм знаний» (Горц 2010) благодаря «прогрессу культуры как сферы со-творчества (Бузгалин 2021). Действительно, многое указывает на возможность такой перспективы. Так, знания полностью противоположны по своим свойствам «материальным» рыночным товарам: их можно легко обобществлять (открывать широкий доступ для каждого на планете, устраняя препятствия вроде копирайта), а в результате «потребления» их ценность вовсе не убывает, а только прирастает. Но существует и ряд очень серьезных проблем, которые часто не замечают.

К примеру, вышеуказанное намекающее на «коммунизм знаний» свойство «летучести» знаний служит одним из факторов недостаточных частных инвестиций в их «производство» (а косвенно – и в образование). Частные инвесторы осознают, что результатом профинансированных ими исследований потенциально могут воспользоваться все без исключения. Как отмечает Н. Мирвольд, «...даже в прикладных областях, таких как материаловедение и информатика, компании теперь понимают, что фундаментальные исследования – это форма благотворительности, и избегают их. Ученые Bell Labs создали транзистор, но это изобретение принесло Intel (и Microsoft) миллиарды. Инженеры Xerox PARC изобрели современный графический пользовательский интерфейс, хотя больше всего от этого выиграли Apple (и Microsoft). Исследователи IBM первыми применили гигантское магнитосопротивление для увеличения емкости жесткого диска, но вскоре уступили производство жестких дисков Seagate и Western Digital»¹.

Но главная трудность заключается в самой сути творческой деятельности, которую сложно описывать с помощью «трудовой» терминологии («предельная производительность», «человеко-часы» и т.п.). При этом, занимаясь творчеством, человек, условно говоря, утрачивает контроль над своими производительными силами. Повторим то, что уже было проговорено: прогрессивное «исключение из правил» было обусловлено тем, что под непосредственным контролем работников оказались важные козыри, увеличивающие их переговорную силу (физический труд, легко встраивавшийся в совершенствующееся машинное производство, а также интеллект, необходимый для зачастую сложных, но все же рутинных операций). Человек был наделен совокупностью врожденных («предустановленных») качеств, которые можно было легко продавать в силу их «калькулируемой», *наглядной* полезности для экономики. Но в ситуации с творчеством это уже не так (или в гораздо меньшей мере так). Творчество – процесс непредсказуемый. *Отдельный человек не в силах предвидеть, сможет ли он изобрести,*

¹ URL: <https://www.scientificamerican.com/article/basic-science-can-t-survive-without-government-funding/>

сочинить или изваять что-то реально полезное, а тем более – сделать это в четко запланированные сроки. История знает тысячи примеров так и не нашедших применения изобретений (или инноваций), в которые вкладывались деньги, и тысячи примеров инноваций, появившихся спонтанно, но при этом менявших мир к лучшему.

В сущности, сегодня *природа* вновь стала важнее труда, правда, теперь не как земля или залегающие в ней ресурсы, а как *природные дарования и таланты*. Из них вполне можно извлекать ренту, чем «сеньоры» не преминут воспользоваться.

NB! Разумеется, и способность человека к труду – это «дар природы». Различение «труда» и «природы» как источников благ здесь необходимо, чтобы подчеркнуть значение и роль конкретных производителей в тех или иных исторических условиях. Труд – это не просто применение природных способностей к преобразованию природного же мира. Это *сознательная целенаправленная деятельность*. И творчество невозможно без сознательной целенаправленной деятельности (любой ученый, например, весьма «рутинно» читает книги и статьи или пишет отчеты начальству). По всей видимости, это одна из причин, почему все еще существуют академии наук, где ученым платят заработную плату за *труд*. Однако подлинно *творческий компонент в творчестве* – это всегда некоторое ускользание из-под непосредственного субъективного контроля в область, находящуюся за гранью сознательного (*инсайт*). Именно отсюда соблазн ассоциировать гениальность или талант с *природой*, осмыслять их как нечто «рожденное» или «врожденное», стихийное, не до конца понятное, таинственное, в некотором смысле неподконтрольное.

Так как наиболее плодородные участки «человеческой природы» теперь сокрыты, неочевидны, то представители «аристократии» природные богатства извлекают путем их разведки (поиска талантов) и «огораживания» – установления прав собственности на информацию или технологии (Vercellone 2013). При этом глобальным корпорациям, как правило, невыгодно в массовом порядке инвестировать в «человеческий капитал» в надежде на новые идеи или знания, поскольку отдача в таком случае непредсказуема, а спонтанно возникающие плоды творческой деятельности и можно точно присваивать или импортировать. Более того, нередко и государства перестают видеть в «человеческом капитале» реальный драйвер развития, так как вложения в образование или науку обходятся все дороже и дороже (и где брать деньги, если «неофеодалы» уходят от налогов?).

Рассмотрим подробнее некоторые аспекты происходящих процессов.

1. *Разведка и оценка ментальных ресурсов*. Если отдача от инвестиций в человеческий капитал отдельных индивидов становится все менее явной, то резонно вообще перестать в него вкладываться в общенациональных масштабах. Дети богатых и так получают хорошее образование, а таланты можно искать где угодно посредством своеобразной *разведки и оценки ментальных ресурсов*. Это хорошо заметно по Кремниевой долине, которая притягивает к себе таланты со всего мира. В Калифорнии 27% населения – это лица без американского гражданства или граждане, рожденные за рубежом, в то

время как для США в целом этот показатель составляет 13,4%¹. Согласно отчету, основанному на данных переписи населения 2016 г., около 71% технических работников в Долине являются выходцами из других стран, в регионе Сан-Франциско – Окленд – Хейворд – примерно 50%². С 1995 по 2005 г. иммигранты основали 52% всех новых компаний Кремниевой долины. Они также учредили более 40% компаний, вошедших в 2017 г. в список Fortune 500 (Стиглиц 2020: 44). Кризис среднего образования (в результате серьезного недофинансирования) вынуждает все чаще «импортировать» студентов. Общее количество иностранных студентов, обучающихся в колледжах и университетах США, возросло с 26 тыс. в 1949/50 учебном году до около 1,1 млн в 2019/20 учебном году. Увеличилась также и доля иностранных студентов среди всех студентов, обучающихся в высших учебных заведениях США: с 1% в 1949/50 учебном году почти до 6% в 2019/20 учебном году³. В университетах Лиги плюща доля иностранных студентов доходит до 15–16%⁴.

2. *Борьба за патентование.* Ключевые бизнес-стратегии сильно меняются. Уходит в прошлое представление о том, что богатство достигается путем прямых инвестиций, эксплуатации наемного труда и выжимания прибавочной стоимости. Творческий труд – дело слишком рискованное. Гораздо проще перехватывать то, что и так уже имеется в зачатке, и потом извлекать соответствующие «дары природы». Деятельность глобальных IT-корпораций часто сводится к борьбе за интеллектуальную ренту. Как только появляется какой-либо перспективный стартап, его тут же приобретают (словно право на разработку месторождения), чтобы извлечь из перспективной идеи сверхвыгоду. Это также выражается в повсеместных практиках «упреждающих слияний» (Стиглиц 2020: 94–95).

3. *«Безмерная» эксплуатация.* Непредсказуемость творческой деятельности способствует усилению эксплуатации, которая в буквальном смысле становится безмерной. Так как рабочее время вряд ли может быть мерилем творческого труда, основным условием вознаграждения становится решение той или иной задачи. А поскольку совсем не факт, что творческая задача может быть решена «точно в срок» каким-то конкретным коллективом, рабочий процесс выгодно превращать в конкурс, соревнование. Это один из факторов прекаризации: корпорациям часто не нужны штатные наемные работники⁵, так как творческая задача должна решаться как можно большим количеством людей. Труд всех при этом оплачивать совсем не

¹ URL: <https://www.alcorn.law/immigration/silicon-valley-home-to-one-of-largest-foreign-born-populations-in-us/>

² URL: <https://www.mercurynews.com/2018/01/17/h-1b-foreign-citizens-make-up-nearly-three-quarters-of-silicon-valley-tech-workforce-report-says/>

³ URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/international-students-united-states-2020#:~:text=International%20students%20also%20increased%20as,6%20percent%20in%202019%2D20.>

⁴ URL: <https://www.statista.com/statistics/941523/ivy-league-international-students-class/>

⁵ См., например, о ситуации с Google, где работают 121 000 «альтернативных» (контрактных и внештатных) сотрудников и только 102 000 постоянных:

обязательно: иногда «сеньорам» достаточно объявить сумму вознаграждения в случае победы и оплатить лишь долю совокупного труда. При этом и руководящих работников данная проблема тоже может затронуть. В таком случае в качестве суррогата показателя результативности творческого труда используется сверхурочная работа как *демонстрация усилий*. Как отмечает Д. Марковиц, «когда индивидуальные усилия влияют на групповое производство, но работодатели не могут напрямую измерить индивидуальную продуктивность, они используют долгие часы в качестве “заменителя”» (Markovits 2019: 190).

Таким образом, мы видим, что рост креативной экономики ведет не к коммунизму знаний, а к ослаблению переговорной силы наемных работников (если не считать исключительных, сверхценных сотрудников, коих единицы). Это не единственная, но, по всей видимости, одна из ключевых причин «архаизации» производственных отношений и социальной структуры, возвращения к ряду «надстроечных» принципов, которые были присущи докапиталистическим способам производства. Но можно ли войти в одну и ту же реку дважды?

Заключение. Популярность метафоры *неофеодализм* является признаком тревожных фундаментальных изменений в социальной структуре современного общества. Проблема очень глубока, ибо связана с тем, что «нематериальное производство», на которое возлагают большие надежды теоретики «коммунизма знаний», едва ли способствует всеобщей эмансипации и трансформации «когнитивного капитализма» в нечто *прогрессивное*. Креативная экономика действительно разрушает капитализм. Но складывающийся посткапитализм больше похож на то, что уже имело место на протяжении тысячелетий, когда ключевым источником экономических благ был не труд *per se*, а природа. Креативность не есть то, что можно легко продать капиталисту, а потом в случае чего использовать в качестве аргумента в экономическом или политическом торге. По сути, новых «сеньоров» интересует не столько *рабочая сила*, сколько *идеи* как конечные продукты того, что всегда остается вне зоны непосредственной видимости – где-то в *природной стихии*, рождающей гениев и талантливых людей. Поэтому конкурентные преимущества все реже достигаются путем широких инвестиций в «человеческий капитал» – для «сеньоров» они становятся слишком рискованными. Гораздо проще вложиться в отдельные «разведанные» идеи, «застолбить» их и извлекать интеллектуальную ренту. В свою очередь, проблему растущего сословия «лишних людей» всегда можно решить, зафиксировав их статус «подаванием» в виде безусловного дохода или чего-то подобного.

Тем не менее, в отличие от времен настоящего феодализма, альтернатива вероятна. В конце концов, теперь основной источник благ не внешняя, а «внутренняя» природа (например, врожденные таланты, свойственные

URL: <https://www.forbes.com/sites/jonyounger/2019/08/06/senators-heres-what-freelancers-at-google-and-elsewhere-really-want/?sh=3fdb804611b3>

самим людям как потенциальным субъектам творчества). К тому же нам, в отличие от далеких предков, прогресс в науке и технике позволяет раздвигать границы возможного. И здесь можно было бы вслед за Дж. Дин обратиться к идее коммунизма. Вот только *каким* должен быть этот коммунизм? Дж. Дин говорит о сильных наднациональных государственных образованиях, всеобщей эмансипации, уничтожении класса господ, упразднении частной собственности, экспроприации средств производства и коммуникации, транспорта и т.п. (Дин 2019: 111–112). Думается, для принципиальных изменений необходимо нечто большее: чтобы каждый рассматривался обществом как *потенциальный новатор, автор революционных идей* (откуда нам знать, в чьем уме может «возникнуть» новое великое научное открытие, гениальное произведение искусства и т.п.?), а также чтобы рядовые производители вновь стали главным источником экономического процветания, в том числе в силу того, что их творческая (и не только) деятельность воспроизводит комфортную для всех социальную среду. Разумеется, это не значит, что каждый в итоге *должен* будет стать новатором. Речь о том, чтобы у каждого были реальные *возможности* развивать свои природные таланты настолько, насколько их развивают самые востребованные творческие люди. Такой вариант будущего возможен только в том случае, если объединившееся человечество поставит перед собой цели, в реализации которых окажутся ценными (даже жизненно необходимыми!) *максимально реализованные* таланты (природные задатки) *всех без исключения*. В таком случае речь уже будет идти не только об эмансипации как таковой, а скорее о потребности во всеобщем и возрастающем *напряжении сил*, когда *не лишним* окажется даже самый скромный вклад каждого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бузгалин А.В. 2021. Что такое коммунизм? // Альтернативы. № 1. С. 182-188.
- Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. 2020. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 440 с.
- Горц А. 2010. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 208 с.
- Давыдов Д.А. 2020. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. Т. 20, № 2. С. 75-103. DOI: 10.24411/2686-7206-2020-10203.
- Дин Дж. 2019. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. Т. 29, № 1. С. 85-116. DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114.
- Катасонов В.Ю. 2020. Посткапитализм. От либеральной демократии к цифровому концлагерю. Москва : Книжный мир. 384 с.
- Кордонский С.Г. и др. 2012. Сословные компоненты в социальной структуре современной России / С.Г. Кордонский, Д.К. Дехант, О.А. Моляренко // Отечественные записки. Т. 46, № 1. С. 74-93.
- Корнилов М., Корнилов А. 2021. Новое в подходах к прекаризации умственного труда в условиях торжества неофеодального строя // Общество и экономика. № 3. С. 52-63. DOI: 10.31857/S020736760014259-3.

Лежава А. 2021. Новые крепостные. Неофеодализм и современное рабство. Москва : Рипол Классик. 384 с.

Мартьянов В.С. 2017. Доверие в современной России: между поздним модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 17, № 1. С. 61-82. DOI: 10.17506/ruip.2016.17.1.6182.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопросы философии. № 10. С. 58-68.

Мейсон П. 2016. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. Москва : Ад Маргинем. 416 с.

Пасквинелли М. 2012. Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты // Moscow Art Magazine : Художественный журнал. Вып. 85. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (дата обращения: 30.09.2021).

Сасскинд Д. 2021. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться. Москва : Индивидуум. 352 с.

Срничек Н., Уильямс А. 2019. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. Москва : Strelka Press. 336 с.

Стиглиц Дж. 2020. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. Москва : Альпина Паблишер. 430 с.

Уикхем К. 2020. Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации. Москва : Альпина Нон-фикшн. 536 с.

Фишман Л.Г. и др. 2019. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л.Г. Фишман, В.С. Мартьянов, Д.А. Давыдов. Москва : Издательство Высшей школы экономики. 416 с.

Фукуяма Ф. 2008. Великий разрыв. Москва : АСТ. 480 с.

Ahlstrom D. 2010. Innovation and Growth: How Business Contributes to Society // Academy of Management Perspectives. Vol. 24, № 3. P. 11-24. DOI 10.5465/amp.24.3.11.

Christophers B. 2020. Rentier Capitalism: Who Owns the Economy, and Who Pays for It? London ; New York : Verso. 512 p.

Crouch C. 2020. Post-Democracy After the Crises. Cambridge : Polity. 200 p.

Frank R.H. 2016. Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy. Princeton : Princeton Univ. Press. 200 p.

Frey C.B. 2019. The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation. Princeton : Princeton Univ. Press. 483 p.

Kotkin J. 2020. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. New York : Encounter Books. 288 p.

Littler J. 2017. Against Meritocracy: Culture, power and myths of mobility. London : Routledge. 236 p.

Markovits D. 2019. The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite. New York : Penguin Press. 448 p.

Mihályi P., Szelényi I. 2019. Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality The Top 20%. London : Palgrave Macmillan. 163 p.

Sandel M.J. 2020. The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good? New York : Farrar : Straus and Giroux. 288 p.

Vercellone C. 2013. The Becoming Rent of Profit // Knowledge Cultures. Vol. 1, № 2. P. 194-277.

Zuboff S. 2019. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London : Profile Books. 704 p.

References

- Ahlstrom D. Innovation and Growth: How Business Contributes to Society, *Academy of Management Perspectives*, 2010, vol. 24, no. 3, pp. 11-24. DOI 10.5465/amp.24.3.11.
- Buzgalin A.V. What is Communism?, *Alternatives*, 2021, no. 1, pp. 182-188. (in Russ.).
- Christophers B. *Rentier Capitalism: Who Owns the Economy, and Who Pays for It?*, London, New York, Verso, 2020, 512 p.
- Crouch C. *Post-Democracy After the Crises*, Cambridge, Polity, 2020, 200 p.
- Davydov D.A. Unfinished Discussion: an Attempt to Reconsider Principles of Allocating Socioeconomic Formations, *Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 75-103, DOI 10.24411/2686-7206-2020-10203. (in Russ.).
- Dean J. Communism or Neo-Feudalism?, *Logos*, vol. 29, no. 1, pp. 85-116, DOI 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114. (in Russ.).
- Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. *Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy*, Moscow, Izdatel'stvo Vysshey shkoly ekonomiki, 2019, 416 p. (in Russ.).
- Frank R.H. *Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2016, 200 p.
- Frey C.B. *The Technology Trap: Capital, Labor, and Power in the Age of Automation*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2019, 483 p.
- Fukuyama F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*, Moscow, AST, 2008, 480 p. (in Russ.).
- Gorz A. *The Immaterial: Knowledge, Value and Capital*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2010, 208 p. (in Russ.).
- Katasonov V.Yu. *Postcapitalism. From Liberal Democracy to Digital Concentration Camp*, Moscow, Knizhnyy mir, 2020, 384 p.
- Kordonsky S.G., Dehant D.K., Molyarenko O.A. Estate Components in the Social Structure of Modern Russia, *Otechestvennye zapiski*, 2012, vol. 46, no. 1, pp. 74-93. (in Russ.).
- Kornilov M., Kornilov A. The New Approaches to the Precarization of Intellectual Labour in the Context of Neofeudal Social Order Triumphant, *Society and Economics*, 2021, no. 3, pp. 52-63, DOI 10.31857/S020736760014259-3. (in Russ.).
- Kotkin J. *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*, New York, Encounter Books, 2020, 288 p.
- Lezhava A. *New Serfs. Neo-Feudalism and Modern Slavery*, Moscow, Ripol Klassik, 2021, 384 p.
- Littler J. *Against Meritocracy: Culture, power and myths of mobility*, London, Routledge, 2017, 236 p.
- Markovits D. *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*, New York, Penguin Press, 2019, 448 p.
- Martyanov V.S. Trust in Contemporary Russia: Between Late Modernity and new Estate Order?, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 61-82, DOI: 10.17506/ryipl.2016.17.1.6182. (in Russ.).
- Martyanov V.S., Fishman L.G. Ethics of Virtue for New Estates: Transformation of Political Morality in Modern Russia, *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68.
- Mason P. *Postcapitalism: A Guide to Our Future*, Moscow, Ad Marginem, 2016, 416 p. (in Russ.).

Mihályi P., Szelényi I. *Rent-Seekers, Profits, Wages and Inequality The Top 20%*, London, Palgrave Macmillan, 2019, 163 p.

Pasquinelli M. Digital Neofeudalism. Crisis of Network Politics and the New Topology of Rent, *Moscow Art Magazine*, 2012, iss. 85, available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (accessed September 30, 2021). (in Russ.).

Sandel M.J. *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?*, New York, Farrar, Straus and Giroux, 2020, 288 p.

Srnicek N., Williams A. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*, Moscow, Strelka Press, 2019, 336 p. (in Russ.).

Stiglitz J. *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent*, Moscow, Al'pina Publisher, 2020, 430 p. (in Russ.).

Susskind D. *A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*, Moscow, Individuum, 2021, 352 p. (in Russ.).

Van Parijs P., Vanderborght Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020. 440 p. (in Russ.).

Vercellone C. The Becoming Rent of Profit, *Knowledge Cultures*, 2013, vol. 1, no. 2, pp. 194-277.

Wickham C. *Medieval Europe*, Moscow, Al'pina Non-fikshn, 2020, 536 p. (in Russ.).

Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, London, Profile Books, 2019, 704 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Давыдов Дмитрий Александрович

кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-код: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Davydov

Candidate of political science, Senior researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-код: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Воскресенский Ф.А. Российская судебная система в свете публичной политики («политическое поле» versus «зона власти»). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_79 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 79–110.

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_79

Российская судебная система в свете публичной политики («политическое поле» versus «зона власти»)

Фёдор Александрович Воскресенский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

E-mail: voscresensky@mail.ru

*Поступила в редакцию 21.07.2021, поступила после рецензирования 01.10.2021,
принята к публикации 18.10.2021*

В статье описывается функционирование судебной власти как элемента политической системы современной России. Особенности деятельности судов проявляются через механизм судейского усмотрения, в рамках которого принимаются решения по делам. Автором выделяются две основные модели, используемые для объяснения поведения судей: на основе закона и на основании личных предпочтений. В российских условиях наиболее адекватным для объяснения поведения судей на основании личных предпочтений является стратегический подход, согласно которому судьи учитывают существующие институциональные и политические ограничения и руководствуются той структурой политических возможностей, которая сформирована данными ограничениями. Последние обусловлены «зоной власти», функцией которой является проецирование на подвластных предписаний, формируемых действующим политическим режимом, а также применение санкций за их нарушение. Такое построение российского политического пространства отводит судебной системе место не полноценной ветви власти, а, по сути, одного из исполнительных государственных институтов, осуществляющих отведенные ему функции в рамках единой государственной политики. Институциональные особенности судебной системы определяются универсальными бюрократическими характеристиками организации деятельности и управления, свойственными органам исполнительной власти. Нахождение в зоне власти значительно осложняет продвижение концепта публичной политики, так как нивелирует возможности горизонтальной кооперации, призванные к реализации принципом состязательности и равноправия сторон. В статье сделан вывод, что судебная система современной России в лице действующих судей отказалась от роли строителя правового поля в публичном политическом пространстве.

© Воскресенский Ф.А., 2021

Ключевые слова: судебная власть, политическая система, публичная политика, судебское усмотрение, «зона власти»

Russian Judicial System in the Light of Public Policy ("Political Field" versus "Zone of Power")

Fedor A. Voscresensky

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: voscresensky@mail.ru

Received 21.07.2021, revised 01.10.2021, accepted 18.10.2021

Abstract. The article describes the functioning of the Judiciary as an element of the political system of modern Russia. The characteristics of the activities of the courts are manifested through the mechanism of judicial discretion, within the framework of which decisions on cases are made. There are two main models used to explain the behavior of judges: based on the law and on the basis of personal preference. In Russian conditions, the most adequate way to explain the behavior of judges on the basis of personal preferences is a strategic approach. According to it judges take into account existing institutional and political restrictions and are guided by the structure of political opportunities that is formed by these restrictions. The latter are due to the "Zone of Power", the real function of which is to project onto the subject, the prescriptions formed by the current political regime, as well as the application of sanctions for their violation. Such a construction of the Russian political space gives the judicial system the place not of a full-fledged branch of power, but, in fact, of one of the executive state institutions that carry out the functions assigned to it within the framework of general policy. Its institutional characteristics are determined by the universal bureaucratic characteristics of the organization of activities and management, characteristic of the executive branch. Being in the "Zone of Power" significantly complicates the promotion of the concept of Public policy, since it levels the possibilities of horizontal cooperation, designed to be implemented by the principle of competition and equality of the parties. The article concluded that the Judicial system of modern Russia, represented by the acting judges, has abandoned the role of the builder of the field of law in the Public political space.

Keywords: Judicial power; political system; public policy; judicial discretion; power zone

For citation: Voscresensky F.A. Russian Judicial System in the Light of Public Policy ("Political Field" versus "Zone of Power"), *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 79-110. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_79.

Центральная задача судебного института – на основании норм права разрешать имеющиеся в обществе конфликты, примирять враждующие стороны. Исходя из этого, правосудие определяется как государственно-правовое явление, содержание которого обусловлено необходимостью разрешения конфликтных ситуаций в обществе посредством суда как особого механизма (Дикова 2018). Способы и механизмы разрешения конфликтов, а также роль при этом права – показатель уровня развития общества.

Отношение судов к конфликтам является многоплановым. Марк Галантер констатирует, что суды не только разрешают споры – они их предотвращают, провоцируют, делегируют и трансформируют, давая возможность провести переговоры и урегулировать вопросы «в тени закона» (Галантер 2014). В сложно устроенном человеческом обществе во многих случаях участники конфликта в состоянии найти более удовлетворительный способ его разрешения, чем могут им предложить профессиональные судьи, вынужденные применять общие правила на основе ограниченных знаний о подробностях конфликта (Eisenberg 1976; Dunlop 1975). Учитывая многообразие предпочтений и ситуаций по сравнению с малым количеством факторов, принимаемых в расчет согласно официальным правилам (Duncan 1973), и искажения смысла конфликта при переложении его на язык судебных нормативных категорий, можно предположить, что мало кто заинтересован в подчинении решениям, принятым в строгом соответствии с официальными нормативными правилами. Ричард Лемперт описывает разнообразные способы, за счет которых суды выполняют функцию урегулирования конфликтов, подчеркивая, что не только прямые судебные решения являются продуктом судебной деятельности (Lempert 1978). Здесь мы имеем дело с пространством публичной политики как сферой взаимных сделок и компромиссов, являющихся следствием поиска взаимоприемлемых решений. С этой точки зрения полноценная судебная власть выступает одним из ключевых институтов политического поля (П. Бурдые), выделяемого С.В. Патрушевым как идеально-типический конструкт, как пространство отношений политических акторов, характеризующее совокупностью постоянно воспроизводящихся правил, в соответствии с которыми осуществляется взаимодействие по поводу значимых проблем в рамках наличного и альтернативного проектов, целей и стратегических решений для общества (Недяк и др. 2020). Выработываемые в политическом поле общие цели, ценности, нормы как продукт согласования воли становятся основой социальной интеграции и легитимации социального порядка. Учитывая, что универсализация норм политического взаимодействия в форме законов является условием конструирования и функционирования такого поля в политическом государстве (Недяк и др. 2020: 43), судебная власть берет эту функцию на себя.

Так как каждый судья сознательно формулирует для себя судебскую политику разрешения дел различной категории сложности, определяет ход дел в обществе (Bell 1983: 247) и распределение ресурсов (Miller, Schefflin 1967: 273-274), фактически его деятельность по судебному разрешению споров является политической (Shapiro 1962: 175). Эта политика в качестве основных включает в себя нормативные, институциональные и межинституциональные соображения и представляет собой сумму концепций этого судьи о том, как он будет осуществлять свое усмотрение в рассматриваемых им делах. Эти соображения носят как формальный, так и неформальный характер и служат основными стандартами для определения судебного усмотрения в рамках разумности, а также выражением политического самосознания судей. От них же зависит степень воспроизводства публичной

политики судьями, нахождение их в пространстве политического поля. Вынесение процессуального решения является центральным, но отнюдь не единственным связующим звеном между судами и конфликтами. Тем не менее в своей политической оценке мы ориентируемся на него как на письменную манифестацию воли судей и основной формальный механизм функционирования судебной власти в публичной политике. Судейская воля реализуется посредством судейского усмотрения, из которого в дальнейшем произрастают все решения конкретного судьи. Именно для претворения судейского усмотрения в жизнь и нужен институт суда (MacCormick 1974).

Председатель Верховного суда Израиля Аарон Барак высказывает достаточно парадоксальную мысль, что доктрина вынесения судебных решений и юриспруденция как доктрина права – две разные вещи, хотя и тесно связанные (Барак 1999: 3). На этом парадоксе построено функционирование судов как политических акторов. Так как существует достаточно много судебных дел, когда судья по своему усмотрению выбирает между несколькими линиями поведения, из которых все законны, следовательно каждая правовая проблема не имеет только одного законного решения. В такой ситуации выбор судьи, хоть и сделанный в нормативных рамках, всегда носит политический характер. Поэтому А. Барак определяет судейскую политику как сознательное формулирование соображений, согласно которым судья делает выбор между различными соответствующими праву альтернативами, открытыми перед ним в трудных делах (Барак 1999: 294-295).

Наличность нескольких соответствующих закону, но при этом альтернативных по сути обоснований разных решений по одному и тому же делу делает судейское усмотрение центральным элементом, характеризующим судей как политических акторов и дает нам основание оценивать суд не столько как юридического аргументатора, а скорее как институт власти, спустившийся на арену публичных дебатов. Официальная подача иска, как входящее требование к системе, запускает механизм потенциальной публичности, реализация которой зависит от усмотрения суда. Именно усмотрение суда в первую очередь определяет, на каких условиях и в каком порядке суд использует свою власть, скрывая вариативность применения последней за толкованием закона.

Институционализируемая система судебной власти выдвигает на первый план систему отношений, в рамках которых некоторые виды обещаний и обязательств, навязанных или взятых добровольно, например в соответствии с договором, рассматриваются как подлежащие исполнению. Такая власть является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимированных значимостью последних для целей коллектива и допускающих возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции (Парсонс 2003: 895). Принцип равенства граждан перед судом призван способствовать справедливости при использовании властного судебного принуждения. Р.А. Даль, разрабатывая концепцию полиархии, под-

черкивал, что право не может быть лишь абстрактным и теоретическим, подобно большинству прав в советской Конституции. Право должно быть закреплено не только в законодательном, но и в судебном порядке (Даль 2003: 900).

Отнесение судебного института к одной из ветвей государственной власти, его значимость и высокий уровень ответственности требуют от судей обладания такими качествами, как самостоятельность, независимость, объективность, справедливость и профессионализм. Их реализация необходима, так как с точки зрения политической динамики любое судебное решение может быть использовано как оружие в борьбе политических сил, и в первую очередь самой мощной политической силой государства – действующей политической властью. Роль судьи не будет реализована, если он не будет проверять на соответствие праву действия других политических акторов (прежде всего исполнительной власти)¹. В этом и заключается политическая деятельность по судебному разрешению споров (Griffith 1986), которая в своем должном качестве выступает институциональным эквивалентом общей публичной политики государства.

Степень преломления указанных судейских качеств в объяснении действительных мотивов поведения судей и связь этих мотивов с судейским усмотрением являются предметом исследования изучающих суды политологов. Наибольшую глубину и широту демонстрируют исследования, проведенные американскими политологами и правоведами. В России же на судейское усмотрение обращают внимание, пожалуй, только юристы (Папкова 2005; Абушенко 2002; Ермакова 2010). Например, К.П. Ермакова определяет его как властную деятельность суда по осуществлению правосудия, состоящую в использовании интеллектуально-волевого механизма, позволяющего суду произвести выбор варианта решения юридического дела (Ермакова 2010: 8). В целом же его юридические трактовки так или иначе вращаются вокруг нормативно закрепленного внутреннего усмотрения судей.

Исследователи выделяют две основные модели, используемые для объяснения поведения судей. В первой судьи опираются на закон, во второй – на свои личные убеждения. По мнению Лоуренса Баума, наиболее важной их характеристикой является то, что они исходят из предположения, что судьи заинтересованы в формировании хорошей правовой политики, будь то хороший закон, хорошая политика или сочетание того и другого (Баум 2014). Рассмотрим данные модели подробнее, так как в своей совокупности они определяют судейское усмотрение, а следовательно степень формирования судами политического поля в рамках концепта публичной политики.

Принятие решений на основе закона. Традиционная юридическая модель. Фактически она сформировалась после появления писаного права и выделения судей как особого социального слоя, профессионально занимающегося судебной деятельностью. Эта тенденция восторжествовала в XIX в., когда в подавляющем большинстве государств романо-германской

¹ См.: H.C. 428/86. Barzilai v. State of Israel, 40 P.D. (3) 505. In the Supreme Court State of Israel sitting as the High Court of Justice [6 August 1986].

правовой семьи были приняты кодексы и писанные конституции, и еще более укрепилась в современную эпоху прежде всего благодаря значительному расширению роли государства практически во всех областях жизни общества (Марченко 2009: 247). Эта модель базируется на нормативной предпосылке, что судьи должны заниматься правильным применением и интерпретацией закона, исходящего от высшей власти в государстве. Основанная таким образом на принципе законности (*law-based model*), она подразумевает, что судьи, принимая решение по собственному усмотрению, сделают все возможное, чтобы придерживаться правовых норм. Непредвзятость и независимость судей необходимы, поскольку их защита от внешнего влияния приведет к верховенству закона. Именно такое традиционное представление в основном распространено в мире, особенно в странах континентальной правовой традиции, в том числе в РФ, где закреплено в присяге судьи и Конституции. В целом в нашей стране продолжает господствовать советская парадигма, выработанная в рамках юридической науки, согласно которой государство является непосредственным актором создания правовых установлений и главной силой их осуществления (Алексеев 1981: 169). Следовательно, по общему правилу применение усмотрения судьей устанавливается государством (Папкова 2005: 43).

Принятие решений на основе предпочтений. Вторая модель, возникшая как антитеза первой и широко распространившаяся в XX в., с политологической точки зрения значительно интереснее. В качестве главной предпосылки в ней выступает представление, что судебская политика определяется почти исключительно ценностными установками и предпочтениями самих судей. В первую очередь они действуют на основе своих представлений о хорошей политике (или, другими словами, исходя из своих политических предпочтений). Эта модель зародилась с появлением социологической теории права, поставившей представления традиционной юридической модели под большое сомнение. Ее основоположником стал О. Эрлих, разрабатывавший концепцию «живого права» (в противовес праву «в книгах») и подчеркивавший, что судебное решение является не столько отражением закона, сколько отражением общества, в котором это решение принято. Возникнув в Европе, в дальнейшем данная теория перекочевала в Соединенные Штаты Америки, где получила свое основное развитие и научное осмысление. Сначала судья Верховного суда США Оливер Холмс показал, что судьи не применяют право, а «приспосабливают» его к своим внеправовым представлениям, укорененным в обществе. Роско Паунд (Pound 1942; Pound 1959) и Карл Ллевеллин (Llewellyn 1962), развивая эти идеи, рассматривали суды как часть общества и системы властных отношений. Данные правовые и политические воззрения оформились в движение правового реализма (*legal realism movement*) 1920–1950-х гг., показавшее, что судьи испытывают на себе влияние собственного образования, воспитания, амбиций, жизненного опыта и ценностей в той же мере, что и все остальные люди. Сторонники этого движения называли себя реалистами, так как утверждали, что в реальности результат судебного процесса имеет весьма опосредованное отношение к действующим законам. Именно идеи

реалистов в последующие годы дали базис для политологов, развивавших концепции о роли судей в политической системе государства.

Весьма влиятельные ученые стали приверженцами так называемой отношенческой, или аттитюдной, модели. Герман Притчетт, развивавший свою неформальную теорию поведения судей, был основным представителем первого поколения этого направления, хотя частично принимал во внимание и правовые соображения (Pritchett 1954). Позже Гарольд Шпет (Spaeth 1979) и Глендон Шуберт (Schubert 1965) выдвинули более четко сформулированные теоретические предпосылки, основанные на теории аттитюдов (установок) в психологии. В их теоретических и эмпирических работах установки (аттитюды) по отношению к альтернативным политическим точкам зрения ответственны за все (или практически за все), что делают судьи Верховного суда США. Именно опора на установки судей, их изучение является основным отличительным признаком этой модели. Гарольд Спаэт и его соавторы (сначала Дэвид Род, а затем Джеффри Сигал) утверждают, что закон функционально нерелевантен для судей, которые принимают решения, рассматривая факты дела в свете собственных идеологических позиций и ценностей (Segal, Spaeth 2002; Spaeth, Segal 1999). Исследуя устройство и практику Верховного суда США, они приходят к выводу, что его институциональные особенности предоставляют судьям достаточно свободы для того, чтобы рассматривать дела, основываясь на политических установках. Критики указывали на нерелевантность обобщений, сделанных для всей судебной системы только по результатам исследования Верховного суда. Сам по себе он слишком уникальное явление в политической системе, говорили они. Поэтому отношенческая модель стала применяться и к судам более низкой юрисдикции, в частности к федеральным апелляционным судам и верховным судам штатов, на которые чаще, чем на другие суды низшей юрисдикции обращали внимание политологи.

Применительно к политической системе современной России мы согласны с И.С. Григорьевым, что «аттитюдная модель» судейского поведения, согласно которой судьи в своей деятельности руководствуются главным образом собственными предпочтениями и ценностными установками и действуют без оглядки на имеющиеся политические ограничения, не может адекватно применяться без дополнительных оговорок о наличии институтов, обеспечивающих независимость судей и позволяющих им руководствоваться лишь собственными предпочтениями. Когда таких институтов нет или они несовершенны, независимость судей не может по умолчанию приниматься за данность (Григорьев 2017: 15).

Вторая группа ученых, иногда называемая неоинституционалистами (Gillman, Clayton 1999a), использует отношенческую модель в качестве отправной точки. Часто подход этих ученых называют стратегическим. Развивая теорию аттитюдов, они отмечают, что судьи испытывают влияние не только собственных политических убеждений, но и других факторов. Некоторые исследователи утверждают, что судьи, принимая решения по делам, вынуждены учитывать то, как отнесутся к тому или иному решению правоведа и правительство (Epstein, Knight 1998). Другие указывают,

что судьи подвергаются воздействию исторической, правовой и политической культуры, ограничивающей набор ценностей (Gillman, Clayton 1999b; Smith 1988). Третьи отмечают, что на судей влияет их разнородная аудитория: коллеги, адвокаты, представители СМИ, правоведы, избиратели и т.д. (Baum 2006).

По мнению Лоренса Баума (Баум 2014), исследователи поведения судей вкладывают разный смысл в понятие «стратегический». Наиболее частое использование этого понятия связано с намерениями судей. В этом контексте стратегически мыслящий судья стремится к достижению желаемого результата своих действий, принимая во внимание возможную реакцию других людей на эти действия. В исходном виде модели, основанной на установках, когда судьи отдают голоса за тот или иной исход дела, они не действуют стратегически, а просто занимают позицию, наилучшим образом отражающую их политические предпочтения, независимо от того, как другие могут реагировать на их действия. В стратегических моделях, напротив, судьи могут отклоняться от предпочитаемой позиции, если это позволит им достичь лучшего результата в будущем. Акцент смещается с дихотомического голосования по делу как зависимой переменной к доктринальной позиции на широком спектре идеологий. Например, судья, ориентированный на право, может использовать стратегию для того, чтобы реализовать свою концепцию хорошего права. Судья-либерал или консерватор продвигает соответствующие ценности в решениях, при этом действуя с оглядкой, как его решения будут восприняты. Судья также может действовать стратегически для того, чтобы реализовать множество иных целей, часто балансируя между ними: хороший закон и хорошая политика, хорошая политика и сохранение пребывания в должности, отношения с другими политическими акторами и т.д.

Дальнейшее развитие этого направления шло по пути широкого привлечения эмпирических данных и происходило, во-первых, за счет расширения объекта исследования посредством включения данных из федеральных окружных и апелляционных судов, во-вторых, за счет повышения внимания к организационному контексту и устоявшимся когнитивным схемам обоснования позиции при принятии решений и, в-третьих, за счет более сложной системы мотивов, приписываемых судьям, и соответственно, более разнообразных гипотез, подлежащих проверке (Maveety 2002). С точки зрения институционального подхода, писал Джеймс Гибсон, «решения судей являются функцией того, что они бы хотели сделать, ограниченное тем, что, они считают, они должны делать, при этом находящегося в рамках воспринимаемого ими допустимого поведения» (Gibson 1986; 150)¹.

Весьма влиятельным в исследовании судебного поведения стало приращение теории рационального выбора, то есть экономического подхода, рассматривающего судей как рациональных индивидов, максимизирующих полезность в рамках определенных институциональных ограничений.

¹Здесь и далее перевод наш. – Ф.В.

Сторонником рационального выбора был Ричард Познер, по мнению которого данный подход является самой передовой областью междисциплинарных правовых исследований (Познер 2017: 37). Суть его достаточно проста и сводится к уверенности в том, что люди рациональны в своих социальных взаимодействиях и стремятся максимизировать результат исходя из сознательно устанавливаемых ими целей.

Если говорить в общем, то приверженцы модели аттитюдов описывают суть принятия судебного решения как опирающегося на предпочтение, вытекающие из личных ценностей, а неонституционалисты – как опирающегося на предпочтение, обусловленное как ценностями, так и дополнительными факторами (стратегическое мышление, культурные или исторические нормы, аудитория, на которую судья старается произвести впечатление, и т.д.). Тем самым поведение судей и политика судов задаются внешними и внутренними институциональными ограничениями, в системе которых им приходится функционировать (Epstein et al. 2013). В любом случае исход судебных дел скорее объясняется именно предпочтениями судей, а не их приверженностью букве закона.

Хотя эти две модели базируются на разных основаниях (закон или личные предпочтения), противопоставлять их друг другу не стоит. Каждая из них обращает внимание на одну из сторон той же медали. Говорить, что закон совершенно не имеет отношения к судьям, как это делают некоторые политологи, значит заикливаться на весьма мизерном количестве дел, имеющих ярко выраженный политический контекст, и не обращать внимание на миллионы других, шаблонное решение по которым без опоры на закон представить себе невозможно. Этот упрек часто адресуют юристы своим коллегам, специализирующимся на Political Science, получая в ответ не менее справедливое замечание об опасности слишком серьезного отношения к закону. Применительно к России последний фактор чрезвычайно важен, учитывая упорство представителей российской судебной системы и части ученого сообщества в отстаивании и популяризации представления о том, что принятие судебных решений основывается только на законе. В этом проявляется «бегство от реальности», которое, как установил И. Шапиро (Шапиро 2011), достаточно часто встречается в гуманитарных науках, и это бегство неблагоприятно для самой реальности. В российских условиях такой отрыв от реальности приводит к двум выделенным Шапиро негативным последствиям. Во-первых, он маргинализует возможные эффекты политической и социальной критики, отдавая на откуп юристам пространство экспертных оценок и, следовательно, рычаги воздействия на функционирование судов. Это в лучшем случае. Во-вторых, что значительно хуже, бегство от реальности непреднамеренно вносит свой вклад в укрепление деспотических общественных отношений (Шапиро 2011: 26). С предположением Шапиро о непреднамеренности мы можем и поспорить, так как зачастую в российских условиях, исследователи вполне осознают указанные последствия своих решений, следовательно действуют умышленно. Барри Фридман писал: «Вероятнее всего, следует согласиться, что и личные установки, и закон играют свою роль, – вопрос в том, в какой степени закон

ограничивает их влияние. Иными словами, вопрос не столько в том, играет ли закон какую-либо роль, а в том, какую роль он играет» (Friedman 2006: 264; см. также об этом: Bunrban, Friedman 2002).

Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, лежит в пространстве усмотрения судей, обусловленного институциональной матрицей судебной власти в политической системе современной России. Как принадлежность любой публичной политической организации, эта матрица определяется характеристиками общей публичной политики государства. Последняя формируется в пространстве взаимодействия государства и гражданского общества, в пространстве политической системы, где институциональные механизмы общественной власти проецируются во власть государственную, тем самым создавая общегражданские основания для принятия решений, формируя позиции управляющих и управляемых.

Важным аспектом является публичный характер судопроизводства. Открытость и гласность судебных процессов представляют собой элемент публичной политики, позволяя выразить позиции сторон по делу в состязательной процедуре, которая, как публичная коммуникация, продуцирует поиск приемлемых для всех решений коллективных проблем, конструируя разделяемое всеми понимание общего блага. Г.В. Пушкарева подчеркивает, что только обмен информацией позволяет людям согласовывать свои представления о нормах и правилах взаимодействий, понимать социальные различия и особенности своего положения в системе политических отношений (Пушкарева 2012). Вынос имеющего место конфликта в публичный процесс с четко процессуально обозначенными правилами его разрешения – показатель политической состоятельности общества, которая характеризуется осуществляющейся в публичном пространстве коммуникацией между гражданами, в ходе которой путем диалога, дискуссий, переговоров идет поиск приемлемых для всех путей решения коллективных проблем, урегулирования имеющихся конфликтов. Основными принципами такой делиберации являются публичность, инклюзивность, диалогичность, высокий уровень рационализации, формальное и фактическое равноправие граждан (Патрушев, Филиппова 2018: 81). Суд, если он выступает в качестве посредника, устроен горизонтально, будучи площадкой, обеспечивающей процессуальную кооперацию в целях поиска справедливости при конфликтных ситуациях.

Особое место судебной власти в системе разделения властей обусловлено тем, что она в определенном смысле является властью полугосударственной: она хоть и входит в триаду государственной власти, однако в случае конфликта интересов государства и личности ориентируется на защиту последней, соотнося это с общественным благом. Степень действительности характеристик делиберации напрямую зависит от степени независимости суда, его неподконтрольности сторонам по делу. Судебная система играет ключевую роль в осуществлении основных принципов и способов минимизации социальных отношений господства (зоны власти). К этим принципам и способам относят: законоправие; правовой конституционализм; институциональное обеспечение и поощрение электорально-контестаторной

активности граждан; поддержание республиканского «общего мира» как места бытования эгалитарного общего блага свободы от господства, вовлечение граждан в де-libерацию; формирование морального порядка свободы от господства как регулятора общественных отношений; упрочение общего знания о его соответствующих нормах; интериоризацию идеала свободы от господства как условие и элемент политики с ненулевым результатом (Недяк и др. 2020).

Современная российская политическая система сформировалась по модели авторитарного неопатримониального политического режима с жестко выстроенной иерархией властного подчинения, основанного и возглавляемого правящей группировкой, участие в которой кооптировано по правилам личной преданности и сходных мировоззренческих идеологических установок. Наличие устойчивых идеологем – характерная черта нашего государства, исторически сложившегося и функционирующего как идеократия. В настоящее время центральными элементами идейного базиса, продуцируемого правящей коалицией и составляющего мировоззренческую платформу отношений власти, являются исключительность (богоизбранность) российского народа и государства, психология «осажденной крепости» (другие страны – враги), правопреемство советского государства и права, консерватизм, а также патриархальный директивный характер власти («народ безмолвствует»). Эти черты влияют на всю политическую систему, включая судебную власть, формируя ее публично-правовую повестку и трансформируя под политический режим изложенные выше характеристики и научные подходы к судейскому усмотрению. Сюда же относится концепт самостоятельности и независимости судей. В современной России не сформировано институционализированное политическое поле – вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти (Патрушев, Филиппова. 2018: 81). Исследователи выделяют следующие основные характеристики зоны власти: 1) формируется кликами, которые складываются на социетальном (межличностном) уровне и в процессе иерархизации переносят неформальные нормы и практики на социетальный уровень, на уровень потенциального бытования политики; 2) обеспечивает неполитическое господство преимущественно с помощью манипулирования желаниями людей, денег, пропаганды и силы, произвола при слабом использовании закона и общественного мнения, обходясь «понятиями», – так жители России понимают действия существующей власти; 3) акторы зоны власти не являются политическими, зачастую не обладают выраженной и четкой идеологией и, по существу, не имеют политической идентичности, замещая ее лояльностью к принципам кликовой организации. Лояльность и личные связи определяют доступ в зону власти. Обладая этими характеристиками, зона власти блокирует массовое вовлечение граждан в политические практики, вытесняя институты политического представительства механизмами исключения на основе доминирования принципа лояльности. Универсальные нормы (правопорядок) подменяются ситуативными договоренностями, а принятие политических решений – администрированием (Патрушев, Филиппова 2018: 80). Формирование государственной

политики и управления в пространстве соотношения клик (Тощенко 1999), кланов, сетевых структур, патрон-клиентских отношений, клиентел, приводит к тому, что власть действует в этой зоне не ради общего блага, а ради реализации и достижения личных или узкогрупповых, корпоративных целей. Сплоченность внутри государственных институтов базируется на корпоративном сознании, групповых, а не общественных интересах. Как было отмечено Н.В. Пасечником в ходе политологического исследования судебной власти еще в 2005 г., в России не преодолена традиция клиентелизма, когда отдельные ведомства ставят во главу угла корпоративные и частные интересы, мало заботясь об общественном благе (Пасечник 2005: 19).

При такой модели построения политической системы суды занимают в ней место не полноценной судебной власти, а, по сути, одного из исполнительных государственных институтов, выполняющего определенные функции в рамках единой государственной политики. Вынесение судебных решений приравнено к администрированию общественных интеракций. Институциональные характеристики судов определяются универсальными бюрократическими характеристиками организации деятельности и управления, заложенными еще в советский период. В советской системе судов вышестоящие инстанции, которые были призваны защищать права сторон по делу, на практике занимались по преимуществу бюрократическим контролем показателей и устранением бюрократических ошибок (путаница в фамилиях подсудимых, номерах статей кодексов и т.д.).

Path dependence во многом объясняется наличием доминирующих подсистем, нацеленных на воспроизводство существующих коллективных моделей поведения. Такой доминирующей подсистемой является, например, субинститут надзора, также унаследованный с советского периода. Отсутствие права вышестоящей инстанции вмешиваться в принятые судьями решения в отсутствие обращений, апелляционных или кассационных жалоб сторон по делу является одним из краеугольных камней независимости судебной власти, ее отличия от власти исполнительной. Мировая судебно-правовая мысль сформировала классические каноны институциональных возможностей исправления судебных ошибок: апелляция и кассация. Впоследствии к ним добавляется пересмотр дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Классическим является осознание, что использовать данные правовые средства могут только стороны по делу, которые не согласны с принятым судом решением. Они имеют право на обращение в вышестоящую судебную инстанцию с просьбой отменить или изменить принятый судебный акт. Советский период подарил нашей судебной системе институт надзора, предоставляющий возможность вышестоящим судебным инстанциям по собственной инициативе проверять решения судей, при желании изменять и отменять их. Такая институция является порождением недоверчивого отношения к решениям судей, причем недоверия именно как к подвластным субъектам правоприменения, призванным к самостоятельному несению политической ответственности за принятые решения. Парадигма недоверия к нижестоящим звеньям судебной системы со стороны высшего суда государства закономерно требует наличия политико-

правовых механизмов отмены и корректировки судебных решений по делу. Основная функция института надзора – руководство деятельностью нижестоящих судов. «В ее основе лежит право вышестоящей инстанции давать обязательные для исполнения указания нижестоящим судам» (Кашепов 2017). Здесь мы имеем дело с принципами управления, характерными для исполнительной власти. В советский период в связи с отказом от принципа разделения властей произошел отказ и от сущностного понимания, что представительными и судебными органами нельзя управлять так же, как управляют органами исполнительными. Речь идет не о технических различиях. Сама идея руководства судами со стороны вышестоящей инстанции сродни идее руководства председателем представительного органа депутатами или руководства парламентом страны представительными органами ее субъектов. Весьма популярные в российской действительности, данные подходы являются результатом практики тотального контроля государства над всеми сферами жизнедеятельности общества и несовместимы с принципами независимости и самостоятельности судебной власти. Учитывая пороки дисциплинарной практики в отношении судей (Пашин 2014), становится понятно, что «торжество страха и произвола»¹, отмеченное международной комиссией юристов в российской судебной системе, можно не относить к преувеличению. Ситуация с надзором за судами начала меняться в лучшую сторону сравнительно недавно, после вмешательства Европейского суда по правам человека, указывающего на отсутствие правовой определенности принимаемых судом актов, которые пересматривались или отменялись в надзорной инстанции в течение неопределенного времени, причем по инициативе лиц, не являющихся сторонами по делу (Морщакова 2012: 64–93). Правосудие по своему определению представляет собой разбирательство в суде. Разные уровни (первая инстанция, апелляция, кассация) судебных инстанций отражают качественные отличия этого разбирательства. В советский период проверочные вышестоящие инстанции выстраивались как ведомственный контроль, а не как повторение судебного разбирательства на качественно ином уровне. Отсюда упор на «ревизию», отражающую суть работы проверочных инстанций. Произошло смешение сугубо административных отношений и процессуальных норм. Усмотрение вышестоящего судьи, как и вышестоящего должностного лица в бюрократической иерархии, оказывается сильнее и значимее состоявшейся судебной процедуры.

Публичная политика существует и в авторитарных режимах. Вопрос в ее пределах. Они проистекают из понимания концепции прав человека, так как ключевым признаком политики считается институциональное обеспечение прав и возможностей граждан защититься от беззакония, контролировать и оспаривать действия власти. Суд выполняет функцию «горизонтализации» отношений между гражданами и институтами власти

¹ Состояние судебной системы в России: доклад исследовательской миссии по судебной реформе в Российскую Федерацию 20–24 июня 2010 г. Женева, Швейцария, 2010. 43 с. URL: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2012/05/Russia-indepjudiciary-report-2010-rus.pdf> (дата обращения: 17.08.2020).

и реализует возможность действенного контроля граждан над властью (Сатаров 2010). Возможность защититься от произвола относится в первую очередь к самим судьям. Парадигма *self-well being* важна для судей. В случае надлежащей реализации она позволяет им чувствовать себя самодостаточными независимыми акторами, способными при осуществлении судебного усмотрения руководствоваться категориями справедливости, добро совестности, разумности, целесообразности и нравственности. Проблема давления на судей является достаточно деликатной, чаще всего скрытой от широкой общественности. Тем не менее даже в таких условиях периодически в медийное пространство попадают публичные заявления судей о незаконном давлении на них с целью склонить к вынесению тех или иных решений. Такие факты в пространство публичной политики неоднократно выносили руководители системы арбитражных судов (Антон Иванов¹ и Василий Витрянский) (Алексащенко 2019: 181), судья Мосгорсуда Ольга Кудешкина². Первый заместитель председателя Высшего арбитражного суда Елена Валявина³ указывала конкретных лиц в Администрации Президента РФ, попирающих краеугольный принцип самостоятельности и независимости судей. Оглушительный эффект произвело интервью судьи Конституционного суда Владимира Ярославцева испанской газете «El País» под заголовком «В России правят органы безопасности, как в советские времена» от 31 августа 2009 г.⁴, в котором он заявил, что судебная власть в России стала инструментом власти исполнительной⁵. «Я чувствую, что оказался на руинах правосудия», – сказал В. Ярославцев. Позицию коллеги поддержал другой судья Конституционного суда Василий Кононов⁶ в интервью «Собеседнику»⁷. Международная комиссия юри-

¹ Интервью председателя ВАС А. Иванова. Итоги работы Высшего Арбитражного суда РФ за 2009 год и стратегия развития арбитражной системы РФ // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». 25.11.2009. URL: <http://www.garant.ru/interview/213610/> (дата обращения: 17.08.2020).

² См.: Открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину бывшей судьи Мосгорсуда О. Кудешкиной от 9 марта 2005 г. Москва. Эпицентр. 2005.

³ Суд публично признал давление сверху. Руководство российской судебной системы впервые признало факт давления на суд со стороны Администрации Президента РФ. Об этом сообщила первый заместитель председателя ВАС Елена Валявина. 13 мая 2008 г. URL: <https://iq.hse.ru/news/177681279.html> (дата обращения: 12.10.2020).

⁴ Pilar Bonet “En Rusia mandan los órganos de seguridad, como en la época soviética”. URL: http://elpais.com/diario/2009/08/31/internacional/1251669606_850215.html (дата обращения: 05.12.2020).

⁵ Судья КС России, критиковавший Кремль, уходит в отставку // BBC News. Русская служба. 2009. 2 дек. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2009/12/091202_ks_dismissal (дата обращения: 02.12.2020).

⁶ Данный судья Конституционного суда РФ более 50 раз высказывал свое особое мнение, не согласное с решением остальных судей.

⁷ Налбандян Л. Судья Кононов: «Независимых судей в России нет». URL: <https://sobesednik.ru/interview/kononov-sb-41-09> (дата обращения: 05.12.2020).

стов¹, проводившая с 20 по 24 июня 2010 г. исследовательскую миссию в г. Москве, указывает, что, по мнению некоторых российских экспертов, изнутри судебная система подвержена влиянию двух сил: страха и произвола. «Хотя такая оценка и могла показаться участникам миссии преувеличением, в той или иной степени ее разделяет большинство независимых экспертов, адвокатов, представителей неправительственных организаций и бывших работников самой системы – судей в отставке, – с которыми встречалась миссия. Соответственно, крайне низка степень общественного доверия судам»². Российские эксперты и судьи считают прописной истиной тот факт, что справедливости от системы правосудия добиться невозможно, и крайне пессимистично настроены относительно какой-либо возможности коренной реформы в этой области³. Такие оценки – следствие глубокой неудовлетворенности части судейского корпуса состоянием судебной системы. Такие судьи, как правило, выдавливаются системой, поскольку не разделяют общую культуру ее бюрократического функционирования, возникшую в результате целенаправленной деятельности правящего режима по формированию лояльного власти судейского корпуса. В период 2000–2020 гг. сложилась модель российского правосудия, где судья – это скорее юрист-профессионал, а не публичная фигура, а суд – часть единого государственного аппарата. По сути, в ходе административных реформ начала 2000-х гг. возник новый социальный контракт, в соответствии с которым судьи стали полноправными участниками государственной корпорации. Лояльность своей корпорации обеспечивается солидными социальными гарантиями и оформляется административными регламентами (выстроилась система переподготовки, развилась система внутренних классовых чинов).

Для бюрократического администрирования характерны непубличные, неформальные механизмы принятия решений, так как степень влияния государства чрезвычайно высока, а следовательно, распространены полутеневые связи и велика степень их влияния на политический процесс. Как было установлено Блау, институты официального регулирования сами по себе становятся местом применения неписаных норм, то есть неформальных правил деятельности государственных правоохранительных органов, которые определяют, какие официальные правила применяются и в какой мере (Blau 1963). Особенность бюрократического построения и функционирования судебной системы состоит в наличии в ней, как и в политической системе в целом, особого подпространства – «режима регулирования», зоны окончательного преобразования институциональных форм государственной власти в фактическую власть доминирующих (монопольных) сетей, отвечающих за разработку государственных решений и фактическое распределение (перераспределение) общественных ресурсов (Соловьёв 2015: 137–139). Такой режим регулирования является самой закрытой

¹ МКЮ обладает консультативным статусом в Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС), ЮНЕСКО, Совете Европы и Африканском союзе.

² Состояние судебной системы в России.

³ Там же.

зоной из всех пространств политического процесса, поскольку он выведен не только из области публичной политики, но и за рамки существующего нормативно-правового института суда.

В рамках зоны власти основная функция суда – администрирование, осуществляемое посредством непрерывной генерации исполнительных решений. В российских судах, особенно в нижестоящих инстанциях, преобладает конвейерный способ рассмотрения дел. Для оценки эффективности работы судей используется два ключевых индикатора, которые имеют краткосрочное (через систему премирования) и долгосрочное (перспективы карьерного роста) влияние на судей. Первый индикатор – это доля дел, рассмотренных в установленные сроки. Судей побуждают к устранению задолженностей по рассмотрению дел и ускорению судопроизводства. Второй ключевой индикатор – «показатель стабильности судебных решений». Он рассчитывается как доля дел, решения по которым не были отменены, к общему количеству рассмотренных или обжалованных дел. Эта система оценки заставляет судей работать быстрее, стремиться к единообразию в принятии решений, следовать рекомендациям областных судов (которые являются апелляционной инстанцией для районных судов) и Верховного суда РФ. Целью деятельности становится вынесение такого решения, которое «устроит» вышестоящий суд и не будет отменено, следовательно приоритет среди кандидатов на роль судьи будет отдан исполнительному, предсказуемому бюрократу. Источники пополнения судебного судейского корпуса в основном представлены кандидатами, выросшими внутри судебной системы (секретари, помощники) либо в исполнительных по своему характеру структурах (прокуратура, органы следствия) (Волков 2015).

Являясь проводником и инструментом реализации власти, бюрократия закономерно действует в рамках «поля власти» как пространства силовых отношений между агентами и институциями (Бурдые 2005: 369), гипертрофии императивных матриц поведения. С.В. Патрушев называет такое пространство зоной власти, Бурдые – полем власти, И. Шапиро именуется его «господством», противопоставляя «не-господству» (Шапиро 2012), как краеугольному камню справедливости, которая составляет существо правосудия (Justice). Следовательно, присутствие господства изрядно умаляет справедливость, ограничивая судебскую самостоятельность. Проведенный Институтом проблем правоприменения социологический анализ судебской профессии показал, что набор судей из аппарата предсказуемо привносит в профессиональную культуру нормы и ориентации, не специфические для судебской профессии, но характерные для современных бюрократических организаций (Волков 2015: 21). Исследования усмотрения суда позволили О.А. Папковой сделать вывод, что оно в российском гражданском и арбитражном процессах не представляет собой свободу поведения (выбора). Государство в Российской Федерации не наделяет судей таким полномочием, как усмотрение, поскольку данное полномочие законодательно не закреплено. Фактически оно осуществляется в двух операциях по применению правовых норм в судебной практике: 1) в юридическом анализе обстоятельств конкретного дела; 2) в толковании норм права. Соответственно,

дискреция судей является правоприменительной деятельностью (Папкова 2005: 392). Институциональные характеристики российской судебной системы дают возможность в настоящее время распространить на нее указанные выводы О.А. Папковой, сделанные в 2005 г. в отношении гражданского и арбитражного процесса. Это касается и высших судов, при всем различии контекста, в котором делают свой выбор судьи первой и вышестоящих инстанций.

Роулэнд и Карп подчеркивают когнитивные различия между задачами по принятию решений, которые решают судьи первой инстанции и судьи апелляционного суда (Rowland, Carp 1996: ch. 6-7). Зарубежные исследователи, как правило, сосредотачивают свои теоретические и эмпирические исследования на апелляционных судах и их судьях (Баум 2014). В контексте транзитных стран, к которым относится и Россия, интересен опыт Украины, где предложенная в 2005–2006 гг. Национальной комиссией по укреплению демократии и установлению правового государства Концепция совершенствования правосудия была поддержана главным образом представителями низших судебных инстанций и Венецианской комиссией Совета Европы, в то время как высшие судебные органы Украины высказались против большинства предусмотренных в проекте трансформаций (Мишина 2010). Судьи высших судов ощущают себя управленческой прослойкой подобно высшим чиновникам аппарата государственного управления.

Подобные особенности построения судебной системы снижают до крайне незначительного уровня, а зачастую и полностью нивелируют механизмы восходящего социального контроля. Сущностью последнего, как было доказано в диссертационном политологическом исследовании судебной власти В.И. Леонтьевым, является система обратных связей между обществом и судебной властью, которая выступает как субъект социально-правового контроля по отношению к другим ветвям власти и как специфический объект социального контроля со стороны общества (Леонтьев 2006: 10). Целью такого контроля является создание условий для дальнейшего развития судебной власти как независимой, гарантирующей правовой характер российского государства.

Модель судейского усмотрения, основанная на законе, более характерна для стран, в которых исключительно силен концепт государства (Давид, Жоффри-Спинози 2009: 60), обладающего патриархальной властью над подданными. Расширение регулятивных мер приводит к расширению латентного пространства, поскольку с увеличением степени регулирования возрастают вариации для применения скрытых механизмов (Миллер 2016). Формальные правила являются лишь законодательной фиксацией сложившегося порядка, порождают конфликт закона и практики. Формальные институты могут работать исключительно при условии их неформальной коррекции (Барсукова 2015: 19-20). П. Соломон подчеркивает повышенное значение неформальных практик для постсоветского мира, где традиционно невысокое доверие к официальным институтам. Политические акторы и влиятельные лица активно используют сетевые структуры для продавливания своих интересов (Solomon 2007).

Функционирование судебной системы современной России по бюрократической модели приводит к тому, что зона власти распространяется на публичный концепт принятия судебных решений. Во вне это проявляется в том, что судьи не стремятся сделать свои решения понятными и прозрачными, так как вертикальный механизм властвования не предполагает согласования с волей подвластных. Как характерно для гибридных авторитарных режимов, судьи вынуждены выстраивать внутреннюю организацию суда посредством формальных и неформальных правил, вырабатывающих организационные процедуры, которыми регламентируется поведение и взаимодействия судей и других сотрудников аппарата. В этом смысле отмечаемая исследователями (Трофимов 2014) тотальная зависимость рядовых судей от председателей судов вполне закономерна. Действительно, в рамках скоординированной совместной деятельности людей в больших бюрократических структурах невозможно себе представить отсутствие руководства, посредничества на всех уровнях иерархии многочисленных технико-организационных, регулирующих управленческих механизмов, устанавливающих и распространяющих правила осуществления деятельности и всевозможные распорядки, распределяющих обязательства, аккумулирующих, агрегирующих и проверяющих вводимую отчетность, осуществляющих документооборот, контроль и надзор за исполнением служебных функций подразделениями и конкретными сотрудниками (Подвойский 2020). Роль полномочий председателя столь велика, что он становится ключевой фигурой во многих процессах, формально не располагая никакими способами влияния на решения в них. Институт председателей судов – это иерархически выстроенная система административного подчинения и управления, обладающая большими возможностями влияния на карьеру рядовых судей (от назначения до увольнения). Последние поэтому склонны избегать каких-либо противоречий с председателями своих или вышестоящих судов и даже координировать с ними принятие решений по конкретным делам. Органы судейского сообщества также преимущественно состоят из председателей судов, в связи с чем они не могут служить противовесом «административной вертикали» (Бочаров и др. 2016: 54). Зачастую отдельный судья может и не вполне понимать, ради чего или ради кого его подталкивают к тому или иному решению. Он просто выполняет рекомендации председателя, не участвуя в «большой игре» (Барсукова 2009).

Конечные цели судей должны объясняться исходя из их фундаментальных мотивов и потребностей. Поэтому Лоренц Баум предлагает, не отмечая изложенные подходы (закон, личное отношение), больше времени уделять психологической составляющей поведения судей. Мотивация поведения в процессе принятия решений судьями весьма важный вопрос, остающийся во многом не до конца исследованным даже в странах с укорененными традициями политологического изучения судебной власти. Исследования в области политической психологии основное внимание уделяют поведению масс, а не деятельности принимающих решения людей. Те же работы, в которых рассматривается поведение людей, ответственных за принятие решений, сконцентрированы, как правило, на поведении чиновников в

органах исполнительной власти, а также на процессе принятия внешнеполитических решений. Некоторые экономисты, а также правоведаы, использующие экономический подход, с точки зрения А. Баума шире и глубже анализируют мотивацию судей. Перечень мотивов судей, предложенный этими исследователями, выводится главным образом из здравого смысла, а не из психологических теорий (Anderson et al. 1989; Posner 1995: ch. 3; Drahozar 19983; Georgakopoulos 2000; Bainbridge, Gulati 2002; Wrightsman 2006). Поэтому Л. Баум пытается заполнить этот пробел. Для определения психологических предрасположенностей судей, по его мнению, полезна модель, разработанная Дэвидом Уинтером для анализа мотивов политических лидеров (Winter 2002; Winter 2003). Политические лидеры действуют, руководствуясь потребностями в достижениях власти и принадлежности к элите. Жильда Алиотта применила уинтеровскую схему для анализа поведения судей Верховного суда США и показала ее ценность (Aliotta 1988), а Баум добавил в качестве мотива – стремление к престижу (Баум 2014: 357). Данные психологические особенности связаны с развитыми формами политического участия, характерны для свободных политических акторов и слабо связаны с бюрократической административной психологией чиновника. Немаловажным фактором является и гендерный аспект. В отличие от большинства стран Америки и Европы судейский корпус России в настоящий момент в основном составляют женщины – по разным оценкам от 2/3 (Волков 2012: 101) до 85%, в зависимости от региона (Тарасова 2009). Для них более характерно следование в фарватере чужого мнения, особенно непосредственного административного начальства. Женщины из аппарата суда не только ведут себя более стратегически, но и оказываются лучше приспособленными к условиям труда. Именно они составляют основной кадровый резерв российских судов (Волков 2012: 131).

В российских условиях стратегически мыслящие судьи, как правило, проявляют умеренность, ориентируясь на позиции законодателя в прецедентном толковании вышестоящих судов. Они воспринимают себя как часть государственного механизма, как представителей государственной власти, как один из элементов государственной бюрократии. Отстаиваемая российскими судьями модель законности своих действий выносит законодателя на первое место. По мнению Роберта Даля, «политические взгляды, преобладающие в суде, никогда надолго не расходятся с политическими взглядами, преобладающими в парламентском большинстве» (Dahl 1957). Позиции общества менее значимы, тем не менее, поскольку политические поля изменяются на основе набора убеждений людей (Патрушев, Филиппова 2018: 77), публичный характер суда позволяет общественному давлению влиять на судебные решения. Например, эпохальные решения Верховного суда США 1950–1960-х гг. по отмене расовой сегрегации и защите прав меньшинств, сформировавшие общественное устройство Америки, были бы невозможны в отсутствие колоссального давления снизу. Восходящая легитимация не позволяет суду игнорировать требования общества. В России уровень сопротивляемости власти общественному давлению гораздо выше, однако сбрасывать его со счетов нельзя. В своих работах, опубликованных

по результатам социологического опроса в октябре 2001 г., Сара Мендельсон и Тэд Гербер (Gerber, Mendelson 2002a; Gerber, Mendelson 2002b; Gerber, Mendelson 2008) показали крайне низкий запрос российского общества на защиту гражданских и политических прав (демократических свобод) по сравнению с экономическими интересами (Mendelson 2001). Был установлен серьезный запрос общества на возвращение государства в регулирование социально-экономических и политических процессов в самой жесткой форме. Результаты опроса свидетельствовали об отсутствии интереса россиян к политическим правам, свободе слова, правам меньшинств и выявили огромный интерес к социально-экономическим правам. Фактически люди добровольно отказались от того, что они считали неважным, что сыграло свою роль в курсе государства на ограничение гражданских свобод с начала 2000-х гг. (Mendelson 2000) и последующем институциональном развитии судебной системы по модели, характерной для гибридного авторитарного государства. По данным World Values Survey, к 2020 г. ситуация кардинально не изменилась и запрос на демократические институты в России не только ниже, чем в развитых западных странах, но и чем в Китае¹. Мы можем сделать вывод, что общественная апатия (Гербер, Мендельсон 2002) в отношении политических и гражданских прав в начале 2000-х гг. привела к слабости институтов их защиты, среди которых судебная власть играет центральную роль в начале 2020-х. В этом проявляется доказанная теорией институциональных матриц (X-Y-теория) структурная взаимосвязь ментальности общества с характером его экономических, политических и идеологических институтов. Ментальность и институциональность общества являются разными отражениями единой специфической сущности общественной системы (Александров, Кирдина 2012). В политической сфере России наблюдается доминирование институтов X-матрицы (институты унитарного политического устройства: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; общений по инстанциям). Россияне не увязывают существующий властный порядок с порядками правовым и моральным (Патрушев, Филиппова 2018: 77). Расхожее определение респондентов «Политика – грязное дело», по отношению к суду трансформируется в «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло». Уровень зрелости и независимости судебной власти достаточно выпукло проявляется в особой категории дел, которые имеют политическую окраску (Волков 2012: 15). Дела, где истцами или ответчиками выступают политики, электоральные споры, исход которых дает политические преимущества какой-либо стороне, наглядно показывают упругость института судебной власти, так как внешнее давление присутствует в той или иной форме почти всегда. Судебная система сталкивается с альтернативой добровольной или принудительной настройки своей архитектуры под действующий политический режим.

¹ EVS/WVS (2021). European Values Study and World Values Survey: Joint EVS/WVS 2017-2021 Dataset (Joint EVS/WVS). GESIS Data Archive, Cologne. ZA7505. Dataset Version 1.1.0, doi:10.4232/1.13670.

Тон задает наиболее авторитетная и важная в главных политических вопросах судебная инстанция. Во многих гибридных политических режимах в ходе демократизации создавались конституционные суды (Teitel 1994). При этом, как отмечает И.С. Григорьев, после отката демократизации они постепенно оказывались встроенными в недемократические режимы и вынуждены были во избежание конфликтов с правительством в ходе консолидации нового режима адаптироваться к новым политическим реалиям (Григорьев 2017: 8). Исследовав деятельность российского Конституционного суда (далее – КС) в период 1995–2015 гг., И.С. Григорьев продемонстрировал яркие примеры его институциональной трансформации в процессе изменения политического режима. Так, секретариат КС функционирует скорее в формате «амортизатора», изолирующего суд от происходящего в политической системе, чем в формате «фильтра», вследствие чего задается определенная модель правосудия – более сдержанная, нерешительная и консервативная, что может быть обусловлено потребностью суда в сохранении умеренности в период консолидации гибридного политического режима. Другим примером выступает сконструированный КС жанр определения с «позитивным содержанием», используемый судом для канализации жалоб, разрешение которых в жанре постановления может нести для суда повышенные риски конфликта с властями. (Данное обстоятельство важно, поскольку формально КС не может принимать содержательных решений определениями.) Решения по жалобам, затрагивающие отдельные более политизированные темы (в частности, законодательство о выборах и митингах, вопросы вертикального и горизонтального разделения властей), искусственно «понижаются» в статусе до определения с «позитивным содержанием», что служит инструментом минимизации политических рисков. Судьи КС прибегают к этому инструменту в 2000-х гг., в период консолидации гибридного режима, а также в годы парламентских выборов, вплоть до 2011–2012 гг. служившие началом электорального цикла в России (Григорьев 2017: 23–29). В последующие годы КС сохранил маневренный характер своей деятельности, используя прагматический подход. В целом действуя в рамках правовых и конституционных соображений, в делах, имеющих значение для политического режима, КС действовал политически целесообразным образом. По мнению А. Трошева и П. Соломона, такое двойственное состояние позволило КС и его умелому лидеру В. Зорькину достигнуть значительной автономии в продвижении своей правовой позиции по многим вопросам, а также улучшить выполняемость решений КС другими судьями и политическими акторами. Большинство судей КС считают его скорее политическим органом, чем инструментом принятия текущих решений, а себя – «прагматичными и дальновидными людьми, решающими будущее России», которых при этом «также иногда могут заставить вести себя как бюрократов или политиков» (Trochev, Solomon 2018). Тем самым Конституционный суд РФ развил собственную версию «авторитарного конституционализма», которая не только послужила моделью для всех органов судебной системы, но и сыграла немаловажную роль в ликвидации всей

системы региональной конституционной юстиции в стране¹. Предложенный КС пример для всех органов судебной системы РФ иллюстрирует на российской почве выявленный исследователями судов в авторитарных режимах (Helmske 2005) феномен «стратегического бегства», представляющий собой сознательный выбор судьями, осознающими пределы возможного, конформистской линии поведения, продиктованной страхом личностно неблагоприятных последствий.

Выводы. Особенности функционирования судебной власти в политической системе современной России проявляются через механизм судебного усмотрения, в рамках которого принимаются решения по судебным делам. Наиболее адекватной моделью для оценки судебного усмотрения является стратегический подход, согласно которому в российских условиях судьи в своем поведении учитывают существующие институциональные и политические ограничения и руководствуются той структурой политических возможностей, которая сформирована этими ограничениями.

В современной России не может сложиться институционализированное политическое поле, в котором судебная власть отвечает за формирование правового поля, – вместо него сложилась деформализованная неполитическая зона власти. Под правовым полем, мы понимаем часть социального пространства, в которой взаимодействие между акторами (и агентами, и клиентами) осуществляется вокруг циркуляции такого общественного блага, как справедливость. Здесь действуют разнообразные институты: суд (и его учреждения), сопряженные с ним властные институты (прокуратура, служба судебных приставов, министерство юстиции, следственный комитет и т.п.), общественные организации (независимые СМИ, комментирующие проблемы правового поля, адвокатура и др.), клиенты – индивидуальные и организованные.

Российская судебная система находится в пространстве зоны власти, реальной функцией которой является проецирование на подвластных предписаний, формируемых действующим политическим режимом, а также применение санкций за их нарушение. При такой модели построения российского политического пространства судебная система занимает в политической системе место не полноценной ветви власти, а, по сути, одного из исполнительных государственных институтов, осуществляя определенные ему функции в рамках единой государственной политики. Институциональные особенности судебной системы определяются универсальными бюрократическими характеристиками органи-

¹ В декабре 2020 г. был подписан закон, который предписывает упразднить к 1 января 2023 г. все конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Как пояснил на заседании Совета Федерации глава Комитета по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас: «В данной части законодательство приводится в соответствие с новой редакцией статьи 118 Конституции, в которой региональные конституционные суды, как суды, входящие в судебную систему РФ, не упоминаются» (см.: URL: <https://rg.ru/2020/12/08/putin-podpisal-zakon-ob-uvolnenii-sudej-za-otkaz-ot-grazhdanstva-rf.html> (дата обращения: 15.05.2021).

зации деятельности и управления, присущими органам исполнительной власти.

В таких условиях институционализированное судебское сообщество функционирует в машинной логике алгоритмизированных действий, источник которых находится вне судебной системы. Создание такой институциональной среды осуществляется акторами, причастными к нормотворчеству, к формированию смыслов и ориентиров государственной политики, к идеологическому обоснованию существующего порядка. Перед воздействием таких акторов судебная система бессильна. При этом, когда у государства нет особого интереса к делу, российские суды вполне могут использоваться в качестве эффективных механизмов разрешения споров.

Нахождение в зоне власти значительно осложняет продвижение концепта публичной политики, поскольку нивелирует возможности горизонтальной кооперации, призванные к реализации принципом состязательности и равноправия сторон. Публично-политическая функция судов в демократических обществах заключается в обеспечении горизонтальных общественных отношений, предоставлении правовой площадки для объективного разбирательства в целях поиска справедливости при конфликтных ситуациях. Судебная система современной России в лице действующих судей отказалась от роли строителя правового поля в публичном политическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абушенко Д.Б. 2002. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. Москва : Норма. 176 с.

Александров Ю.И., Кирдина С.Г. 2012. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. № 8. С. 3-12.

Алексашенко С.В. 2019. Контрреволюция: Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. Москва : Альпина-Паблишер. 408 с.

Алексеев С.С. 1981. Общая теория права. Т. 1. Москва : Юрид. лит. 359 с.

Барак А. 1999. Судейское усмотрение : пер. с англ. Москва : Норма. 376 с.

Барсукова С.Ю. 2009. Неформальные основы формальных судебных решений (на примере арбитражной системы России) // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. Вып. 1 (37). С. 185-191.

Барсукова С.Ю. 2015. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 216 с.

Баум Л. 2014. Мотивация и поведение судей: расширение границ исследования / пер. А.В. Дмитриевой // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях ; лит. ред. А.М. Кадникова. Москва : Статут. С. 352-372.

Бочаров Т. и др. 2016. Диагностика работы судебной системы в сфере уголовного судопроизводства и предложения по ее реформированию. Ч. 1 / Т. Бочаров, В.В. Волков, А.В. Дмитриева, К.Д. Титаев, И.В. Четверикова, М. Шклярчук. Санкт-Петербург. 110 с.

- Бурдые П. 2005. Социальное пространство: поля и практики. Москва : Ин-т эксперим. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. 576 с.
- Волков В.В. (ред.) 2012. Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / под ред. В.В. Волкова. Москва : Статут. 368 с.
- Волков В.В. (ред.) 2015. Российские судьи: социологическое исследование профессии: моногр. / В. Волков, А. Дмитриева, М. Поздняков, К. Титатев ; под ред. В. Волкова. Москва : Норма. 272 с.
- Галантер М. 2014. Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / пер. Е.С. Бормотова // Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях, лит. ред. А.М. Кадникова. Москва : Статут. С. 391-423.
- Гербер Т.П., Мендельсон С.Е. 2002. Граждане России о правах человека // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (58). С. 26-32.
- Григорьев И.С. 2017. Трансформация институтов судебной власти в процессе консолидации гибридного политического режима (на примере Конституционного суда Российской Федерации) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва. 29 с.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. 2009. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. Москва : Междунар. отношения. 453 с.
- Даль Р.А. 2003. Полиархия, плюрализм и пространство // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В.П. Малахов. Москва : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн. С. 899-902.
- Дикова И.В. 2018. Современные подходы к определению понятия «судебная власть» // Вестник Московского университета МВД России. № 6. С. 13-17.
- Ермакова К.П. 2010. Пределы судебного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 26 с.
- Кашепов В.П. 2017. Надзор за судебной деятельностью как конституционное начало организации судебной деятельности // Журнал российского права. № 12 (252). С. 43-54.
- Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. (ред.) 2012. Правосудие в современном мире : моногр. / В.И. Анишина, В.Ю. Артёмов, А.К. Большова и др. ; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма ; Инфра-М. 704 с.
- Леонтьев В.И. 2006. Политико-правовая детерминация судебной власти в контексте социального контроля : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Чита. 24 с.
- Марченко М.Н. 2009. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект. 656 с.
- Миллер Т.В. 2016. Институты и сетевые практики в принятии государственных решений в России // Власть. № 12. С. 93-98.
- Мишина Е.А. 2010. Трансформация судебной власти в транзитных странах // Политика. № 1 (56). С. 158-175.
- Морщакова Т.Г. (ред.) 2012. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / М.Р. Воскобитова, Г.В. Диков, О.С. Чернышева, С.А. Насонов, М.А. Филатова, О.С. Шепелева ; под ред. Т.Г. Морщаковой. Москва : Мысль. 583 с.
- Недяк И.Л. и др. 2020. Политическое поле и зона власти: версии идеального опыта и опыт эмпирической верификации / И.Л. Недяк, Т.В. Павлова, С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова // Социологические исследования. № 1. С. 42-53.
- Папкова О.А. 2005. Усмотрение суда. Москва : Статут. 413 с.
- Парсонс Т. 2003. О понятии «политическая власть» // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В.П. Малахов. Москва : Акад. проект ; Екатеринбург : Деловая кн. С. 895-898.

Пасечник Н.В. 2005. Политические аспекты судебной власти в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов. 22 с.

Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (отв. ред.) 2018. Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы / С.Г. Айвазова, Ю.М. Баскакова, М.О. Комин и др. ; отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. Москва : Полит. энцикл. 262 с.

Пашин С.А. 2014. Судебная система России: перелицовка // Отечественные записки. № 3 (60). С. 82-92. URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/sudebnaya-sistema-rossii-perelicovka> (дата обращения: 15.06.2021).

Подвойский Д.Г. 2020. (У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? (перечитывая классиков) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 29-70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684>.

Познер Р.А. 2017. Рубежи теории права / пер. с англ. И.В. Кушнарёвой ; под ред. М.И. Одиной ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 480 с.

Пушкарёва Г.В. 2012. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. № 2. С. 166-176.

Сатаров Г.А. 2010. Судебная власть: фрагмент диагноза // Общественные науки и современность (ОНС). № 2. С. 32-39.

Соловьёв А.И. 2015. Государственные решения: концептуальный простор и типики теоретизации // Полис. Политические исследования. № 3. С. 127-146.

Тарасова Ю.Н. 2009. Психологические особенности профессиональной деятельности судей в России // Судебная система РФ: вопросы теории, истории и судебная практика : сб. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., 23 апр. 2009 г. / под общ. ред. С.К. Дряхлова. Санкт-Петербург : Издат. дом «Петрополис». С. 121-124.

Тощенко Ж.Т. 1999. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. № 11. С. 124-133.

Трофимов Е.А. 2014. Квалификационные коллегии судей как инструмент укрепления «вертикали» судебной власти: кратологический очерк // Теория и практика общественного развития. № 9. С. 102-104.

Шапиро И. 2011. Бегство о реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. У. Узлайнера. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 368 с. (Полит. теория).

Шапиро И. 2012. О не-господстве / Йен Шапиро // Логос. № 4 (88). С. 3-35.

Aliotta J. 1988. Social Backgrounds, Social Motives and Participation on the U.S. Supreme Court // Political Behavior. № 10. P. 267-284.

Anderson G.M. et al. 1989. On the Incentives of Judges to Enforce Legislative Wealth Transfers / G.M. Anderson, W.F. II Shughart, R.D. Tollison // Journal of Law and Economics. Vol. 32, № 1. P. 215-228.

Bainbridge St.M., Gulati G.M. 2002. How Do Judges Maximize? (The Same Way Everyone Else Does-Boundedly): Rules of Thumb in Securities Fraud Opinions // Emory Law Journal. Vol. 51. P. 83-151. DOI: 10.2139/ssrn.283261.

Baum L. 2006. Judges and Their Audience: A Perspective on Judicial Behavior. Princeton : Princeton Univ. Press. 231 p.

Bell J. 1983. Policy Arguments in Judicial Desition. Oxford : Clarendon Press. 283 p.

Blau P.M. 1963. The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relation in Two Government Agencies. 2nd ed., rev. Chicago : Univ. of Chicago Press. 322 p.

Bunrbanck S., Friedman B. 2002. Reconsidering Judicial Independence // Judicial Independence at the Crossroads: an Interdisciplinary Approach / Eds. by S. Bunrbanck, B. Friedman. Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications. P. 9-44.

Drahozal Ch.R. 1998. Judicial Incentives and the Appeals Process // *SMU Law Review*. Vol. 51. P. 469-503.

Duncan K. 1973. Legal Formality // *Journal of Legal Studies*. Vol. 2, № 2, art. 5. P. 351-398.

Dunlop J. 1975. The Limit of Legal Composition // *John Herlings of Labor Letter*. Vol. 25. P. 48-49.

Eisenberg M.A. 1976. Privat Ordering Through Negotiation: Dispute-Settlement and Rulemaking // *Harvard Law Review*. Vol. 89, № 4. P. 637-681. DOI: 10.2307/1340217.

Epstein L. et al. 2013. *The Behavior of Federal Judges: A Theoretical and Empirical Study of Rational Choice* / L. Epstein, W.M. Landes, R.A. Posner. Harvard : Harvard Univ. Press. 440 p.

Epstein L., Knight J. 1998. *The Choices Justice Make*. Washington, D.S. : CQ Press. XVIII, 200 p.

Friedman B. 2006. Taking Law Seriously // *Perspective on Politics*. Vol. 4, iss. 2. P. 261-276. DOI: 10.1017/S1537592706060178.

Georgakopoulos N.L. 2000. Discretion in the Career and Recognition Judiciary // *University of Chicago Law School Roundtable*. Vol. 7, iss. 1. P. 205-225.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. 2002a. How Russians Think about Human Right: Recent Survey Data // *Ponars Eurasia. Policy Memo*. № 221. Prepared for the Ponars Policy Conference. Washington, DC. January 25. P. 1-8.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. 2002b. Russian Public Opinion on Human Rights and the War in Chechnya // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 18, № 4. P. 271-305. DOI: 10.2747/1060-586X.18.4.271.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. 2008. Casualty Sensitivity in a Post-Soviet Context: Russian Views of the Second Chechen War, 2001-2004 // *Political Science Quarterly*. Spring. Vol. 123, № 1. P. 39-68. DOI: 10.2307/20202971.

Gibson J.L. 1986. *The Social Science of Judicial Politics* // *Political Science: The Science of Politics* / Ed. by Herbert F. Weisberg. New York : Agathon Press. Ch. 7. P. 141-167.

Gillman H., Clayton C. 1999a. Beyond Judicial Attitudes: Institutional Approaches to Supreme Court Decision-Making // *Supreme Court Decision-Making: New Institutional Approaches* / Eds. H. Gillman, C. Clayton. Chicago : Univ. of Chicago Press. P. 1-14.

Gillman H., Clayton C. (eds.) 1999b. *The Supreme Court in American Politics: New Institutional Interpretation* / Eds. by H. Gillman, C. Clayton. Chicago : Univ. of Chicago Press. 344 p.

Griffith J.A.G. 1986. *The Politics of the Judiciary*. 3rd ed. London : Fortuna Books. 255 p.

Helmke C. 2005. *Courts under Constraints. Judges, Generals, and Presidents in Argentina*. New York : Cambridge Univ. Press. 221 p.

Lempert R. 1978. More Tales of Two Courts: Exploring Changes in the «Dispute Settlement Function» of Trial Courts // *Law and Society Review*. Vol. 13, № 1. P. 91-138. DOI: 10.2307/3053244.

Llvellyn K. 1962. *Jurisprudence: Realism in Theory and Practice*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 531 p.

MacCormick D.N. 1974. Law as Institutional Fact // *Law Quarterly Review*. Vol. 90. P. 102-129.

Maveety N. 2002. *The Study of Judicial Behavior and the Discipline of Political Science* // *The Pioneers of Judicial Behavior* / Ed. by N. Maveety. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press. Ch. 1. P. 1-52.

Mendelson S.E. 2000. The Putin Path: Civil Liberties and Human Rights in Retreat // *Problems of Post-Communism*. Vol. 47, № 5, Sept.-Oct. P. 3-12. DOI: 10.1080/10758216.2000.11655897.

Mendelson S.E. 2001. Democracy Assistance and Political Transition in Russia: Between Success and Failure // *International Security*. Vol. 25, № 4 (Spring). P. 68-106. DOI:10.1162/01622880151091907.

Miller A.S., Schefflin A.W. 1967. The Power of the Supreme Court in the Age of the Positive State: A Preliminary Excuse Part One: On Candor and the Court, or Why Bamboozle the Natives? // *Duke Law Journal*. Vol. 16, iss. 2. P. 273-320.

Posner R.A. 1995. *Overcoming Law*. 3rd ed. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. X, 597 p.

Pound R. 1942. *Social Control through Law*. New Haven : Yale Univ. Press. 138 p.

Pound R. 1959. *Jurisprudence*. In 5 vols. St. Poul, Minnesota : West Publishing Company.

Pritchett C.H. 1954. *Civil Liberties and the Vinson Court*. Chicago ; London : Univ. of Chicago Press. XI, 297 p.

Rowland C.K., Carp R.A. 1996. *Politics and Judgment in Federal District Courts*. Lawrence, Kan. : Univ. Press of Kansas. XI, 211 p.

Schubert G. 1965. *The Judicial Mind : the Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices 1946–1963*. Evanstone, Ill. : Northwestern Univ. Press. 295 p.

Segal J.A., Spaeth H.J. 2002. *The Supreme Court and the Attitudinal Model Revisited*. Cambridge, UK ; New York : Cambridge Univ. Press. XIX, 459 p.

Shapiro M. 1962. *Judicial Modesty, Political Reality and Preferred Position* // *Cornell Law Quarterly*. Vol. 47, iss. 2. P. 175-204.

Smith R.M. 1988. Political Jurisprudence, the «New Institutionalism», and the Future of Public Law // *American Political Science Association*. Vol. 82, № 1. P. 89-108. DOI: 10.2307/1958060.

Solomon P.H. 2007. *Informal Practices in Russian Justice: Probing the Limits of Post-Soviet Reform* // *Russia, Europe, and the Rule of Law* / Ed. by Ferdinand Feldbrugge. Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers. P. 79-92.

Spaeth H.J. 1979. *Supreme Court Policy Making: Explanation and Prediction*. San Francisco : W.H. Freeman. XII, 224 p.

Spaeth H.J., Segal J.A. 1999. *Majority Rule or Minority Will: Adherence to Precedent on the U.S. Supreme Court*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 315 p.

Teitel R. 1994. *Post-Communist Constitutionalism: A Transitional Perspective* // *Columbia Human Right Law Review*. Vol. 26. P. 167-190.

Trochev A., Solomon P.H. 2018. *Authoritarian constitutionalism in Putin's Russia: A pragmatic constitutional court in a dual state* // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 51, № 3. P. 201-214. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.06.002.

Winter D. 2002. *Motivation and Political Leadership* // *Political Leadership for the New Century: Personality and Behavior Among American Leaders* / Ed. by L.O. Valenty and O. Feidman. Westport, Conn. : Praeger. P. 25-47.

Winter D.G. 2003. *Measuring the Motives of Political Actors at a Distance* // *The Psychological Assessment of Political Leaders* / Ed. by J.M. Post. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press. P. 153-177.

Wrightsmann L.S. 2006. *The Psychology of the Supreme Court*. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press. 336 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195306040.001.0001.

References

Abushenko D.B. *Judicial Discretion in Civil and Arbitration Proceedings*, Moscow, Norma, 2002, 176 p. (in Russ.).

Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. Types of Mentality and Institutional Matrices: a Multidisciplinary Approach, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2012, no. 8, pp. 3-12. (in Russ.).

Aleksashenko S.V. *Counter-revolution: How Was the Vertical of Power Built in Modern Russia and How Does it Affect the Economy*, Moscow, Al'pina-Publisher, 2019, 408 p. (in Russ.).

Alekseev S.S. *General Theory of Law. Vol. 1*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1981, 359 p.

Aliotta J. Social Backgrounds, Social Motives and Participation on the U.S. Supreme Court, *Political Behavior*, 1988, no. 10, pp. 267-284.

Anderson G.M., Shughart W.F. II, Tollison R.D. On the Incentives of Judges to Enforce Legislative Wealth Transfers, *Journal of Law and Economics*, 1989, vol. 32, no. 1, pp. 215-228.

Bainbridge St.M., Gulati G.M. How Do Judges Maximize? (The Same Way Everyone Else Does-Boundedly): Rules of Thumb in Securities Fraud Opinions, *Emory Law Journal*, 2002, vol. 51, pp. 83-151. DOI: 10.2139/ssrn.283261.

Barak A. *Judicial Discretion*, Moscow, Norma, 1999, 376 p. (in Russ.).

Barsukova S.Yu. *An Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Grey*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015, 216 p. (in Russ.).

Barsukova S.Yu. Informal Bases of Formal Court Decisions (on the Example of the Arbitration System of Russia), *Vestnik Donetsk National Technical University, Series: Economic*, 2009, iss. 1 (37), pp. 185-191. (in Russ.).

Baum L. *Judges and Their Audience: A Perspective on Judicial Behavior*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2006, 231 p.

Baum L. Motivation and Judicial Behavior: Expanding the Scope of Inquiry, *E.L. Paneyakh (ed.) Pravo i pravoprimenenie v zerkale sotsial'nykh nauk*, Moscow, Statut, 2014, pp. 352-372. (in Russ.).

Bell J. *Policy Arguments in Judicial Desition*, Oxford, Clarendon Press, 1983, 283 p.

Blau P.M. *The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relation in Two Government Agencies*, 2nd ed., rev., Chicago, Univ. of Chicago Press, 1963, 322 p.

Bocharov T., Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Titaev K.D., Chetverikova I.V., Shklyaruk M. *Diagnostics of the Work of the Judicial System in the Field of Criminal Justice and Proposals for its Reform. Pt. 1*, St. Petersburg, 2016, 110 p. (in Russ.).

Bourdieu P. *Social Area: Fields and Practices*, Moscow, Institut eksperimentalnoy sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 2005, 576 p. (in Russ.).

Bunrbank S., Friedman B. Reconsidering Judicial Independence, *S. Bunrbank, B. Friedman (eds.) Judicial Independence at the Crossroads: an Interdisciplinary Approach*, Thousand Oaks, Calif., Sage Publications, 2002, pp. 9-44.

Dahl R.A. Polyarchy, Pluralism and Scale, *V.P. Malakhov (comp.) Pravovaya mysl' : antologiya*, Moscow, Akademicheskii proekt, Yekaterinburg, Delovaya kniga, 2003, pp. 899-902. (in Russ.).

David R., Jauffret-Spinozi C. *The Great Contemporary Systems of Law*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, 453 p. (in Russ.).

Dikova I.V. Modern Approaches to Definition of the Concept "Judicial Power", *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 6, pp. 13-17. (in Russ.).

Drahozal Ch.R. Judicial Incentives and the Appeals Process, *SMU Law Review*, 1998, vol. 51, pp. 469-503.

Duncan K. Legal Formality, *Journal of Legal Studies*, 1973, vol. 2, no. 2, art. 5, pp. 351-398.

Dunlop J. The Limit of Legal Composition, *John Herlings of Labor Letter*, 1975, vol. 25, pp. 48-49.

Eisenberg M.A. Privat Ordering Through Negotiation: Dispute-Settlement and Rulemaking, *Harvard Law Review*, 1976, vol. 89, no. 4, pp. 637-681. DOI: 10.2307/1340217.

Epstein L., Knight J. *The Choices Justice Make*, Washington, D.S., CQ Press, 1998, xviii, 200 p.

Epstein L., Landes W.M., Posner R.A. *The Behavior of Federal Judges: A Theoretical and Empirical Study of Rational Choice*, Harvard, Harvard Univ. Press, 2013, 440 p.

Friedman B. Taking Law Seriously, *Perspective on Politics*, 2006, vol. 4, iss. 2, pp. 261-276. DOI: 10.1017/S1537592706060178.

Galanter M. Justice in Many Rooms: Courts, Private Ordering, and Indigenous Law, E.L. Paneyakh (ed.) *Pravo i pravoprimerenie v zerkale sotsial'nykh nauk*, Moscow, Statut, 2014, pp. 391-423. (in Russ.).

Georgakopoulos N.L. Discretion in the Career and Recognition Judiciary, *University of Chicago Law School Roundtable*, 2000, vol. 7, iss. 1, pp. 205-225.

Gerber T.P., Mendelson S.E. Russians On Human Rights, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2002, no. 2 (58), pp. 26-32. (in Russ.).

Gerber Th.P., Mendelson S.E. Casualty Sensitivity in a Post-Soviet Context: Russian Views of the Second Chechen War, 2001-2004, *Political Science Quarterly*, 2008, Spring, vol. 123, no. 1, pp. 39-68. DOI: 10.2307/20202971.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. How Russians Think about Human Right: Recent Survey Data, *Ponars Eurasia. Policy Memo. № 221. Prepared for the Ponars Policy Conference*, Washington, DC, January 25, 2002, pp. 1-8.

Gerber Th.P., Mendelson S.E. Russian Public Opinion on Human Rights and the War in Chechnya, *Post-Soviet Affairs*, 2002, vol. 18, no. 4, pp. 271-305. DOI: 10.2747/1060-586X.18.4.271.

Gibson J.L. The Social Science of Judicial Politics, *Herbert F. Weisberg (ed.) Political Science: The Science of Politics*, New York, Agathon Press, 1986, ch. 7, pp. 141-167.

Gillman H., Clayton C. (eds.) *The Supreme Court in American Politics: New Institutional Interpretation*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1999, 344 p.

Gillman H., Clayton C. Beyond Judicial Attitudes: Institutional Approaches to Supreme Court Decision-Making, H. Gillman, C. Clayton (eds.) *Supreme Court Decision-Making: New Institutional Approaches*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1999, pp. 1-14.

Griffith J.A.G. *The Politics of the Judiciary*, 3rd ed., London, Fortuna Books, 1986, 255 p.

Grigoriev I.S. *Transformation of Judicial Institutions in the Process of Consolidation of a hybrid Political Regime (on the Example of the Constitutional Court of the Russian Federation)* : abstr. of diss., Moscow, 2017, 29 p. (in Russ.).

Helmke C. *Courts under Constraints. Judges, Generals, and Presidents in Argentina*, New York, Cambridge Univ. Press, 2005, 221 p.

Kashepov V.P. Supervision of Judicial Activities as Constitutional Beginning of the Organization of Judicial Activities, *Journal of Russian Law*, 2017, no. 12 (252), pp. 43-54. (in Russ.).

Lebedev V.M., Khabrieva T.Ya. (eds.) *Justice in the Modern World*, Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 704 p. (in Russ.).

Lempert R. More Tales of Two Courts: Exploring Changes in the «Dispute Settlement Function» of Trial Courts, *Law and Society Review*, 1978, vol. 13, no. 1. pp. 91-138. DOI: 10.2307/3053244.

Leontiev V.I. *Political and Legal Determination of the Judiciary in the Context of Social Control* : abstr. of diss. Chita, 2006, 24 p. (in Russ.).

Llvellyn K. *Jurisprudence: Realism in Theory and Practice*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 1962, 531 p.

MacCormick D.N. Law as Institutional Fact, *Law Quarterly Review*, 1974, vol. 90, pp. 102-129.

Marchenko M.N. *Theory of State and law : textbook*, 2nd ed., augm. and rev., Moscow, Prospekt, 2009, 656 p. (in Russ.).

Maveety N. The Study of Judicial Behavior and the Discipline of Political Science, N. Maveety (ed.) *The Pioneers of Judicial Behavior*, Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 2002, ch. 1, pp. 1-52.

Mendelson S.E. Democracy Assistance and Political Transition in Russia: Between Success and Failure, *International Security*, 2001, vol. 25, no. 4 (Spring), pp. 68-106. DOI:10.1162/01622880151091907.

Mendelson S.E. The Putin Path: Civil Liberties and Human Rights in Retreat, *Problems of Post-Communism*, 2000, vol. 47, no. 5, Sept.-Oct., pp. 3-12. DOI: 10.1080/10758216.2000.11655897.

Miller A.S., Schefflin A.W. The Power of the Supreme Court in the Age of the Positive State: A Preliminary Excuse Part One: On Candor and the Court, or Why Bamboozle the Natives?, *Duke Law Journal*, 1967, vol. 16, iss. 2, pp. 273-320.

Miller T.V. The Network Institutions and Practices in Government Decision-Making in Russia, *Vlast'*, 2016, no. 12, pp. 93-98. (in Russ.).

Mishina E.A. Transformation of the Judiciary in Transit Countries, *Politeia*, 2010, no. 1 (56), pp. 158-175. (in Russ.).

Morshchakova T.G. (ed.), Voskobitova M.R., Dikov G.V., Chernysheva O.S., Nasonov S.A., Filatova M.A., Shepeleva O.S. *Fair Justice Standards (International and National Practices)*, Moscow, Mysl', 2012, 583 p. (in Russ.).

Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S., Philippova L. Political Field and Zone of Power: Varieties of the Ideal Type and Attempt at Empirical Verification, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2020, no. 1, pp. 42-53. (in Russ.).

Papkova O.A. *Discretion of the Court*, Moscow, Statut, 2005, 413 p. (in Russ.).

Parsons T. About the Concept of "Political Power", V.P. Malakhov (comp.) *Pravovaya mysl' : antologiya*, Moscow, Akademicheskii proekt, Yekaterinburg, Delovaya kniga, 2003, pp. 895-898. (in Russ.).

Pasechnik N.V. *Political Aspects of the Judiciary in Modern Russia* : abstr. of diss, Saratov, 2005, 22 p. (in Russ.).

Pashin S.A. Judicial Reform in Russia: Making Over Old Clothes, *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 3 (60), pp. 82-92, available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/sudebnaya-sistema-rossii-perelicovka> (accessed June 15, 2021). (in Russ.).

Patrushev S.V., Filippova L.E. (resp. eds.) *The Constitution of Modern Politics in Russia: Institutional Problems*, Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2018, 262 p. (in Russ.).

Podvoysky D.G. Arranging an "Iron Cage", or How Institutions Become Human Enemies (Revising the Classical Theories), *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, no. 5, pp. 29-70. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1684. (in Russ.).

Posner R.A. *Frontiers of Legal Theory*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2017, 480 p. (in Russ.).

Posner R.A. *Overcoming Law*, 3rd ed., Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1995, x, 597 p.

Pound R. *Jurisprudence, in 5 vols.*, St. Poul, Minnesota, West Publishing Company, 1959.

- Pound R. *Social Control through Law*, New Haven, Yale Univ. Press, 1942, 138 p.
- Pritchett C.H. *Civil Liberties and the Vinson Court*, Chicago, London, Univ. of Chicago Press, 1954, xi, 297 p.
- Pushkareva G.V. Political Space: Problems of Theoretical Conceptualization, *Polis. Political Studies*, 2012, no. 2, pp. 166-176. (in Russ.).
- Rowland C.K., Carp R.A. *Politics and Judgment in Federal District Courts*, Lawrence, Kan., Univ. Press of Kansas, 1996, xi, 211 p.
- Satarov G.A. The Judiciary: a Fragment of the Diagnosis, *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2010, no. 2, pp. 32-39. (in Russ.).
- Schubert G. *The Judicial Mind : the Attitudes and Ideologies of Supreme Court Justices 1946–1963*, Evanstone, Ill., Northwestern Univ. Press, 1965, 295 p.
- Segal J.A., Spaeth H.J. *The Supreme Court and the Attitudinal Model Revisited*, Cambridge, UK, New York, Cambridge Univ. Press, 2002, xix, 459 p.
- Shapiro I. On Non-Domination, *Logos*, 2012, no. 4 (88), pp. 3-35. (in Russ.).
- Shapiro I. *The Flight from Reality in the Human Sciences*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2011, 368 p. (in Russ.).
- Shapiro M. Judicial Modesty, Political Reality and Preferred Position, *Cornell Law Quarterly*, 1962, vol. 47, iss. 2, pp. 175-204.
- Smith R.M. Political Jurisprudence, the "New Institutionalism", and the Future of Public Law, *American Political Science Association*, 1988, vol. 82, no. 1, pp. 89-108. DOI: 10.2307/1958060.
- Solomon P.H. Informal Practices in Russian Justice: Probing the Limits of Post-Soviet Reform, *Ferdinand Feldbrugge (ed.) Russia, Europe, and the Rule of Law*, Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 2007, pp. 79-92.
- Solovyev A.I. Government Decisions: the Conceptual Space and Dead Ends of Theorization, *Polis. Political Studies*, 2015, no. 3, pp. 127-146. (in Russ.).
- Spaeth H.J. *Supreme Court Policy Making: Explanation and Prediction*, San Francisco, W.H. Freeman, 1979, xii, 224 p.
- Spaeth H.J., Segal J.A. *Majority Rule or Minority Will: Adherence to Precedent on the U.S. Supreme Court*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999, 315 p.
- Tarasova Yu.N. Psychological Features of Professional Activity of Judges in Russia, *S.K. Dryakhlov (ed.) Sudebnaya sistema RF: voprosy teorii, istorii i sudebnaya praktika : sb. statey po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 23 apr. 2009 g.*, St. Petersburg, Izdatelskii. dom «Petropolis», 2009, pp 121-124. (in Russ.).
- Teitel R. Post-Communist Constitutionalism: A Transitional Perspective, *Columbia Human Right Law Review*, 1994, vol. 26, pp. 167-190.
- Toshchenko Zh.T. The elite? Clans? Castes? Clicks? What are the Names of Those Who Rule Us?, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 1999, no. 11, pp. 124-133. (in Russ.).
- Trochev A., Solomon P.H. Authoritarian constitutionalism in Putin's Russia: A pragmatic constitutional court in a dual state, *Communist and Post-Communist Studies*, 2018, vol. 51, no. 3, pp. 201-214. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2018.06.002.
- Trofimov E.A. Boards of Judges as a Tool of Reinforcement of Judicial Branch Vertical: Cratological Review, *Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 9, pp. 102-104. (in Russ.).
- Volkov V.V. (ed.) *How Judges Make Decisions: Empirical Studies of Law*, Moscow, Statut, 2012, 368 p. (in Russ.).
- Volkov V.V., Dmitrieva A., Pozdnyakov M., Titatev K. *Russian Judges: a Sociological Study of the Profession*, Moscow, Norma, 2015, 272 p. (in Russ.).
- Winter D. Motivation and Political Leadership, *L.O. Valenty and O. Feidman (eds.) Political Leadership for the New Century: Personality and Behavior Among American Leaders*, Westport, Conn., Praeger, 2002, pp. 25-47.

Winter D.G. Measuring the Motives of Political Actors at a Distance, *J.M. Post (ed.) The Psychological Assessment of Political Leaders*, Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 2003, pp. 153-177.

Wrightsmann L.S. *The Psychology of the Supreme Court*, Oxford, New York, Oxford Univ. Press, 2006, 336 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195306040.001.0001.

Yermakova K.P. *Limits of Judicial Discretion* : abstr. of diss., Moscow, 2010, 26 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воскресенский Федор Александрович

аспирант кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия;

IstinaResearcherID (IRID): 11215705;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5142-0545>;

SPIN-код: 5801-3571;

E-mail: voscresensky@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor A. Voscresensky

Postgraduate student of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

IstinaResearcherID (IRID): 11215705;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5142-0545>;

SPIN-код: 5801-3571;

E-mail: voscresensky@mail.ru

Крылатова И.Ю. Достоинство личности и геномные технологии: философско-правовой аспект. DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_111 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 111–134.

УДК 342

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_111

Достоинство личности и геномные технологии: философско-правовой аспект

Ирина Юрьевна Крылатова

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: krylatova_iy@mail.ru

*Поступила в редакцию 02.06.2021, поступила после рецензирования 09.10.2021,
принята к публикации 18.10.2021*

Современный научно-технологический процесс приводит к необходимости переосмысления границ определения человека как биологического вида и его составляющих, включая право на достойное обращение. Необходимость выявления допустимых границ биологических геномных экспериментов обнажает глубинную дискуссию о природе человека и его достоинства. Статья посвящена трансформации сущности человеческого достоинства в условиях новых биотехнологических вызовов и стремительного развития геномных технологий. Автор анализирует основные философские подходы, нормативно-правовые концепции достоинства личности, обосновывая позицию о базовой, системообразующей и междисциплинарной роли человеческого достоинства в системе прав человека и государственной политике. В исследовании приводятся аргументы в пользу выделения соматических прав человека и прослеживаются новые грани реализации соматических прав,

© Крылатова И.Ю., 2021

возникающие при активном использовании геномных технологий. В статье анализируется взаимосвязь этических воззрений на природу человеческого достоинства и международно-правовых стандартов защиты достоинства личности. Автор соотносит философскую парадигму о неотъемлемости родового достоинства каждого человеческого существа и теории личностного подхода, присутствующие в концепциях нормативно-правового регулирования указанной тематики. Особое внимание в статье уделяется анализу современных достижений в области геномики за последние 5 лет и геномным манипуляциям, предметом которых являются эмбрионы человека и их ткани. В процессе изучения философских теорий, нормативно-правовых актов и медицинских обоснований жизнеспособности и чувствительности плода обосновывается вывод о необходимости закрепления особого морального статуса эмбриона при проведении генетических и геномных манипуляций.

Ключевые слова: геномные технологии, достоинство личности, соматические права, моральный статус эмбриона, биотехнологии, генетическое редактирование, геномная информация

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств субсидии из федерального бюджета на реализацию научного проекта на тему «Выявление проблем правового регулирования в сфере использования генетической и геномной информации. Подготовка научно обоснованных предложений по внесению изменений в систему российского законодательства с целью их устранения» (шифр темы: FEUW-2020-0005).

Human Dignity and Genomic Technologies: Philosophical and Legal Aspects

Irina Yu. Krylatova

Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: krylatova_iy@mail.ru

Received 02.06.2021, revised 09.10.2021, accepted 18.10.2021

Abstract. Contemporary scientific and technological process leads to rethinking of human nature and its components including dignified treatment. Identification of the permissible treatment in genomic experiments draws the core discussion about the essence of human dignity. In this regard the article focuses on deep transformation of human dignity nature in terms of new biotechnological challenges and rapid development of genomic technologies. The author analyses main philosophical and legal conceptions of human dignity and concludes about guiding and interdisciplinary role of human dignity in the human rights system and policy. The research goes on to define the somatic rights within the category of human rights and shows new aspects of exercises the somatic rights arisen in increased use of genomic technologies. Author compares philosophical doctrine of inherent generic dignity of every human being and personality theory in legal acts. The article pays special attention on the analyses of recent genomic achievements and genomic manipulation for the last 5 years where the subjects of manipulation are embryos and their tissues. Further, the article deals with philosophical, legal and medical justification of viability and sensitivity of human embryos and fetuses. The author considered the necessity of establishment the concept of moral status of embryo during genomic and genetic manipulations.

Keywords: genomic technologies; human dignity; somatic human rights; moral status of embryo; biotechnologies; genetic editing; genomic information

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of a subsidy from the federal budget for the implementation of a scientific project on the topic “Identification of problems of legal regulation in the field of the use of genetic and genomic information. Preparation of scientifically based proposals for making changes to the system of Russian legislation in order to eliminate them” (code of the topic: FEUW-2020-0005).

For citation: Krylatova I.Y. Human Dignity and Genomic Technologies: Philosophical and Legal Aspects, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 111-134. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_111.

Введение. Новые методы геномных технологий, такие как редактирование ДНК человека или зародышевой линии посредством CRISPR-Cas9, приводят к переосмыслению человека как социально-биологического вида. Возникают угрозы не только целостности, но и сущностному пониманию категории «человек». Адаптивный подход последующего правового регулирования нуждается в совершенствовании таких базовых концепций, как права человека и его достоинство. Человеческое достоинство, одновременно выступая как трудно определяемый феномен (категория), общепризнанно является основой прав и свобод, присущих всем членам человеческой семьи.

Естественно-научная любознательность человека в экспериментах над живыми организмами (включая эмбрионы) методами геномной инженерии открывает новые горизонты определения пределов человеческого достоинства. Научно-исследовательские интересы соотносятся с правом на жизнь и достоинство человека на ранних стадиях развития (включая право быть рожденным и право на признание личностью). Представляется, что традиционные философско-правовые представления категории личности в условиях последующего развития геномных технологий нуждаются в оперативном переосмыслении.

В этой связи предлагается обратиться к раскрытию концепции достоинства личности как междисциплинарной основы функционирования современных геномных технологий, проведя анализ одного из современных направлений геномных технологий – пределов допустимого использования эмбрионов человека в личных, научно-исследовательских и общественно полезных целях.

Опорой в достижении поставленной цели будет служить междисциплинарный метод исследования, на основе которого будет обосновываться поэтапное формирование превентивной концепции охраны достоинства личности посредством поиска оптимального соотношения различных интересов, с учетом философии и универсальных стандартов прав человека и его природы.

Природа человеческого достоинства на протяжении многих веков вызвала неизменный интерес философско-правовой мысли.

В античной философии особая роль отводится нравственности и добродетели (Сократ, Аристотель). Позднее в трудах Марка Аврелия, Августина

Блаженного, Фомы Аквинского, Дж. Локка этико-духовная ценность достоинства личности оформляется как стержневая ценность и сущность человеческой природы.

Продолжением философских концепций достоинства личности в эпоху Просвещения стали взгляды И. Канта, В. Гумбольдта и Г. Гегеля, для которых нравственным девизом стал постулат самоценности достоинства человека: «...относиться к человеку как к цели, а не как к средству не только со стороны государства, но и каждого физического лица» (Невинский 1994: 80-86).

Многие философские труды посвящены рассмотрению таких категорий, как человеческое достоинство, самоценность, добродетельность и достойное поведение.

Юриспруденция и право, так же как и философия, неоднократно принимали попытки дефиниций человеческого достоинства, обращая внимание на моральную и нравственную составляющую указанного понятия. Попытки определения в праве феномена человеческого достоинства шло от полного отрицания указанного феномена (O'Mahony 2012) до стремления описать малейшие его нюансы. Делались как попытки универсализации указанной дефиниции, так и максимальный акцент переносился на национально-культурные традиции. В частности, можно привести следующие теоретико-правовые подходы к определению феномена человеческого достоинства, элементы которых наглядно прослеживаются в международных и национальных правовых актах.

По мнению Е.А. Лукашевой, достоинство представляет собой «неотъемлемый компонент культуры общества» (Лукашева 1999: 183), А.В. Белявский, Н.А. Придворнов и Ф.М. Рудинский подходят к достоинству как к универсальной конституционно-правовой категории, базирующейся на ценностных ориентирах личности и социума (Рудинский 1983; Белявский, Придворнов 1991), О.В. Власовой представляется логичным обоснование достоинства как комплексного социально-правового явления, включающего в себя диалектически взаимосвязанные элементы: субъективное право, общеправовой принцип, комплексный межотраслевой институт (Власова 2011). Присутствуют также концепции, определяющие достоинство личности как всеобъемлющий динамический принцип, реагирующий на изменяющиеся обстоятельства (Riley 2016), как статус личности (Waldron 2013; Hartogh 2014), модус существования (Rawls 1993; Rawls 2001), как нормативную концепцию (Etinson 2020) или фундаментальную нормативную категорию (Oyola 2016), высшую (Gisbertz 2018) или нравственно-правовую ценность (Власова 2011), унифицированную систему ценностей (Dworkin 2011), конституционную ценность (Невинский 2018), условие реализации личных прав человека (Несмеянова 2007), руководящие положения баланса противоречивых прав (Hubner 2016), аксиоматическую идею (Kateb 2011), юридическую аксиому или дежурную правовую позицию высших судов (Кравец 2019). Часть ученых приходит к выводу, что нет такого права, как право на человеческое достоинство (O'Mahony 2012), в том числе потому что объект права трудноопределим и доказуем, а, следовательно, концепция обречена на неудачу (Wachtendorf 2016). Более оптимистичную позицию занима-

ет В.В. Невинский, отмечая, что достоинство человека выступает не только основой прав и свобод человека, но и основой формируемых им систем права и государственности (Невинский 2013).

Последний научный тезис как нельзя лучше содержит передает квинтэссенцию международных стандартов нормативного закрепления достоинства личности, которая отражена в таких ключевых документах, как Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Устав Организации Объединенных Наций (1945) и других. Указанный декларативный принцип позиционируется как международный универсальный стандарт защиты права на достоинство и заключается в том, что признание и вера в равное достоинство, присущее всем членам человеческого сообщества, являются основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности, выступают в качестве необходимой предпосылки и основы всех других прав и свобод человека и гражданина, условия их существования и соблюдения, иными словами, происходит перерождение достоинства личности из субъективного права и предмета философских воззрений в своеобразный «зонтичный принцип».

Данная тенденция, в частности, прослеживается и в международно-правовом регулировании геномных технологий в сфере биомедицинской деятельности: в Конвенции о правах человека и биомедицине (1997), в Международной декларации ООН о генетических данных человека (2003), во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека (2005), в Декларации ООН о клонировании человека (2005) и др. Принцип достоинства в указанных технологиях становится одновременно и всеохватывающим универсальным принципом, и магистральной основой биоэтики как у международного, так и у российского законодателя. В федеральных нормативных правовых актах геномные, протеомные и постгеномные технологии идентифицируются как критические (Указ Президента РФ № 899, 2011; Постановление Правительства РФ № 479, 2019). Вместе с тем само понятие геномной технологии дается не в федеральном законе, а в научно-технической программе Союзного государства «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» («ДНК-идентификация») (Постановление № 26 Совета Министров Союзного государства, 2017) как совокупность методов и инструментов анализа всего генома человека или большого числа ДНК-маркеров, распределенных по геному, с номинальным качеством и оптимальными затратами, обусловленными текущим уровнем развития науки и техники. Ряд ученых отмечают, что в российских нормативных правовых актах, а также в судебной практике не определено содержание прав человека в области геномных исследований (Алимов, Лещенков 2019). Соответственно, представляется, что данное определение нуждается в расширении и уточнении, так как результаты анализов, полученные указанными методами, на сегодняшний день активно имплементируются в жизнь в центрах геномных исследований мирового уровня (Постановление Правительства

РФ № 479, 2019; Распоряжение Правительства РФ № 2580-р, 2012). Думается, что обоснованным является закрепление понятия и основных признаков геномных технологий на законодательном уровне посредством уточнения понятийного аппарата Федерального закона от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (Федеральный закон № 86-ФЗ, 1996).

Вторжения биотехнологий методом генной инженерии в биологическую структуру человека влечет за собой не только медицинские риски, но и риски философской рефлексии самого человека о его сущности. На повестку дня встает вопрос о пределах этого вторжения, за которым возможно разрушение достоинства человека и, соответственно, его существа (Невинский 2013). Можно согласиться с Э.С. Юсубовым, что такой ключевой сущностный аспект научной рефлексии о пути и возможности исключения или преодоления антропологического кризиса переносится из философско-правовой теоретической плоскости в область прикладной медицины и медицинских геномных технологий (Юсубов 2018).

Пределы вторжения одновременно в нравственно-философскую и нормативную материю человеческого достоинства имеют особую значимость в геномных технологиях. Несмотря на тысячелетние философские практики, связывающие появление феномена человеческого достоинства с зарождением человеческой жизни, и поддержание достойного отношения к душе и телу человека, следующего в загробную жизнь, классические юридические современные догмы в подавляющем большинстве не обращаются к нерожденному ребенку или предоставляют ему незначительную правовую защиту, «правовое покрытие», и как следствие этого открытыми на юридической повестке остаются вопросы геномных манипуляций с эмбрионом, эмбриональными клетками, тотипотентными и плюрипотентными клетками, зародышевыми линиями, влекущие за собой фундаментальные вопросы морального статуса эмбриона, евгеники и клонирования. Развитие биомедицинских технологий опережает одновременно как нормативное закрепление, так и социально-нравственную и мировоззренческую адаптацию общества к текущим процессам, в связи с чем особенно актуальной становится проблема возвращения и переосмысления нравственно-правовых и мировоззренческих категорий, необходимость опережающего философско-правового прогнозирования.

Очевидно, что снятие вопроса о формировании нового поколения прав человека и механизма их защиты, а также раскрытие концепции достоинства личности как междисциплинарной основы функционирования современных геномных технологий невозможно осуществить без анализа таких противоречивых проблем, связанных с направлением геномных технологий, как моральный статус эмбриона и использование эмбриональных клеток. В любом случае обоснование поэтапного формирования превентивной концепции охраны генетического достоинства и генетических прав посредством поиска оптимального соотношения различных интересов, с учетом философии прав человека и его природы подлежит скрупулезной оценке.

Попыткой выработки оптимальной модели достоинства личности в условиях развития биотехнологий (включающих геномные технологии) является дискуссия о возникновении соматических прав по распоряжению человека своим телом (Крусс 2000; Лаврик 2005; Лаврик 2006а; Лаврик 2006б; Лаврик 2007), или прав в сфере биоэтики (Абашидзе, Солнцев 2006; Йорыш 1998). Указанные права оспариваются другими учеными (см., напр.: Никитина 2020).

Справедливо считается, что будущее общественного устройства и правопорядка, а также личной соматической защищенности человека, реальной возможности распоряжаться по своему усмотрению собственным генетическим и геномным материалом должно лежать в плоскости нормативного закрепления общих подходов через систему оптимальных взвешенных принципов баланса частных и публичных интересов, прежде всего в сфере ультрасовременных и стремительно развивающихся геномных технологий. При этом, несмотря на академическую дискуссию, константой должна оставаться сформированная основа многослойной междисциплинарной категории достоинства личности, выступающая своеобразной мерой превентивной охраны от злоупотреблений в сфере геномики.

Неконтролируемое или поспешное внедрение инновационных разработок геномных технологий, предоставление доступа широкому кругу населения к новейшим биологическим разработкам, с одной стороны, сгенерировали настойчивое требование о качественной достойной жизни, включая право на качественную, доступную, оперативную и надлежащую медицинскую помощь, вытекающее из базового права на охрану и поддержание собственного здоровья. С другой стороны, указанные процессы затронули глубинные основы идентификации морального статуса эмбриона и показали насущную необходимость поиска оптимального соотношения различных интересов с учетом философии прав человека и его природы. Нерожденного ребенка в научной литературе, нормативных документах и правоприменительной практике нередко отождествляют с такими понятиями, как «зигота», «бластоциста», «преэмбрион», «эмбрион», «плод», «зародыш», «младенец», «ребенок», «биообъект», «продукт зачатия» и др. Российский законодатель обращается к медико-биологическому определению эмбриона: «...Эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель» (Федеральный закон № 54-ФЗ, 2002: ст. 2). Нормативно-правовое регулирование данного вопроса на международном уровне и в зарубежных странах использует конструкции: «защита человека до рождения» (Конвенция о правах ребенка, 1989: преамбула; Декларация прав ребенка, 1959: преамбула), «нерожденный» (Конституция Республики Ирландия: ст. 40), «жизнь достойна защиты до рождения» (Конституция Словацкой Республики: ст. 15), «жизнь достойна охраны до рождения» (Хартия основных прав и свобод Конституции Чешской Республики: ст. 6), «прирожденное достоинство человека», «правовая охрана жизни» (Конституция Республики Польша: преамбула, ст. 38) и др.

Как уже было отмечено в статье, философская парадигма рассматривает идею родового достоинства, или наличия у человека права требовать

защиты своего достоинства в силу того, что он является представителем биологического рода. Однако возникает противоречие, поскольку «содержание господствующих в том или ином обществе взглядов на человеческое достоинство определяется в конечном счете характером общественных отношений, от которого зависит положение личности в обществе» (Морозов 1962: 58). Иными словами, достоинство ассоциируется с признаком личности (см., напр.: Протопопова 2015). Неоднозначность трактовок, на наш взгляд, в значительной мере связана со сложностью перевода характеризующих достоинство человека слов *human, individual, everyone, each*, член общества и т.п. Нельзя не учитывать и классические аспекты теории личности (Хьелл, Зиглер 2019), согласно которым эмбрион отличается умственной незрелостью, неспособен к любым когнитивным процессам, то есть не обладает необходимыми свойствами человеческой природы, объединяющими его с человеческим родом, в том числе самоидентификацией, являющейся классическим признаком человеческого достоинства. Существует также точка зрения, высказанная в 1997 г. рабочей группой Королевской коллегии акушеров и гинекологов, о том, что эмбрион не является личностью, так как не может испытывать боль (болевые ощущения возникают у плода начиная с 24-й недели) (Fetal Awareness... 1997), поставленная этими же учеными в 2010 г. под сомнение тезисом об отсутствии полномасштабных исследований бодрствования эмбриона (Fetal Awareness... 2010: 7). В силу значительного расширения горизонта научных исследований происходит их интенсификация, ведущая к переосмыслению ставшей уже классической статистики о психоэмоциональных переживаниях плода¹ и фиксации болевой чувствительности плода уже с 7–8-й недели; появление первичной нервной полоски – морфологического предшественника нервной трубки эмбриологи относят к 15–16-му дню с момента зачатия (при этом на данной стадии у эмбриона отсутствуют нервная система и, следовательно, невозможны нейропсихические процессы) (Силуянова и др.; Edwards 1986; Stanton Collett 2003). Приведенные данные позволяют расширить горизонт юридического планирования, а также прогностический правовой подход к такому биологическому явлению, как человеческий эмбрион, наделяемый правоведами одновременно чертами объекта и субъекта права (Дружинина 2017; Панкратова, Перевозчикова 2006; Белова 2020; Верещагин 2020), в отдельных случаях занимающий промежуточное положение «развивающегося субъекта», а не биообъекта или биоматериала (в связи с тем, что эмбрион не может быть признан личностью и в то же время не является «ничем») (Богданова 2019).

Медики и философы задаются, на наш взгляд, закономерным вопросом, можно ли считать критерием становления личности только проявление способности чувствовать (Силуянова и др.). Одновременно затрагивается и проблематика пределов вмешательства в естественные права личности на

¹ В свое время большой резонанс вызвал документальный фильм Джека Дозна Дэбнера «Безмолвный крик» («The Silent Scream», Dabner J.D., 1984). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Iy5IUTNqHrs> (дата обращения: 01.10.2021).

жизнь и достойное обращение при применении новейших геномных технологий, направленных на редактирование эмбриона в медицинских целях, имеющих задачу излечения от тяжелых болезней, а также проблемы использования эмбриональных клеток для проведения генной терапии. Чувствительным становится вопрос коммодификации эмбриона и определения надлежащих субъектов, реализующих принцип наилучших интересов эмбриона и будущего ребенка.

При вмешательстве в геном человека в терапевтических или редакционных целях в большинстве случаев используют метод CRISPR-Cas9, а в качестве платформы – зародившийся эмбрион: Китай (Южный научно-технологический университет) – 2018 г., рождение геномно-отредактированных близнецов, которым заменена часть ДНК для защиты от ВИЧ; США, Калифорния, Институт биологических исследований Солка (Salk Institute for Biological Studies) – 2017 г., создание Хуаном Карлосом Исписуа Бельмонте человеческих химер – вживление в эмбрионы свиньи генно-модифицированных клеток человека; Великобритания, Институт Френсиса Крика (Francis Crick Institute) – 2016 г., группа ученых во главе с Кэти Ниакан (Kathy Niakan) осуществляет генетические манипуляции с ДНК жизнеспособных эмбрионов для исключения угрозы невынашивания беременности; Мексика – 2016 г., рождение первого ребенка от трех родителей (исследователи под руководством эндокринолога Джона Джанга (John Zhang) произвели замену митохондриальной ДНК матери а донорскую для исключения передачи ребенку тяжелого наследственного заболевания – синдрома Лея).

При формировании международной судебной презумпции потенциальной человеческой личности эмбриона возникают этические и правовые проблемы, которые заключаются в сложности адекватного прогнозирования снятия потенциальной угрозы дефекта развития плода и последующей инвалидизации будущего человека в связи с наличием у него потенциала передачи дефектного гена, с одной стороны, и сложности реализации естественного права эмбриона на адекватную защиту и достойное обращение с учетом невозможности получения от него добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство – с другой (см., напр.: Постановление ЕСПЧ..., 2004). Проблема реализации автономии личности (включая право на дачу согласия на проведение медицинского вмешательства) при определенном временном механизме, необходимом для принятия решения после рождения, была предметом дискуссии в Совете Европы. Анализируя различные теории и подходы, международные эксперты особое внимание обращают на то, что «обладание качеством личности» («быть личностью») не является тождественным простой принадлежности к человеческому роду, поскольку такая принадлежность не включает в себя признак индивидуальности и одушевления. Для того чтобы быть личностью и заслужить моральное отношение, необходимо достижение дополнительных качеств (Защита эмбриона..., 2003: 7–8). В связи с этим встает закономерный вопрос: если качества личности связаны исключительно с достижением способности принимать осознанные решения, означает ли это,

что люди, имеющие психические расстройства или получившие травмы, исключаяющие возможность принимать самостоятельные решения, автоматически исключаются из категории личности, не обладают индивидуальностью и неодушевлены? Предостережения от подобного подхода звучали в трудах И. Ильина об одухотворенности жизни и признании за человеком прав и достоинства независимо от того, «как бы он ни был мал, болен или плох» (Ильин 1994). Звучат они с новой силой и в трудах современных философов о сердцевине гуманитарности и признании свободы доличностного уровня (Тульчинский 2004). Возникает немало ситуаций, осложненных новыми реалиями современной жизни и судебной практики, ведущих к переосмыслению общего подхода к решению данной проблемы, сформулированного в ст. 6 (Конвенции Овьедо): «...медицинское вмешательство в отношении лица, не способного дать на это согласие, может осуществляться исключительно в непосредственных интересах такого лица... Проведение медицинского вмешательства в отношении несовершеннолетнего, не могущего дать свое согласие по закону, может быть осуществлено только с разрешения его представителя, органа власти либо лица или учреждения, определенных законом» (Конвенция о защите прав..., 1997: ст. 6). Ярким примером является дело Чарли Гарда (Charlie Gard), где родители фактически требовали признания за ними передачи права на принятие решения по медицинскому вмешательству и экспериментальному лечению ребенка, не способного выразить свою волю. Однако суды нескольких инстанций признали более обоснованной позицию руководства лондонской больницы на Грейт-Ормонд-стрит (Great Ormond Street Hospital) по отключению ребенка от систем жизнеобеспечения, что повлекло за собой смерть ребенка (Great Ormond..., 2017; Gard and Others..., 2017; Goold et al. 2019). Сегодня не только отсутствует единый подход к вопросу о том, кто является наилучшим выразителем прав ребенка – родители или публичные институты (Жарова 2020), но нет и единой договоренности по вопросу, кому отдать приоритет в выражении мнений как родившегося, так и будущего ребенка – отцу или матери. В одних случаях суды отдают предпочтение интересам отца при определении судьбы эмбрионов и плода (Постановление БП ЕСПЧ..., 2007), в других случаях – матери (Постановление ЕСПЧ..., 2011). С определенными оговорками к применимости аналогии можно предположить, что и Конституционный суд Российской Федерации, и российский законодатель отдает предпочтение позиции матери, что вытекает из особого социального риска беременности и материнства (Запись рассмотрения КС РФ, 2021). Можно согласиться с исследователями в том, что большое внимание уделяется конфликтам между «взрослыми субъектами права», в то время как необходимо обратить внимание на соотношение между родительской автономией и потенциальной автономией ребенка, включая допустимость государственного вмешательства с целью ограждения ребенка от физических и нравственных страданий вследствие избрания соответствующих генетических и биомедицинских процедур (Богданова, Малеина, Ксенофонтова 2020).

О непредсказуемости генетического редактирования в связи с неизученностью влияния различных мутаций на последующие поколения свиде-

тельствует практика международного регулирования, особо оговаривающая необходимость охраны достоинства каждого в связи с принадлежностью к человеческому роду (Конвенция о защите прав..., 1997: преамбула, ст. 1, 18), мнение экспертного медико-биологического сообщества (редактирование-разрезание методом Cas9 может приводить к выпадению больших участков одной из копий хромосом (Спаская 2021) и судебная практика. Ограничение генетических манипуляций предусматривает зафиксированное в ст. 13 Конвенции Овьедо положение о том, что вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека (Конвенция о защите прав..., 1997: ст. 13). Сходный подход к проведению подобных манипуляций, по мнению ученых (Малеина 2019), прослеживается и в Законе РФ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который рассматривает генную терапию как «совокупность генно-инженерных (биотехнологических) и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат соматических клеток человека в целях лечения заболеваний» (Федеральный закон № 86-ФЗ, 1996: ст. 2).

Аналогичным принципом соблюдения наилучших интересов будущих детей была мотивирована попытка осуществления эксперимента генетического вмешательства для исправления глухоты ученым Денисом Ребриковым, не одобренная Минздравом РФ, посчитавшим указанные манипуляции с эмбрионами человека преждевременными на территории РФ. Вместе с тем генетическое вмешательство в эмбрионы потомков глухонемых семей не перестает быть предметом активной научной дискуссии в зарубежных странах (Feeneу, Rakić 2021).

Более сдержанную позицию о допустимости редактирования генома человеческого эмбриона занимает Япония, принявшая в 2019 г. уточнения о запрете вживления генетически отредактированного эмбриона. Однако необходимо отметить, что японские ученые на уровне правительственного акта получили разрешение на модификацию человеческого эмбриона (зародышевых клеток) (Cyranoski 2018; Thomsen 2019) до стадии, при которой он может развиваться в самостоятельный человеческий зародыш. В 2019 г. аналогичное законодательство было принято в Германии (Варлен и др. 2019). Разрешено американским учёным создание искусственных эмбрионов сроком до 10 дней для воспроизведения в исследовательских целях биологических процессов и получение 3D генетического отпечатка эмбриона (Макаров 2019).

Отмечая, что существует очень тонкая грань между синтетической жизнью и подлинным началом появления естественного биологического человека, создатели биосинтетических технологий не останавливаются перед юридическими рекомендациями по ограничению подобных экспериментов и правовым запретам на создание эмбрионов в исследовательских целях (Конвенция о защите прав..., 1997: ст. 18). Положение о недопустимости создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских

клеточных продуктов содержится и в ст. 3 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах» (Федеральный закон № 180-ФЗ, 2016: ст. 3).

В качестве аргументации ученые часто используют постулат ст. 17 Конвенция Овьедо о допустимости в исключительных случаях при отсутствии согласия проведения исследований, не направленных на непосредственный неблагоприятный эффект для здоровья испытуемых, с целью углубления научных знаний о состоянии здоровья человека и его болезни и получения результатов, могущих иметь благоприятные последствия как для состояния здоровья данного испытуемого, так и других лиц, страдающих той же болезнью либо находящихся в аналогичном состоянии. Эмбриональные исследования подпадают именно под исключительный случай, так как эффект распространения полученных медицинских результатов, их публичный резонанс и общественная польза перевешивают ценность не полностью сформированной человеческой жизни.

Дискуссионным остается вопрос обеспечения надлежащей защиты «искусственного» (*in vitro*) эмбриона при таких исследованиях, принимая во внимание требования Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1046 (1986) о том, что «человеческие эмбрионы и зародыши в любых обстоятельствах требуют обращения, достойного человека, и что использование полученных из них материалов и тканей должно быть строго ограничено и подконтрольно... явно терапевтическим целям, которых нельзя достичь никакими иными способами» (Рекомендации... № 1046, 1986). Таким образом, зеркальное право быть рожденным, органично выводимое из права на жизнь, фактически ставится в зависимость не только от законных представителей интересов нерожденного ребенка, но и одновременно от исследовательского интереса ученых и надлежащего соблюдения ими принципов Асиломарской конференции по рекомбинантной ДНК 1975 г. (Berg 2008), предусматривающих принцип невмешательства государства в деятельность ученых при соблюдении ими разумности в рамках исследований.

В 2021 г., чтобы избежать вышеуказанных юридических запретов на создание зародышей человеческих эмбрионов в исследовательских целях, ученые обратились к исследованию более ранних стадий развития человека. Так, американские ученые пошли по пути перепрограммирования фибробластов в плюрипотентные клетки стволовые с последующим выращиванием из клеток соединительной ткани взрослого человека структуры, которая по свойствам, форме и размерам похожа на человеческую бластоцисту. Австралийские исследователи перепрограммировали клетки взрослого человека таким образом, что несколько важных генов экспрессировались в них так же, как в трех типах клеток, содержащихся в бластоцисте (Еникеева 2021). Цель подобных экспериментов – создать некую структуру с эмбриологическими недостатками, некоего недочеловека, чтобы снять как юридические, так и этические запреты на редактирование зародышевой линии и технологии использования эмбриональных стволовых клеток для генной терапии. Редактирование генома стволовых клеток (основным «поставщи-

ком» которых пока остается эмбрион человека) с использованием технологии CRISPR («молекулярные ножницы»), позволяющей создавать «универсальные» плюрипотентные клетки, применяемые для лечения рогаковицы, заболеваний крови, восстановления сердечной мышцы, решать вопросы лечения и прогнозирования орфанных и эндемических заболеваний, а также проблему нехватки донорских органов в трансплантологии, сегодня называют научным рубежом. Имплементация геномных технологий (например, швейцарско-американской компании *CRISPR Therapeutics*), колоссальное снижение их стоимости – за 20 лет в 800 тыс. раз (Church 2018) и международное признание их научной значимости присуждением разработчикам метода редактирования генома Эммануэль Шарпантье и Дженнифер Даудна в 2020 г. Нобелевской премии по химии открыли новую эру биологического здоровья человека, в основе которой находится будущий человек. В связи с этим становится очевидным, что нравственно-философские и биоэтические подходы к определению человека, его достоинства и достойного обращения к нему переходят сегодня из сферы теоретических воззрений в практическую плоскость ежедневного применения. Возможным решением проблем, связанных с применением геномных технологий, с одной стороны, может стать использование в качестве биологического материала для редактирования генома соматических клеток нежизнеспособных эмбрионов, а с другой – использование клеток будущих эмбрионов должно производиться при закреплении и детализации указанных процедур в принципах осуществления деятельности в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов, зафиксированных в Федеральном законе «О биомедицинских клеточных продуктах» (Федеральный закон № 180-ФЗ, 2016).

Предложения по указанному нормативно-правовому закреплению невозможны без глубинного переосмысления феномена достоинства личности и точки его отсчета. Философское переосмысление понятия эмбрион как понятия, близкого к понятию человек и избегание тенденции к коммодификации (превращения в товар) потенциала человеческой личности, заключенной в эмбриональную оболочку, могут стать биоэтическим ориентиром развития геномных технологий с использованием эмбрионального материала.

Заключение. Сформированный опыт этического и правового регулирования геномных технологий показывает, что хрупкость и незащищенность нарождающейся человеческой жизни перед лицом биотехнологического процесса приоткрывает ранее неочевидные грани реализации соматических прав человека, постепенно завоевывающих себе уникальное место в правовой и философской системе координат современного общества.

Пределы допустимого использования эмбрионов в научно-исследовательских целях открывают этико-правовую дискуссию о моральном статусе эмбриона, включающую в себя вопросы соотношения начала биологической, этической и правовой защиты.

Обладание эмбриона важнейшим качеством – потенциально (при определенных условиях) в будущем развиться в полноценную личность приводит к необходимости формирования превентивной концепции охраны

генетического достоинства будущего человека, в основе которой должна лежать междисциплинарная, многослойная категории достоинства личности, являющаяся своеобразной мерой превентивной охраны от злоупотреблений в сфере геномики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. 2007. Нюрнбергский кодекс и дальнейшее международно-правовое регулирование вопросов биоэтики // Российский ежегодник международного права, 2006. С. 122-133.

Алимов Э.В., Лещенков Ф.А. 2019. Правовые основы проведения геномных исследований в Российской Федерации и странах англосаксонской правовой семьи // Журнал российского права. № 11. С. 43-57. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.3.

Андорно Р. 2020. Суррогатное материнство ведет к смешению людей и вещей. Интервью с Р. Андорно // Закон. № 7. С. 8-25.

Белова Д.А. 2020. Проблемы правового статуса эмбриона // Семейное и жилищное право. № 3. С. 6-8. DOI: 10.18572/1999-477X-2020-3-6-8.

Белявский А.В., Придворов Н.А. 1991. Охрана чести и достоинства личности: философско-социологический анализ. Харьков : Изд-во Харьков. юрид. ин-та.

Богданова Е.Е. 2019. О правах на биоматериал человека // Гражданское право. № 4. С. 28-32. DOI: 10.18572/2070-2140-2019-4-28-32.

Богданова Е.Е., Малеина М.Н., Ксенофонтова Д.С. 2020. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex russica (Русский закон). № 5. С. 129-142. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142.

Варлен М.В. и др. 2019. Проблемы определения пределов государственного вмешательства в сферу организации и проведения геномных исследований с учетом практических и функциональных значений саморегулирования со стороны профессионального сообщества / Варлен М.В., Машкова К.В., Зенин С.С., Бардиц А.Л., Суворов Г.Н. // Государственная власть и местное самоуправление. № 8. С. 5-64. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-8-56-64.

Власова О.В. 2011. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Ханты-Мансийск. 417 с.

Дружинина Ю.Ф. 2017. Правовой режим эмбриона in vitro // Журнал российского права. № 12. С. 129-140. DOI: 10.12737/article_5a200506899599.19842755

Еникеева А. 2021. Ученые создали эмбрион из клеток кожи человека. Это настоящий зародыш? 21.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210321/embrion-1602041479.html> (дата обращения: 01.10.2021).

Жарова А.К. 2020. Политика использования геномной информации для вторичных исследовательских целей. На примере Великобритании // Юрист. № 7. С. 56-61. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-56-61.

Ильин И.А. 1994. О сущности правосознания. Москва : Рус. кн. 310 с.

Йорыш А.И. 1998. Правовые и этические проблемы клонирования человека // Государство и право. № 11. С. 87-93.

Кравец И.А. 2019. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм // Юридическая наука и практика. Т. 15, № 2. С. 93-104. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104.

Крусс В.И. 2000. Личностные (соматические) права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. № 10. С. 43-50.

Лаврик М.А. 2005а. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. № 3. С. 16-26.

Лаврик М.А. 2006а. Гарантии конституционных прав человека: соматический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск. 232 с.

Лаврик М.А. 2006б. Права человека: новации в понимании и юридической фиксации // Lex russica (Русский закон). № 1. С. 147-151.

Лаврик М.А. 2007. ПРАВОЕТЕЛО : Соматические права человека: взгляд из Сибири. Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та. 228 с.

Лукашева Е.А. (отв. ред.) 1999. Права человека : учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. Москва : Норма-Инфра-М. 573 с.

Макаров В. 2019. Ученые создали искусственный эмбрион человека из стволовых клеток, 04.07.2019. URL: <https://www.popmech.ru/science/news-491512-uchenye-sozdali-iskusstvennyy-embriion-cheloveka-iz-stvolovyh-kletok/> (дата обращения: 01.10.2021).

Малеина М.Н. 2019. Роль правовых принципов в устранении и минимизации рисков применения геномных технологий // Lex russica (Русский закон). № 8. С. 121-128. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.121-128.

Морозов В. 1962. Достоинство // Философская энциклопедия : в 5 т. Москва : Сов. энциклопедия. Т. 2. С. 58-60.

Невинский В.В. 1994. Гражданин и основополагающие принципы конституции Федеративной Республики Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 404 с.

Невинский В.В. 2013. Конституция Российской Федерации и достоинство человека (воспоминание о будущем) // Конституционное и муниципальное право. № 11. С. 48-54.

Невинский В.В. 2018. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russia (Русский закон). № 11. С. 106-120. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121.

Несмеянова С.Э. 2007. Судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации с комментариями. Москва : Проспект. 480 с.

Никитина Е.Е. 2020. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. № 8. С. 27-44. DOI: 10.12737/jrl.2020.092.

Панкратова Е.А., Перевозчикова Е.В. 2006. Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // Медицинское право. № 2. С. 16-23.

Протопопова Т.В. 2015. Достоинство личности в юриспруденции. Saarbrücken : LAP LAMBERT Akademik Publishing. 265 с.

Рудинский Ф.М. 1983. Демократия и достоинство личности. Москва : Наука. 167 с.

Силуянова И.В. и др. Морально-этические проблемы статуса эмбриона : Тема 4 / Силуянова И.В., Сабурова В.И., Чернега К.А., Першин М.С., Ляуш Л.Б., Чиндин И.В., Сушко Н.А., Макеева И.С., Болховитинова С.А. // Избранные лекции кафедры биомедицинской этики Российского государственного медицинского университета / Рос. гос. мед. ун-т. Каф. биомед. техники. Б.г. URL: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/LF/bioethics/ucheb_materiali/lekcii/subject4.pdf (дата обращения: 01.10.2021).

Спасская Д. 2021. Редактура продолжается, 20.05.2021. URL: <https://nplus1.ru/blog/2021/05/20/rebrikov-goes-on> (дата обращения: 01.10.2021).

Тулчинский Г.Л. 2004. Современная гуманитарная парадигма: гуманитарность против гуманизма? // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 1. С. 6-11.

Хьелл Л., Зиглер Л. 2019. Теории личности. Основные положения, исследования и применение : учеб. пособие. 3-е изд. Санкт-Петербург : Питер ; Минск ; Питер. 606 с. (Мастера психологии).

Юсубов Э.С. 2018. «Человек – высшая ценность» как философская и конституционная максима // Конституционное и муниципальное право. № 11. С. 15-19.

Berg P. 2008. Asilomar 1975: DNA modification secured // Nature. № 455. P. 290-291. DOI: 10.1038/455290a.

Church G. 2018. The Promises and Perils of Gene Editing, 16.01.2018. URL: <https://hms.harvard.edu/news-events/talks12/2018-talks12/promises-perils-gene-editing> (дата обращения: 01.10.2021).

Cyranoski D. 2018. Japan set to allow gene editing in human embryos : Draft guidelines permit gene-editing tools for research into early human development, 10.03.2018. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-06847-7>. (дата обращения: 01.10.2021). DOI 10.1038/d41586-018-06847-7.

Dworkin R. 2011. Justice for Hedgehogs. Cambridge, Mass. : Belknap Press of Harvard Univ. Press. XI, 506 p.

Edwards R.G. 1986. New Ethical Implications of Human Embryology // Human Reproduction. Vol. 1, № 4. P. 277-278.

Etinson A. 2020. What`s so Special about Human Dignity? // Philosophy and Public Affairs. Vol. 48, № 4. P. 353-381. DOI 10.1111/papa.12175.

Feeney O., Rakić V. 2021. Genome editing and ‘disenhancement’: Considerations on issues of Non-Identity and Genetic Pluralism // Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 8, № 1, May. DOI 10.1057/s41599-021-00795-w.

Gisbertz Ph. 2018. Overcoming Doctrinal School Thought. A Unifying Approach to Human Dignity // Ratio Juris. Vol. 31, iss. 2. P. 196-207. DOI 10.1111/raju.12204.

Goold I. et al. (eds.) 2019. Parental Rights, Best Interests and Significant Harms: Medical decision-making on behalf of children post Great Ormond St vs Yates / Ed. by I. Goold, J. Herring, C. Auckland. Oxford, UK : Hart Publishing. URL: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/48382> (дата обращения: 01.10.2021).

Hartogh G. den. 2014. Is human dignity the ground of human rights? // The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by Marcus Duwell, Jens Braarvig, Roger Brownsword, Dietmar Mieth. Cambridge : Cambridge Univ. Press. Ch. 20. P. 200-207. DOI 10.1017/CBO9780511979033.025.

Hubner D. 2016. Human Dignity, Human Rights and Instrumentalisation // The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13. Utrecht.

Kateb G. 2011. Human Dignity. Cambridge, Mass. ; London : Harvard Univ. Press. 256 p.

O`Mahony C. 2012. There is No Such Thing as a Right to Dignity // Journal Constitutional Law. Vol 10, № 2. P. 551-574. DOI 10.1093/icon/mos010.

Oyola S.M.R. 2016. Human Dignity in Times of Transition // The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13. Utrecht.

Rawls J. 1993. Political Liberalism. New York : Colombia Univ. Press. XXXIV, 401 p.

Rawls J. 2001. The Law of Peoples, with The Idea of Public Reason Revisited. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press. VIII, 200 p.

Riley S. 2016. Human Dignity and Institutions: The Changing Circumstances of Justice // The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13. Utrecht.

Stanton Collett T. 2003. Fetal Pain Legislation: Is it Viable? // Pepperdine Law Review. Vol. 30, iss. 2. P. 161-184. URL: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1294&context=plr> (дата обращения: 01.10.2021).

Thomsen M. 2019. Japan Bans implanting gene edited human embryo in preemptive crackdown on the 'designer baby' craze, 05.12.2019. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-7761711/Japans-health-ministry-recommends-ban-implanting-human-gene-edited-human-embryoes.html> (дата обращения: 01.10.2021).

Wachtendorf Th. 2016. The Dignity of Man as a Mythological Concept // The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13. Utrecht. P. 33.

Waldron J.J. 2013. Is Dignity the Foundation of Human Rights? / New York University // Public Law and Legal Theory Research Paper Series : Working Papers. № 12-73. 30 p. DOI 10.2139/ssrn.2196074.

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Устав Организации Объединенных Наций. Принят 26 июня 1945 г. Сан-Франциско. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 01.10.2021).

Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164). Заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г. URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 01.10.2021).

Международная декларация ООН о генетических данных человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16 октября 2003 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека. Принята резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи от 8 марта 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Конституция Республики Ирландия. URL: <http://legalns.com/download/books/cons/ireland.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

Конституция Словацкой Республики. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

Хартия основных прав и свобод Конституции Чешской Республики. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=106> (дата обращения: 01.10.2021).

Конституция Республики Польша. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).

Федеральный закон Российской Федерации от 5 июля 1996 года № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области гено-инженерной деятельности» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 28. Ст. 3348.

Федеральный закон Российской Федерации от 20 мая 2002 года № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 21. Ст. 1917.

Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 года № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3849.

Указ Президента Российской Федерации от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 28. Ст. 4168.

Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2019 года № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72128722/> (дата обращения: 01.10.2021).

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 года № 2580-р «Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 01.10.2021).

Постановление Совета Министров Союзного государства от 16 июня 2017 г. № 26 «О научно-технической программе Союзного государства “Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства” (“ДНК-идентификация”» (принято в г. Санкт-Петербурге 16 июня 2017 г.). URL: <https://base.garant.ru/71728692/> (дата обращения: 01.10.2021).

Защита эмбриона человека *in vitro* : Доклад Рабочей группы по защите эмбриона и плода человека (CDBI-CO-GT3). Страсбург, 19 июня 2003 г. / пер. на рус. яз. Резниченко Л.А. ; науч. ред. Б.Г. Юдин, Л.Ф. Курило ; Руководящий комитет по биоэтике Совета Европы (CDBI). Страсбург, 2003. 50 с.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2004 г. Дело «Во против Франции» [Vo – France] (жалоба № 53924/00) (Большая Палата) : извлечение // Бюллетень Европейского Суда по правам человека : Рос. изд. 2004. № 12. С. 30.

Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 10 апреля 2007 г. Дело «Эванс против Соединенного Королевства» [Evans v. United Kingdom] (жалоба № 6339/05) (Большая Палата) : извлечение // Бюллетень Европейского Суда по правам человека : Рос. изд. 2007. № 10.

Постановление Европейского Суда по правам человека от 26.05.2011 по делу «Р.Р. (R.R.) против Польши» (жалоба № 27617/04) // Регулярный выборочный информационный поток (РВИП) для сведения национальных структур по правам человека (НСПЧ) / Совет Европы. Европейский Союз. Страсбург, 2011. Вып. № 66 (с 23 мая по 5 июня). С. 9-10. URL: <https://tm.coe.int/16806f12a1> (дата обращения: 01.10.2021).

Запись рассмотрения Конституционным Судом РФ 20 мая 2021 года дела о проверке конституционности статьи 3 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Sessions/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=198> (дата обращения: 01.10.2021).

Рекомендация 1046 (1986) по использованию эмбрионов и плодов человека в целях диагностики, терапии, научных исследований, промышленного использова-

ния и торговли. Принята 38-й очередной сессией Парламентской ассамблеи Совета Европы. URL: <https://xn--80aagahqwyibe8an.com/es-fundamentalne-zakonodavstvo/rekomendatsiya-1046-1986-ispolzovaniyu170985.html> (дата обращения: 01.10.2021).

Great Ormond Street Hospital v. Christopher Gard and Charlie Gard, the High Court of Justice, UK Case No. FD17P00103. URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2017/07/gosh-v-gard-24072017.pdf>

Gard and Others v. the United Kingdom (application no. 39793/17). URL: https://www.familylaw.co.uk/news_and_comment/gard-and-others-v-united-kingdom-application-no-39793-17 (дата обращения: 01.10.2021).

Fetal Awareness: Report of a Working Party, 1997 / The Royal College of Obstetricians and Gynaecologists. London : RCOG Press. 28 p.

Fetal Awareness. Review of Research and Recommendations for Practice, March, 2010 / The Royal College of Obstetricians and Gynaecologists. London : RCOG Press. X, 26 p.

References

Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. The Nuremberg Code and Further International Legal Regulation of Bioethics Issues, *Russian Year-Book of International Law – 2006, 2007*, pp. 122-133. (in Russ.).

Alimov E.V., Leshchenkov F.A. The Legal Framework for Genomic Research in the Russian Federation and Common Law Countries, *Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 43-57. DOI 10.12737/jrl.2019.11.3. (in Russ.).

Andorno R. Surrogate Motherhood Leads to a Confusion Between Persons and Things : interview, *Zakon*, 2020, no. 7, pp. 8-25. (in Russ.).

Belova D.A. Issues of the Legal Status of an Embryo, *Family and Housing Law*, 2020, no. 3, pp. 6-8. DOI 10.18572/1999-477X-2020-3-6-8. (in Russ.).

Belyavskiy A.V., Pridvorov N.A. *Protection of the Honor and Dignity of the Individual: a Philosophical and Sociological Analysis*, Kharkiv, Izdatel'stvo Khar'kovskogo yuridicheskogo instituta, 1991. (in Russ.).

Berg P. Asilomar 1975: DNA modification secured, *Nature*, 2008, no. 455, pp. 290-291. DOI 10.1038/455290a.

Bogdanova E.E. On the Rights to Human Biomaterial, *Civil Law*, 2019, no. 4, pp. 28-32. DOI 10.18572/2070-2140-2019-4-28-32. (in Russ.).

Bogdanova E.E., Maleina M.N., Ksenofontova D.S. Certain Problems of Citizens' Rights Protection when Using Genomic Technologies, *Lex russica (The Russian Law)*, 2020, no. 5, pp. 129-142. DOI 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142. (in Russ.).

Church G. *The Promises and Perils of Gene Editing*, January 16, 2018, available at: <https://hms.harvard.edu/news-events/talks12/2018-talks12/promises-perils-gene-editing> (accessed October 01, 2021).

Constitution of Ireland, available at: <http://legalns.com/download/books/cons/ireland.pdf> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Constitution of the Czech Republic, available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=106> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Constitution of the Republic of Poland, available at: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Constitution of the Slovak Republic, available at: <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Convention on the Protection of Human Rights and Dignity in Connection with the Application of Advances in Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS No. 164). Concluded in Oviedo on April 4, 1997, available at: <https://rm.coe.int/168007d004> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Cyranoski D. *Japan set to allow gene editing in human embryos : Draft guidelines permit gene-editing tools for research into early human development, March 10, 2018*, available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-06847-7> (accessed October 01, 2021). DOI 10.1038/d41586-018-06847-7.

Declaration of the Rights of the Child. Proclaimed by General Assembly Resolution 1386(XIV) of 20 November 1959, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Decree of the Government of the Russian Federation No. 2580-r dated December 28, 2012 "On approval of the Strategy for the Development of Medical Science in the Russian Federation for the period up to 2025", available at: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Decree of the President of the Russian Federation No. 899 dated 07.07.2011 "On Approval of Priority Directions for the Development of Science, Technology and Technology in the Russian Federation and the List of Critical Technologies of the Russian Federation" (with amend. and add.), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2011, no. 28, art. 4168. (in Russ.).

Druzhinina Yu.F. Legal Regime of Embryo In Vitro, *Journal of Russian Law*, 2017, no. 12, pp. 129-140. DOI 10.12737/article_5a200506899599.19842755. (in Russ.).

Dworkin R. *Justice for Hedgehogs*, Cambridge, Mass., Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2011, xi, 506 p.

Edwards R.G. New Ethical Implications of Human Embryology, *Human Reproduction*, 1986, vol. 1, no. 4, pp. 277-278.

Enikeeva A. *Scientists have created an embryo from human skin cells. Is this a real fetus?* March 21, 2021, available at: <https://ria.ru/20210321/embrion-1602041479.html> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Etinson A. What's so Special about Human Dignity?, *Philosophy and Public Affairs*, 2020, vol. 48, no. 4, pp. 353-381. DOI 10.1111/papa.12175.

Federal Law of the Russian Federation No. 180-FZ of June 23, 2016 "On Biomedical Cell Products" (with amend. and add.), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 26, pt. 1, art. 3849. (in Russ.).

Federal Law of the Russian Federation No. 54-FZ of May 20, 2002 "On the Temporary Ban on human cloning" (with amend. and add.), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2002, no. 21, art. 1917. (in Russ.).

Federal Law of the Russian Federation No. 86-FZ of July 5, 1996 "On State Regulation in the Field of genetic Engineering" (with amend. and add.), *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1996, no. 28, art. 3348. (in Russ.).

Feeney O., Rakić V. Genome editing and 'disenhancement': Considerations on issues of Non-Identity and Genetic Pluralism, *Humanities and Social Sciences Communications*, 2021, vol. 8, no. 1, May. DOI 10.1057/s41599-021-00795-w.

Fetal Awareness. Review of Research and Recommendations for Practice, March, London, The Royal College of Obstetricians and Gynaecologists Press, 2010, x, 26 p.

Fetal Awareness: Report of a Working Party, London, The Royal College of Obstetricians and Gynaecologists Press, 1997, 28 p.

Gard and Others v. the United Kingdom (application no. 39793/17), available at: https://www.familylaw.co.uk/news_and_comment/gard-and-others-v-united-kingdom-application-no-39793-17 (accessed October 01, 2021).

Gisbertz Ph. Overcoming Doctrinal School Thought. A Unifying Approach to Human Dignity, *Ratio Juris*, 2018, vol. 31, iss. 2, pp. 196-207. DOI 10.1111/raju.12204.

Goold I., Herring J., Auckland C. (eds.) *Parental Rights, Best Interests and Significant Harms: Medical decision-making on behalf of children post Great Ormond St vs Yates*, Oxford, UK, Hart Publishing, 2019, available at: <https://library.oapen.org/handle/20.500.12657/48382> (accessed October 01, 2021).

Great Ormond Street Hospital v. Christopher Gard and Charlie Gard, the High Court of Justice, UK Case No. FD17P00103, available at: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2017/07/gosh-v-gard-24072017.pdf> (accessed October 01, 2021).

Hartogh G. den. Is human dignity the ground of human rights?, M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth (eds.) *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2014, ch. 20, pp. 200-207. DOI 10.1017/CBO9780511979033.025.

Hjelle L.A., Ziegler D. J. *Personality theories. Basic assumptions, research, and applications*, 3rd ed., St. Petersburg, Piter, Minsk, Piter, 2019, 606 p. (in Russ.).

Hubner D. Human Dignity, Human Rights and Instrumentalisation, *The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts*. Utrecht, October 11–13, Utrecht, 2016.

Ilyin I.A. *On the essence of Legal Consciousness*, Moscow, Russkaya kniga, 1994, 310 p. (in Russ.).

International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

International Declaration on Human Genetic Data (16 October 2003), available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Iorysh A.I. Legal and Ethical Problems of Human Cloning, *State and Law*, 1998, no. 11, pp. 87-93. (in Russ.).

Judgment by the European Court of Human Rights on May 26, 2011. Application No. 27617/04 In the case of R.R. v Poland, available at: <https://rm.coe.int/16806f12a1> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Judgment by the Grand Chamber on April 10, 2007. Application No. 6339/05 In the case of Evans v. United Kingdom, *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka : Ros. izd.*, 2007, no. 10. (in Russ.).

Judgment by the Grand Chamber on July 08, 2004. Application No. 53924/00 In the case of VO v. France, *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka : Ros. izd.*, 2004, no. 12, pp. 30. (in Russ.).

Kateb G. *Human Dignity*, Cambridge, Mass., London, Harvard Univ. Press, 2011, 256 p.

Kravets I.A. The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms, *Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 93-104. DOI 10.25205/2542-0410-2019-15-2-93-104. (in Russ.).

Kruss V.I. Personal (Somatic) Human Rights in the Constitutional and Philosophical-Legal Dimension: to the Formulation of the Problem, *State and Law*, 2000, no. 10, pp. 43-50. (in Russ.).

Lavrik M.A. *Guarantees of Constitutional Human Rights: Somatic Aspect : dissertation*, Irkutsk, 2006, 232 p. (in Russ.).

Lavrik M.A. Human Rights: Innovations in Understanding and Legal Fixation, *Lex russica (The Russian Law)*, 2006, no. 1, pp. 147-151. (in Russ.).

Lavrik M.A. *Right Body. Somatic Human Rights: a View From Siberia*, Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, 228 p. (in Russ.).

Lavrik M.A. The Theory of Somatic Human Rights, *Siberian Law Herald*, 2005, no. 3, pp. 16-26. (in Russ.).

Lukasheva E.A. (resp. ed.) *Human Rights: Textbook for Univ.*, Moscow, Norma-Infra-M, 1999, 573 p. (in Russ.).

Makarov V. *Scientists Have Created an Artificial Human Embryo from Stem Cells, July 04, 2019*, available at: <https://www.popmech.ru/science/news-491512-uchenye-sozdali-iskusstvennyy-embrion-cheloveka-iz-stvolovyh-kletok/> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Maleina M.N. Role of Legal Principles in Eliminating and Minimizing the Risks of Genomic Technologies, *Lex russica (The Russian Law)*, 2019, no. 8, pp. 121-128. DOI 10.17803/1729-5920.2019.153.8.121-128. (in Russ.).

Morozov V. Dignity, *Filosofskaya entsiklopediya*, in 5 vols., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1962, vol. 2, pp. 58-60. (in Russ.).

Nesmeyanova S.E. *Judicial Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation With Comments*, Moscow, Prospekt, 2007, 480 p. (in Russ.).

Nevinsky V.V. Essence of the Universalization of Constitutional Values in Modern Society, *Lex russica (The Russian Law)*, 2018, no. 11, pp. 106-120. DOI 10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121. (in Russ.).

Nevinsky V.V. *The Citizen and the Fundamental Principles of the Constitution of the Federal Republic of Germany : dissertation*, Yekaterinburg, 1994, 404 p. (in Russ.).

Nevinsky V.V. The Constitution of the Russian Federation and Dignity of a Person (Recollection of the Future), *Constitutional and Municipal Law*, 2013, no. 11, pp. 48-54. (in Russ.).

Nikitina E.E. The System of Human Rights and Freedoms in the Context of the Technological Revolution, *Journal of Russian Law*, 2020, no. 8, pp. 27-44. DOI 10.12737/jrl.2020.092. (in Russ.).

O'Mahony C. There is No Such Thing as a Right to Dignity, *Journal Constitutional Law*, 2012, vol 10, no. 2, pp. 551-574. DOI 10.1093/icon/mos010.

Oyola S.M.R. *Human Dignity in Times of Transition, The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13*, Utrecht, 2016.

Pankratova E.A., Perevozchikova E.V. The Constitutional Right to Life and the Legal Status of the Human Embryo, *Medical Law*, 2006, no. 2, pp. 16-23. (in Russ.).

Protopopova T.V. *The Dignity of the Individual in Jurisprudence*, Saarbrücken, LAP LAMBERT Akademik Publishing, 2015, 265 p. (in Russ.).

Rawls J. *Political Liberalism*, New York, Colombia Univ. Press, 1993, xxxiv, 401 p.

Rawls J. *The Law of Peoples, with The Idea of Public Reason Revisited*, Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 2001, viii, 200 p.

Recommendation 1046 (1986) (1) on the Use of Human Embryos and Fetuses for Diagnostic, Therapeutic, Scientific, Industrial and Commercial Purposes, available at: <https://xn--80aagahqwyibe8an.com/es-fundamentalne-zakonodavstvo/rekomendatsiya-1046-1986-ispolzovaniyu170985.html> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Record of consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation on May 20, 2021 of the case on checking the constitutionality of Article 3 of the Federal Law "On additional measures of state support for families with children", available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Sessions/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=198> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Resolution adopted by the General Assembly on 8 March 2005, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Resolution of the Council of Ministers of the Union State No. 26 dated June 16, 2017 "On the Scientific and Technical Program of the Union State "Development of innovative geogeographic and genomic technologies for identification of personality and individual characteristics of a person based on the study of the gene pools of the regions of the Union State" ("DNA identification")" (adopted in St. Petersburg on June 16, 2017), available at: <https://base.garant.ru/71728692/> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Resolution of the Government of the Russian Federation No. 479 dated April 22, 2019 "On Approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027", available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72128722/> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Riley S. Human Dignity and Institutions: The Changing Circumstances of Justice, *The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13*, Utrecht, 2016.

Rudinsky F.M. *Democracy and the Dignity of the Individual*, Moscow, Nauka, 1983, 167 p. (in Russ.).

Siluyanova I.V., Saburova V.I., Chernega K.A., Pershin M.S., Lyaush L.B., Chindin I.V., Sushko N.A., Makeeva I.S., Bolkhovitinova S.A. Moral and Ethical Problems of Embryo Status : Topic 4, *Izbrannyye lektsii kafedry biomeditsinskoy etiki Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, available at: https://rsmu.ru/fileadmin/templates/DOC/Faculties/LF/bioethics/ucheb_materiali/lektsii/subject4.pdf (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Spasskaya D. *Editing continues, May 20, 2021*, available at: <https://nplus1.ru/blog/2021/05/20/rebrikov-goes-on> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Stanton Collett T. Fetal Pain Legislation: Is it Viable?, *Pepperdine Law Review*, 2003, vol. 30, iss. 2, pp. 161–184, available at: <https://digitalcommons.pepperdine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1294&context=plr> (accessed October 01, 2021).

The Protection of the Human Embryo in vitro : Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus (CDBI-CO-GT3), Strasburg, 2003, 50 p. (in Russ.).

Thomsen M. *Japan Bans implanting gene edited human embryo in preemptive crackdown on the 'designer baby' craze, December 05, 2019*, available at: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-7761711/Japans-health-ministry-recommends-ban-implanting-human-gene-edited-human-embryoes.html> (accessed October 01, 2021).

Tulchinsky G.L. The Modern Humanitarian Paradigm: Humanitarianism Versus Humanism?, *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2004, no. 1, pp. 6–11. (in Russ.).

United Nations Charter, available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Universal Declaration of Human Rights. Adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) of December 10, 1948, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Universal Declaration on Bioethics and Human Rights, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Varlen M.V., Mashkova K.V., Zenin S.S., Bartsits A.L., Suvorov G.N. Issues of Determination of Limits of State Interference with Organization and Carrying out of Genomic Research Considering Practical and Functional Values of Self-Regulation by the Professional Community, *State Power and Local Self-government*, 2019, no. 8, pp. 5–64. DOI 10.18572/1813-1247-2019-8-56-64. (in Russ.).

Vlasova O.V. *Human Dignity as a Moral and Legal Value: general theoretical research : dissertation*, Khanty-Mansiysk, 2011, 417 p. (in Russ.).

Wachtendorf Th. The Dignity of Man as a Mythological Concept, *The Future of Human Dignity : Bundled Abstracts. Utrecht, October 11–13, Utrecht, 2016*, pp. 33.

Waldron J.J. Is Dignity the Foundation of Human Rights?, *Public Law and Legal Theory Research Paper Series : Working Papers*, 2013, no. 12-73, 30 p. DOI 10.2139/ssrn.2196074.

Yusubov E.S. A Man – the Supreme Value as a Philosophical and Constitutional Maxim, *Constitutional and Municipal Law*, 2018, no. 11, pp. 15-19. (in Russ.).

Zharova A.K. The Policy of Genome Information use for Secondary Research Purposes. On the Example of Great Britain, *Jurist*, 2020, no. 7, pp. 56-61. DOI 10.18572/1812-3929-2020-7-56-61. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылатова Ирина Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического
университета, Директор Центра биоэтики и
права УрГЮУ, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4624-998X>;
SPIN-код: 5907-2466;
E-mail: krylatova_ij@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Krylatova

Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Constitutional Law, Ural
State Law University, Director of the Centre
of Bioethics and Law,
Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4624-998X>;
SPIN-код: 5907-2466;
E-mail: krylatova_ij@mail.ru

Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е. Несмеянова С.Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации. DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_135 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 135–163.

УДК 342.727

DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_135

Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации

Артур Николаевич Мочалов

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Наталья Евгеньевна Колобаева

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: kne003@usla.ru

Светлана Эдуардовна Несмеянова

Уральский государственный юридический университет
г. Екатеринбург, Россия
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

*Поступила в редакцию 14.05.2021, поступила после рецензирования 03.10.2021,
принята к публикации 18.10.2021*

В статье представлена авторская позиция по поводу права на доступ в Интернет. Данное право может рассматриваться в качестве субъективного права человека, однако оно является не фундаментальным, а производным. Доказывая этот тезис, авторы последовательно анализируют юридическое содержание данного права и механизм его реализации. В результате делается вывод, что правомочия, составляющие юридическое содержание права на доступ в Интернет, охватываются уже существующими основными правами и свободами, признаваемыми на международном уровне. Механизм реализации права на доступ в Интернет, по мнению авторов, является многосоставным, поскольку вбирает в себя элементы механизмов реализации других субъективных прав и свобод. В связи с этим гарантии реализации права на доступ в Интернет подразделяются на негативные, направленные на обеспечение личной свободы, автономии индивидов и невмешательства в сферу их

© Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е., Несмеянова С.Э., 2021

частной жизни, и позитивные, предполагающие активные действия государств по созданию условий для предоставления всем жителям возможности равного доступа к Глобальной сети без дискриминации и по разумной цене. Результатом реализации права на доступ в Интернет является не просто расширение инструментария поиска, получение и распространение информации, а приобщение индивида к глобальному информационному обществу, открывающему широкие возможности для осуществления многих других прав и свобод на качественно новом уровне. В статье также приведен анализ основных международных документов в сфере обеспечения доступа к сети Интернет, а также рассмотрено регулирование данного вопроса на национальном уровне в ряде государств. На основе сравнительно-правового изучения регулирования доступа в Интернет в разных странах авторы приходят к выводу, что в настоящее время невозможно сформулировать единый подход к определению содержания рассматриваемого права и механизмов его реализации, который носил бы достаточно универсальный характер и был бы удовлетворительным с точки зрения как международного права, так и национальных правовых систем. Поэтому авторы статьи усматривают необходимость дальнейшей доктринальной разработки права на доступ в Интернет и выработки международных стандартов доступа в Интернет.

Ключевые слова: Интернет, доступ в Интернет, право на доступ в Интернет, права человека, субъективное право, глобальное информационное общество, право на информацию, свобода выражения мнений, гарантии прав человека

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16204.

The Right to Access the Internet: its Legal Content and the Mechanism of Implementation

Artur N. Mochalov

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Natalia E. Kolobaeva

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: kne003@usla.ru

Svetlana E. Nesmeyanova

Urals State Law University,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Received 14.05.2021, revised 03.10.2021, accepted 18.10.2021

Abstract. The article presents the authors' position on the right to access the Internet. According to the authors, this right can be considered as a human right. Nevertheless, this right is not fundamental; it can be derived from internationally recognized human rights and freedoms. Proving this thesis, the authors analyze the legal content of the right as well as the legal mechanism of its enjoyment by individuals. The authors come to the conclusion that all legal possibilities covered by the right to access the Internet are guaranteed by the existing fundamental rights. According to the authors, the right to access the Internet has a multi-component legal mechanism of enjoyment involving the elements of mechanisms provided by other human rights and freedoms. In this regard, the system of guarantees of this right includes both negative guarantees (aimed at ensuring personal freedom, autonomy of individuals and non-interference in their private life), and positive ones (requiring the states' active actions to create conditions for providing equal opportunities for getting access to the global computer network without discrimination and at a reasonable price). The authors argue that exercising the right to access the Internet by individuals lead to the result that does not repeat the results of enjoyment of other rights and freedoms. This result is not a mere expansion of the tools for searching, receiving and disseminating information. It consists in involving an individual to the global information society, which opens up wide opportunities for enjoying many other rights and freedoms, at a qualitatively new level. The article also provides an analysis of the main international documents in the field of providing access to the Internet and regulating this issue at the national level. Based on a comparative legal study of the regulation of Internet access in various countries, the authors come to the conclusion that at present it is impossible to formulate a uniform approach to determining the content of the right and the mechanisms for its enjoyment, which would be sufficiently universal and would be satisfactory from the point of view of both international law and national legal systems. In this, the authors of the article see the need for further doctrinal development of the right to access the Internet and elaboration of international standards in this field.

Keywords: Internet; access to the Internet; the right to access the Internet; human rights; subjective rights; the global information society; the right to information; freedom of expression; human rights guarantees

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the scientific project No. 18-29-16204.

For citation: Mochalov A.N., Kolobaeva N.E., Nesmeyanova S.E. The Right to Access the Internet: its Legal Content and the Mechanism of Implementation, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 135-163. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_4_135.

Введение. Каждый год Специальным докладчиком ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение публикуется тематический доклад, посвященный определенному аспекту реализации данного права. Доклад 2011 г. (далее также – Доклад Франка Ла Рю), которому исполняется десять лет, вызвал наиболее широкие дискуссии среди политиков, ученых и гражданских активистов: в нем впервые на столь высоком уровне всеобщий доступ в Интернет был рассмотрен с позиций фундаментальных прав человека. «...Обеспечение всеобщего доступа к Интернету должно быть приоритетом для всех государств, – говорилось в Докладе. – В этой связи всем

государствам следует разработать конкретную и эффективную политику... чтобы позволить всем слоям общества на практике активно и недорого пользоваться Интернетом» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 85). Специальный докладчик ООН Франк Ла Рю призвал государства «как можно меньше ограничивать распространение информации через Интернет, за исключением отдельных, исключительных и ограниченных обстоятельств, предусмотренных международным правом прав человека» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 58).

Вскоре после публикации Доклада в «Wired Magazine»¹ вышла статья под заголовком «Доклад ООН признал доступ в Интернет правом человека». Затем под схожими заголовками появились публикации в ряде русскоязычных средств массовой информации² и даже на официальном сайте профильного федерального министерства³. В действительности ни о каком признании права на доступ в Интернет в качестве нового (тем более «неотъемлемого») права человека в Докладе не говорилось. Тем не менее сама попытка рассмотреть доступ к Глобальной сети сквозь призму международного права прав человека и лежащих в его основе принципов равенства и справедливости во многом определила тренды академической дискуссии последующего десятилетия. Правоведы все чаще стали задаваться вопросом о том, можно ли называть доступ в Интернет «правом человека», и если да, то можно ли его ставить в один ряд с другими признанными фундаментальными правами.

В научной литературе встречается как оптимистичный взгляд на доступ в Интернет как на зарождающееся «новое фундаментальное право» (Талапина 2016; Хуснутдинов 2017; Щербович 2015а), так и более сдержанная точка зрения, согласно которой говорить о праве на доступ в Интернет как о самостоятельном явлении пока преждевременно, поскольку для этого отсутствуют как юридические, так и политико-идеологические основания (Tully 2014; Szoszkiewicz 2018; Максимов 2019).

Всякому субъективному праву (то есть мере возможного поведения индивида, признаваемой и обеспечиваемой государством посредством законодательно установленной системы гарантий) присущи как минимум два обязательных атрибута: собственное юридическое содержание (набор определенных правомочий – дозволяемых действий, которые может осуществлять субъект, использующий данное право) и собственный механизм реализации (набор гарантий, обеспечивающих достижение

¹ U.N. Report Declares Internet Access a Human Right. URL: <https://www.wired.com/2011/06/internet-a-human-right/> (дата обращения: 30.04.2021).

² См., напр.: ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым. URL: <https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html>; ООН признала доступ в Интернет неотъемлемым правом человека. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1747166> (дата обращения: 30.04.2021).

³ ООН провозгласила свободный доступ к Интернету одним из пунктов перечня фундаментальных прав человека. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/27964/> (дата обращения: 30.04.2021).

желаемого результата осуществления права всяким заинтересованным субъектом). Поэтому для того, чтобы ответить на вопрос, можно ли рассматривать доступ в Интернет как отдельное субъективное право человека, необходимо установить наличие у него этих атрибутов. При этом очевидно, что юридические аспекты доступа в Интернет не могут быть осмыслены вне международно-правового и идейного контекста, в котором разрабатывался Доклад Франка Ла Рю и другие документы, посвященные регулированию данного вопроса, а также инициатив, которые были реализованы отдельными государствами в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

1. Идейные основания права на доступ к сети Интернет

Джон Пенни в работе, содержащей развернутый анализ предложенной в Докладе Франка Ла Рю концепции права на доступ в Интернет (Penney 2011), выделяет три основных интеллектуальных течения, оказавших влияние на формирование данной концепции. Это доктрина *free flow, киберлибертарианство* и доктрина *New World Information and Communication Order* (далее – доктрина NWICO).

Доктрина free flow («свободного потока» информации) была выдвинута Соединенными Штатами Америки и их западноевропейскими союзниками после Второй мировой войны. Ее суть состояла в признании и максимальной поддержке свободного и неограниченного обмена информацией по всему миру. Свободный информационный обмен через государственные границы рассматривался в то время как инструмент нивелирования военной пропаганды со стороны правительств ряда стран. Государственная пропаганда, по замыслу авторов идеи, должна была утратить эффективность, растворившись в потоке свободно обращающейся разноплановой и разнонаправленной информации. Утилитарное значение *free flow* заключалось в преодолении установленных отдельными странами в условиях военного времени ограничений на вещание зарубежных радиостанций.

Доктрина нашла поддержку в ООН и легла в основу информационных прав и свобод человека, получивших закрепление в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (далее – ВДПЧ), а спустя почти два десятилетия – в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП). В ст. 19 ВДПЧ гарантируется право каждого человека на свободу убеждений и их свободное выражение «независимо от государственных границ». Неотъемлемым элементом указанного права была провозглашена «свобода искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами» (Всеобщая декларация..., 1948: ст. 19).

Технологии Интернета создали беспрецедентные возможности для мгновенного обмена большими объемами информации во всем мире. В отличие от прессы, телевидения и радиовещания, где существует четкое разделение на тех, кто создает и распространяет массовую информацию, и тех, кто ее потребляет, современный Интернет и лежащая в его основе

сетевая архитектура *Web 2.0* стирают грань между первыми и вторыми. Каждый интернет-пользователь способен выступать не только пассивным получателем информации, но и ее активным производителем и распространителем. Поэтому Интернет стал практически идеальной средой для воплощения идеи *free flow* в том виде, в каком она получила закрепление в основополагающих международных документах о правах человека. В результате свободный и равный доступ каждого человека в Интернет становится действительно важной гарантией реализации свободы выражения мнения и права на информацию, что констатируется в п. 19 и 20 Доклада Франка Ла Рю.

Киберлибертарианство («сетевое либертарианство») возникло в последнее десятилетие XX в. в среде идеологов «свободного Интернета» – преимущественно американских правоведов и политических философов (Дж. Барлоу, Э. Тоффлер, Л. Лессиг, Й. Бенклер и др.), ставших первопроходцами в осмыслении глобального цифрового мира и роли прав человека в нем. Восприняв ключевые идеи доктрины *free flow* и соединив их с либертарными политическими взглядами, киберлибертарианцы предложили рассматривать Интернет в качестве полностью свободного от государственного вмешательства пространства, где ограничения должны быть минимальными и устанавливаться посредством саморегулирования. Полная свобода Интернета от государства и государственного регулирования – постулат, занимающий центральное место в рассматриваемой интеллектуальной традиции. Важным компонентом зарождающейся на основе Интернета глобальной культуры, по мнению киберлибертарианцев, должна стать возможность и свобода каждого человека связываться с любым другим человеком в любое время, в любом месте и по любому поводу (Penney 2011: 16-17). Известный киберлибертарианец Дж. Барлоу в опубликованном в 1996 г. программном документе под названием «Декларация независимости Киберпространства» отмечал, что киберпространство – это «мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения... где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения... не испытывая страха, что его принудят к молчанию или согласию с мнением большинства» (здесь и далее перевод наш. – *Авт.*)¹.

Для киберлибертарианцев доступ в Интернет – это не просто возможность свободного обмена мнениями и идеями. Это путь к свободе от принуждения, свободе от государства. Право на доступ в Интернет трактуется ими как право каждого человека стать частью создаваемого цифрового общества и пользоваться его благами (Frosini 2014: 7-8). Такая интерпретация созвучна идеям американского социального философа Дж. Рифкина, заметившего в своем исследовании о праве собственности, что в современной экономике доступ к активам стал важнее, чем владение ими (Rifkin 2000).

¹Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 30.04.2021).

При всей спорности новаторских, но довольно радикальных идей киберлибертарианцев (большинство из которых ожидаемо не нашли широкой поддержки правительством и международных организаций) необходимо согласиться с их тезисом о том, что доступ в Интернет сегодня значит для человека гораздо больше, чем просто получение еще одного средства коммуникации. Интернет открывает доступ к огромному массиву знаний и идей, к инфраструктуре глобальной коммуникации, к услугам, оказываемым государственными учреждениями и частными компаниями. Интернет заложил основу для формирования глобального информационного общества. Данный аспект права на доступ в Интернет не остался незамеченным в Докладе Франка Ла Рю: «Интернет, значительно расширяя возможности людей осуществлять свое право на свободу мнений и их свободное выражение, служит “активизатором” других прав человека, содействует экономическому, социальному и политическому развитию, а также развитию человечества в целом» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 67).

Доктрина NWICO («Новый мировой информационный и коммуникационный порядок») – третья доктрина, оказавшая влияние на развитие концепции права на доступ в Интернет. Она была сформулирована на рубеже 1970–1980–х гг. в документах ЮНЕСКО, в частности в Докладе Комиссии Макбрайда 1980 г., как альтернатива *free flow*. К тому времени реализация принципа свободного обмена информацией стала вызывать все большие возражения со стороны стран третьего мира, особенно после получения независимости африканскими государствами. Причиной была непропорциональность информационных потоков: основная часть массовой информации шла в одном направлении – с Запада на Восток. Она распространялась влиятельными телерадиокомпаниями США и ряда западноевропейских стран, располагавшими широкой корреспондентской сетью и доступом к развитой вещательной инфраструктуре, в том числе к средствам спутникового вещания, позволявшего покрывать сигналом весь мир. Плюрализм мнений и идей на деле оборачивался монополией крупных игроков глобального медиарынка.

Доктрина NWICO хотя и признавала важность права на коммуникацию, свободы выражения мнений и плюрализма идей, но отвергала возможность неограниченного информационного обмена (Penney 2011: 35). В Докладе Макбрайда акцент был сделан на преодолении неравенства в области информации и коммуникации, устранении негативных эффектов от монополизации и сверхконцентрации в данной сфере, поддержке развивающихся стран в их стремлении развивать собственную информационно-коммуникационную инфраструктуру, уважении культурной идентичности народов (Виноградова, Мельник 2012: 240).

Появление Интернета сыграло двоякую роль в преодолении дисбаланса информационных потоков. С одной стороны, его широкое распространение в ряде стран и регионов позволило устранить монополию традиционных производителей массовой информации и расширить возможности свободного распространения взглядов, мнений и

идей. С другой стороны, технологическое отставание отдельных стран и концентрация значительной части интернет-инфраструктуры и поставщиков интернет-сервисов в Соединенных Штатах Америки обусловили возникновение цифрового разрыва между государствами и между различными слоями населения. В Докладе Франка Ла Рю было высказано опасение, что «без доступа к Интернету... маргинальные группы и развивающиеся страны становятся заложниками своего неблагоприятного положения, что усугубляет неравенство внутри государств и между ними» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 62).

Но и там, где Интернет получил широкое распространение, последствия развития информационных технологий также оказались не столь однозначными. Сыграв ведущую роль в преодолении монополии традиционных элит на распространение информации в странах Ближнего Востока, Интернет стал катализатором начавшейся в 2011 г. серии массовых беспорядков и попыток государственных переворотов («арабской весны»). Примечательно, что мобилизация протестной активности населения осуществлялась в основном через интернет-ресурсы (социальные сети, блог-платформы), управляемые компаниями, зарегистрированными в США, на фоне быстрого роста числа пользователей этих ресурсов (Шишкина, Исаев 2019: 44-60). Ответом правительств ряда стран (в основном тех, где действовали авторитарные режимы) стало массовое отключение Интернета и блокирование доступа к крупным иностранным интернет-сервисам и платформам. События «арабской весны» также получили отражение в Докладе Франка Ла Рю (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 2, 30), а в п. 79 данного документа Специальный докладчик прямо призвал все государства «обеспечивать постоянный доступ к Интернету, в том числе в период политических волнений».

Итак, перечисленные интеллектуальные традиции послужили идейным базисом современной концепции права на доступ в Интернет, оказав влияние (каждая в определенной мере) на подходы, сформировавшиеся в международном праве, а также в отдельных национальных правовых системах.

2. Доступ в Интернет в современном международном праве: право человека или условие реализации человеком своих прав?

Доклад Франка Ла Рю 2011 г. не был первым международным документом, констатировавшим важность доступа в Интернет для реализации прав человека. С начала 2000-х гг. в международную политическую и правовую повестку начинает активно проникать тема построения глобального информационного общества. Всеобщий и свободный доступ каждого человека к Интернету ожидаемо стал рассматриваться в качестве его неотъемлемого условия. Декларация тысячелетия ООН 2000 г. закрепила обязательство государств «принять меры к тому, чтобы все могли пользоваться благами новых технологий, особенно информационных и коммуникационных технологий» (Декларация тысячелетия...,

2000). В том же году главами государств и правительств «Большой восьмерки» (G8) была принята Окинавская хартия глобального информационного общества. Данный документ, как и Декларация тысячелетия, не имеет силы международного договора и является скорее политической программой, однако отражает стремление государств к тому, чтобы все люди повсеместно имели возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества. В числе направлений стимулирования перехода к информационному обществу Хартия назвала «разработку информационных сетей, обеспечивающих быстрый, надежный, безопасный и экономичный доступ с помощью конкурентных рыночных условий и соответствующих нововведений к сетевым технологиям, их обслуживанию и применению» (Окинавская хартия..., 2000). Пункт 10 Хартии декларирует, что возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям должен иметь каждый человек.

По итогам Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, состоявшейся в декабре 2003 г. в Женеве и организованной ООН и Международным союзом электросвязи, была принята Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Документ провозгласил в качестве «необходимого фундамента информационного общества» право каждого человека на свободу убеждений и на свободное их выражение (п. 4), а в числе «главных факторов построения информационного общества» назвал «обеспечение подключения» (п. 19(2), указав на то, что «предоставление универсального, повсеместного, справедливого и приемлемого в ценовом отношении доступа к инфраструктуре ИКТ (информационно-телекоммуникационных технологий. – Авт.) и услугам на базе ИКТ составляет одну из задач информационного общества и должно стать целью всех заинтересованных сторон, участвующих в его построении» (Декларация принципов..., 2003). Заметим, что п. 9 Декларации подчеркивает: информационно-коммуникационные технологии должны рассматриваться именно как инструмент, но не как самоцель.

Вопросы обеспечения доступа в Интернет нашли отражение в документах не только ООН, но и других международных организаций. 15 октября 2003 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла Рекомендацию о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству (Рекомендация о развитии..., 2003). Согласно п. 6 Рекомендации «государствам-членам и международным организациям следует признать и оказывать поддержку всеобщему доступу к Интернету в качестве одного из средств содействия осуществлению прав человека, указанных в статьях 19 и 27 Всеобщей декларации прав человека» (последняя из названных статей гарантирует право каждого человека участвовать в культурной жизни, в научном прогрессе и пользоваться их благами). Согласно Решению № 633 Постоянного совета ОБСЕ от 7 декабря 2004 г. «государствам-участникам следует предпринять меры к тому, чтобы Интернет оставался открытым и общедоступным форумом, обеспечивающим свободу мнений и свободу выражения, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека,

и способствовать расширению доступа в Интернет как через домашние подключения, так и через учебные заведения»¹. Среди документов Совета Европы следует выделить Декларацию Комитета министров СМ(2005)56 «Права человека и верховенство закона в информационном обществе»² и рекомендации Комитета министров СМ/Rec(2007)16 «О мерах по повышению ценности Интернета как общественной службы»³ и СМ/Rec(2008)6 «О мерах по поощрению и соблюдению свободы самовыражения и информации, касающихся интернет-фильтров»⁴.

Практически все международные документы (включая Доклад Франка Ла Рю) избегают называть доступ в Интернет правом человека и определяют его как условие или средство реализации индивидами своих прав и свобод. В них «речь идет не о том, чтобы закрепить... право на доступ в Интернет, а лишь о том, чтобы расширить возможности Интернета как средства реализации конституционных прав» (Щербович 2015b: 47). На этом фоне выделяется позиция Европейского суда по правам человека, который рассуждает о доступе в Интернет именно как о субъективном праве. В 2012 г. в решении по делу «Ахмет Йылдырым против Турции»⁵ он пришел к выводу, что право на доступ в Интернет защищается конституционными гарантиями, применимыми к праву на свободу выражения мнения и свободу получения идей и информации, и считается неотъемлемой частью указанного права. Суд не провозгласил право на доступ в Интернет в качестве нового фундаментального права человека, а вывел его из свободы выражения мнения (Конвенция о защите прав..., 1950: ст. 10) в качестве производного права: «Из общих гарантий, защищающих свободу выражения мнения, можно заключить, что должно быть признано и право на беспрепятственный доступ к Интернету»⁶. В более позднем решении Европейский суд по правам человека отметил: «Доступ к Интернету все более признается как право, и были озвучены призывы развивать эффективные политики для обеспечения всемирного доступа к Интернету и для преодоления «цифрового разрыва»» (Постановление..., 2016).

Как видно из приведенного обзора документов, свобода выражения мнений и право на информацию являются юридическим стержнем, вокруг которого строится международно-правовая концепция доступа к Интернету (как и концепция глобального информационного общества). В числе международно-правовых оснований доступа к Интернету следовало бы рассматривать и подп. «b» п. 1 ст. 15 Международного пакта об экономиче-

¹ Интернет: сохранение свободы Глобальной сети. Информация Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/0/194886.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

² URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805dala0

³ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31245646&pos=2;-106#pos=2;-106

⁴ URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805d3c4a

⁵ ECtHR Decision Ahmet Yildirim v. Turkey. 18 Dec. 2012 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 6.

⁶ Там же.

ских, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП), закрепляющий право каждого человека на пользование результатами научного прогресса и их практического применения (Szozzkiewicz 2018: 57-58). Однако этот аспект доступа к Глобальной сети пока не получил должного осмысления ни в документах международных организаций, ни в доктрине.

Вместе с тем в международных актах подчеркивается позитивная роль доступа в Интернет для реализации не только свободы выражения мнений и права на информацию, но и других прав человека. В Совместной декларации 2011 г. «О свободе выражения мнения в Интернете», подписанной Франком Ла Рю со стороны ООН, а также специальными докладчиками по свободе выражения мнений Организации американских государств и Африканской комиссии по правам человека и народов и представителем ОБСЕ по вопросам свободы СМИ, провозглашалось, что доступ в Интернет следует рассматривать как гарантию соблюдения не только свободы выражения мнений, но и других прав – на здравоохранение, на труд, на свободу собраний и ассоциаций, на свободные выборы и т.д. (Совместная декларация о свободе..., 2011: п. 6 (а). В Докладе Франка Ла Рю Интернет назван также важным образовательным инструментом и подчеркнута, что «преимущества в сфере образования, которые получают пользователи Интернета, напрямую способствуют развитию человеческого потенциала государств» (Доклад Специального докладчика..., 2011: п. 62).

Значимость доступа в Интернет для реализации широкого круга прав человека получила подтверждение в Резолюции Совета по правам человека ООН от 27 июня 2016 г., указавшей на важность «применения правозащитного подхода в обеспечении и расширении доступа к Интернету» (Резолюция Совета..., 2016). Заметим, что Совет по правам человека, декларируя «правозащитный подход», в то же время вновь воздержался от квалификации доступа в Интернет в качестве права человека. Вероятной причиной этого является отсутствие единого понимания содержания указанного права в законодательстве различных государств.

3. Право на доступ в Интернет в законодательстве иностранных государств

Некоторые государства, в отличие от международных организаций, пошли по пути прямого или косвенного признания в своем законодательстве права на доступ в Интернет. А.С. Шатилина, анализируя подходы различных стран, группирует их следующим образом:

- признание права на доступ в Интернет в составе права на информацию и связь, которое гарантируется Конституцией (Кипр, Эстония, Грузия, Греция, Португалия, Украина; данный автор относит к этой группе стран и Россию);
- закрепление права на доступ в Интернет в специальном законодательстве, как правило, в законах о телекоммуникациях (Албания, Финляндия, Франция, Германия, Венгрия, Черногория, Испания, Турция, Туркменистан) (Шатилина 2018).

Отметим также, что не существует единообразия источников, в которых закрепляется право на доступ в Интернет. В одних странах такое право может быть прямо зафиксировано в законодательных актах, в других – вытекать из толкования правоприменительных органов, прежде всего судов. Наконец, в нескольких государствах намеки на существование этого права можно найти непосредственно в конституциях. Между тем конкретный способ нормативной фиксации права носит во многом юридико-технический характер. Более важным представляется то, как гарантированы со стороны государства возможности доступа в Интернет, а также то, какой объем правомочий, то есть конкретных гарантированных возможностей человека действовать тем или иным образом, входит в состав данного права. Обзор, который мы приведем ниже, не претендует на статус исчерпывающего, он лишь преследует цель продемонстрировать разнообразие подходов, складывающихся в правовых системах различных стран.

Одним из первых государств право на доступ в Интернет в качестве «права, необходимого для жизни в 21-м веке», провозгласила в 2000 г. Эстония (Tully 2014: 178). Несмотря на то, что первоначально единственной гарантией указанного права была организация центров доступа в Интернет в библиотеках, эстонскому правительству в дальнейшем удалось реализовать ряд инициатив, позволивших создать систему электронного государства *e-Estonia* («электронная Эстония»), действие которой сегодня выходит далеко за пределы традиционного инструментария реализации гражданами свободы выражения мнений и права на информацию (Хуснутдинов 2017: 115). На официальном сайте системы Эстония названа первым в мире государством, действующим в виде электронной услуги, где цифровые сервисы позволяют как гражданам страны, так и иностранцам «создать через интернет предприятие, ставить на документах цифровую подпись и посылать документы в зашифрованном виде, осуществлять в интернет-банке безопасные сделки и подавать декларацию о доходах в электронном виде»¹.

В Италии Кодекс цифровой администрации, утвержденный в 2005 г. законодательным декретом № 82/2005, ввел понятие «статус цифрового гражданина», означающее обязанность всех органов и должностных лиц взаимодействовать с гражданами республики в электронной форме, если они того пожелают. Ранее в Италии был принят Закон № 4/2004, установивший гарантии доступа инвалидов к компьютерным системам и сервисам, предоставляемым посредством таких систем. В ст. 1 данного закона, провозглашавшей право на доступ в Интернет, такое право определялось (со ссылкой на ст. 3 Конституции Италии) как инструмент достижения равенства между гражданами. Тренд на цифровизацию государственного управления был поддержан и Конституционным судом Италии, отметившим в Решении № 307 (2004), что «общий интерес, особенно в сфере культурного развития, достигается посредством циф-

¹E-Estonia. URL: <https://estonia.ee/> (дата обращения: 30.04.2021).

ровых инструментов, которые Италия должна стремиться использовать на всех уровнях» (Frosini 2014: 8-9).

Еще одной страной, где право на доступ в Интернет закреплено нормативно, является Финляндия. В 2009 г. Министерство транспорта и коммуникаций этого государства издало Указ № 732/2009, согласно которому все должны быть подключены к Интернету, работающему со скоростью не менее 1 мегабита в секунду. Первой же европейской страной, разработавшей стратегию развития широкополосной связи, в 1999 г. стала Швеция.

В ряде стран право на доступ в Интернет, даже не будучи закрепленным в законодательстве, получило поддержку со стороны судов и органов конституционного контроля. Конституционный совет Франции в решении от 10 июня 2009 г. отметил, что, «принимая во внимание развитие сервисов публичных онлайн-коммуникаций и их значение для демократического участия и свободного выражения идей и мнений, данное право [на свободное выражение идей и мнений] предполагает свободный доступ к указанным сервисам» (Constitutional Council..., 2009). В схожем ключе высказался в 2013 г. Федеральный суд ФРГ, отметивший, что Интернет играет важную роль в жизни большинства граждан и его отсутствие сказывается на их повседневной деятельности¹.

О признании доступа в Интернет в качестве отдельного права высказались органы конституционного контроля и ряда стран за пределами Европейского континента. «В контексте общества, базирующегося на информации или знаниях, на органы публичной власти возлагается обязанность гарантировать всем, кто находится под их юрисдикцией, всеобщий доступ к новым технологиям и содействовать в получении такого доступа», – говорится в одном из решений Конституционного суда Коста-Рики (Sentencia 12790...). Подход к юридической оценке доступа в Интернет в контексте прав человека был поддержан в 2020 г. и Верховным судом Индии, рассматривавшим дело об отключении от Интернета летом 2019 г. территории бывшего штата Джамму и Кашмир в целях подавления протестов. В таком отключении суд усмотрел нарушение прав человека, гарантированных ст. 19 Конституции страны, в частности права на свободу слова и выражение мнения и права «практиковать любую профессию или иметь любое занятие»². Суд отметил, что решение об ограничении доступа в Интернет должно быть опубликовано и подлежать судебному контролю, не может приниматься на неопределенный срок, а сама данная мера должна быть необходимой

¹ Internet access declared a basic right in Germany. URL: <https://www.dw.com/en/internet-access-declared-a-basic-right-in-germany/a-16553916> (дата обращения: 30.04.2021).

² Access to internet is a fundamental right, says Supreme Court. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/access-to-internet-is-a-fundamental-right-says-supreme-court/story-miomQARGJTy7Cz1WPazENI.html> (дата обращения: 30.04.2021).

³ Ibid.

и неизбежной, при этом мнение должностного лица, принимающего такое решение, само по себе еще не свидетельствует о существовании необходимости. В сентябре 2019 г. Высший суд индийского штата Керала – первым в стране – отнес право на доступ в Интернет к правам человека. Примечательно, что данное право суд рассматривал в качестве составной части права на образование, а также права на личную свободу, закрепленного в ст. 21 Конституции Индии³.

В числе государств, где право на доступ в Интернет признано (хотя и в подразумеваемом виде) на конституционном уровне, следует назвать Грецию. Конституция Греции была дополнена ст. 5А, провозгласившей право каждого «участвовать в информационном обществе». С этой целью государство приняло на себя обязанность «содействовать доступу к передаваемой в электронной форме информации, а также производству, передаче и распространению такой информации». Из неевропейских стран можно выделить Непал. В отличие от Конституции Греции, предусматривающей позитивные обязательства государства, непальская Конституция содержит негативные гарантии: запрет закрытия интернет-ресурсов или других видов цифровых или электронных средств в связи с произведенными публикациями закреплялся в ст. 15 Переходной конституции Непала 2007 г. (Переходная Конституция Непала, 2007), затем это положение было перенесено в ст. 19 Конституции 2015 г.

Приведенный обзор позволяет заключить, что в национальных законодательствах и практике судов разных государств в понятие «доступ в Интернет» вкладывается различное юридическое содержание. В каждом конкретном случае закрепление или признание данного права (явное или подразумеваемое) остается ситуативным, оно преследует разные цели и обеспечивается существенно различающимся набором гарантий. По этой причине в литературе высказывается мнение, что в настоящее время затруднительно определить содержание права на доступ в Интернет, которое носило бы в достаточной степени универсальный характер и было бы в целом удовлетворительным с точки зрения как международного права, так и национальных правовых систем (Tully 2014: 180).

4. Юридическое содержание права на доступ к сети Интернет

Несмотря на разнообразие подходов в национальных законодательствах к праву на доступ к сети Интернет, вполне возможно попытаться сформулировать его научно-теоретическое объяснение. Если предположить существование права на доступ к сети Интернет в качестве отдельного субъективного права, то оно, как отмечалось выше, должно обладать собственным юридическим содержанием, а также механизмом реализации.

И. Левова, Г. Шуклин и Д. Винник (Левова 2013: 37), выступая в пользу существования права на доступ в Интернет, выделяют следующие элементы, образующие его юридическое содержание:

– беспрепятственный доступ к технологическим возможностям, предоставляемым Интернетом;

- свобода выбора и использования программного обеспечения и технических устройств для доступа в Интернет;
- соблюдение принципов сетевой нейтральности;
- запрет дискриминации трафика или ухудшения качества услуг;
- запрет ограничений на получение или отправление законного контента, приложений, сервисов;
- запрет необоснованного блокирования информации или сервисов;
- наличие доступа в Интернет в общественных местах и при помощи мобильных устройств.

В целом схожие точки зрения на содержание права на доступ в Интернет выдвигаются и другими авторами (Талапина 2016; Хуснутдинов 2017).

В Докладе Франка Ла Рю было выделено два аспекта доступа в Интернет:

- доступ к «онлайновому контенту» без каких-либо ограничений, за исключением нескольких отдельных случаев, допустимых в соответствии с международным правом прав человека;
- наличие необходимой инфраструктуры и информационно-телекоммуникационных технологий для доступа в Интернет в целом (кабели, модемы, компьютеры и программное обеспечение).

Если соотнести эти два аспекта доступа в Интернет с перечисленными выше элементами права на доступ в Интернет, то получим два основных направления, в которых реализуется данное право:

1. Доступ к интернет-инфраструктуре, или *право на вход*;
2. Доступ к контенту, создаваемому или распространяемому в Интернете, или, другими словами, *право на коммуникацию* в предельно широком смысле (включая как право искать и получать контент, так и право создавать и передавать его определенному лицу или всем интернет-пользователям).

В каждом из направлений можно выделить ряд отдельных правомочий, то есть возможностей индивидов – носителей субъективного права – действовать тем или иным образом. Правомочия представляют собой более частные, конкретизированные права. Так, доступ субъекта к интернет-инфраструктуре предполагает наличие у него таких прав, как:

- право владения и пользования электронными устройствами для выхода в Интернет (в том числе выбора устройства) либо право доступа к таким устройствам по разумной цене и без дискриминации;
- право на присоединение к инфраструктуре Интернета посредством доступа к услугам провайдера связи по разумной цене и без дискриминации;
- право выбора и свободного использования правомерно распространяемого программного обеспечения для осуществления электронных коммуникаций;
- право на личную безопасность, сохранение неприкосновенности частной жизни, на сохранение человеком личной, семейной и иной

тайны, а также тайны корреспонденции в ходе электронных коммуникаций (поскольку реализация доступа в Интернет не должна быть сопряжена с ограничением данных прав, они должны реализовываться и защищаться таким же образом, что и в офлайн-среде, в том числе при использовании центров коллективного доступа или публичных сетей связи).

Доступ к контенту, создаваемому или распространяемому посредством Интернета, реализуется за счет следующих основных правомочий:

– свободно искать и получать информацию, правомерно распространяемую в Интернете;

– создавать и распространять информацию в Интернете при условии соблюдения установленных ограничений, отвечающих международным стандартам в области прав человека, без дискриминации и без риска необоснованных преследований за распространяемые в Интернете мнения или идеи;

– участвовать в частных электронных коммуникациях (один на один либо с заранее определенным кругом людей) посредством сервисов электронной почты, видеоконференций, мессенджеров и т.д., с сохранением тайны корреспонденции и неприкосновенности частной жизни (по крайней мере с тем же уровнем гарантий, что и при традиционных коммуникациях без использования компьютерных сетей);

– право на «цифровую идентичность», включая право человека определенным образом определять себя в сети Интернет, выступать в электронных коммуникациях под своим именем (в том числе в случаях, когда такая обязанность предусмотрена законом), под псевдонимом или анонимно.

Таким образом, можно констатировать наличие у права на доступ в Интернет собственного юридического содержания, заключающегося в наборе правомочий индивидов. Однако позволяет ли перечисленный набор правомочий отнести право на доступ в Интернет к числу фундаментальных прав человека, поставив его в один ряд с другими общепризнанными правами и свободами?

Вопрос отнесения того или иного субъективного права к разряду фундаментальных весьма непросто и заслуживает отдельного обсуждения. Не всякое субъективное право человека является фундаментальным. Закрепление международного каталога прав человека в ВДПЧ и затем в пактах о правах человека явилось результатом длительных дискуссий и сложных компромиссов. Оставляя за рамками статьи исследование всех критериев, позволяющих отличить фундаментальные права человека от всех остальных прав (тем более что перечня таких критериев, который носил бы общепризнанный или исчерпывающий характер, не существует), назовем лишь три, которых, на наш взгляд, достаточно для решения поставленной задачи. Это – универсальность, неповторимость (несводимость) и минимальность.

Первый критерий – *универсальность*, или *всеобщность*. Любое фундаментальное право является универсальным постольку, поскольку оно в равной мере присуще всем людям и в любой точке мира имеет одина-

ковое для всех юридическое содержание (Азаров 1995: 25-26). Вместе с тем, как видно из приведенного выше обзора, между государствами отсутствует консенсус в понимании того, какой объем правомочий субъектов должен включаться в право на доступ в Интернет и каким образом оно должно гарантироваться. Предложенный нами перечень правомочий носит во многом теоретический характер, при том что далеко не во всех странах реализация каждым человеком всех или даже части этих правомочий может быть обеспечена в полной мере (к этой проблеме мы вернемся в следующем разделе статьи).

Немаловажный аспект универсальности фундаментальных прав человека состоит в том, что каждое из них рассматривается как «вечное», то есть присущее каждому человеку во всякое время в силу его природы. Фундаментальные права действуют безотносительно к уровню технологического развития общества, к экономическому благополучию государства или жизненному укладу того или иного коллектива (хотя в отношении социальных и экономических прав по этому поводу еще идет дискуссия). Обладает ли право на доступ в Интернет признаком универсальности во времени? По мнению Винтона Серфа, которого называют одним из создателей Интернета (он один из разработчиков интернет-протокола TCP/IP), Глобальная сеть является лишь технологическим средством, с существованием которого нельзя связывать наличие или отсутствие фундаментальных прав. Интернет появился в определенный исторический момент, и в какой-то момент ему на смену придет что-то другое. Серф сравнил Интернет с лошадью: когда-то человеку было тяжело без лошади, но ведь это не означало, что необходимо признать право человека на лошадь (см.: Щербович 2015b: 45). Серф справедливо отмечает, что права человека «не должны быть связаны с какой-то определенной технологией, существующей в определенный промежуток времени», поскольку «технология – это то, что способствует реализации права, но не само право»¹. Схожая позиция была высказана и российскими учеными (Арановский и др. 2012: 86). Итак, можно сделать вывод, что право на доступ в Интернет имеет прикладное, инструментальное значение, а его действие ограничено определенным этапом развития человеческой цивилизации. Следовательно, данное право не обладает критерием универсальности во времени.

Второй критерий – *неповторимость*. Всякое фундаментальное право, будучи взаимосвязанным с другими правами, не является следствием из другого фундаментального права и не сводится к правомочиям, реализуемым в рамках других фундаментальных прав. Оно сохраняет собственное неповторимое юридическое содержание. Однако юридическое содержание права на доступ в Интернет не обладает признаком неповторимости, поскольку все составляющие его правомочия

¹ Cerf V. Internet Access is Not a Human Right. URL: https://www.nytimes.com/2012/01/05/opinion/internet-access-is-not-a-human-right.html?_r=2&pagewanted=all (дата обращения: 30.04.2021).

полностью охватываются другими правами человека, признаваемыми на международном уровне. Так, «право на вход» включает в себя правомочия, восходящие к таким правам, как право на равенство, право на информацию, право собственности, право на неприкосновенность частной жизни, право на личную безопасность и т.д. Даже сравнительно новое право на присоединение к инфраструктуре Интернета может быть осмыслено как синтез права на информацию (ст. 19 МПГПП), права пользоваться достижениями технического прогресса (ст. 15 МПЭСКП) и права на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния (ст. 25 ВДПЧ). «Право на коммуникацию» сводится к реализации комплекса таких традиционных фундаментальных прав, как свобода выражения мнения, право на информацию, право на тайну корреспонденции и телефонных переговоров, право на образование, право на участие в культурной жизни, право на труд, право на отдых и досуг, право на участие в управлении публичными делами и т.д.

Безусловно, реализация традиционных прав в Интернете обладает спецификой по сравнению с офлайн-пространством. Однако само по себе право на доступ в Интернет не привносит в каталог фундаментальных прав человека какого бы то ни было качественно нового содержания, которое не вытекало бы из существующих прав и свобод. Право на доступ в Интернет может быть выведено из других фундаментальных прав, а его юридическое содержание представляет собой синтез правомочий, образующих эти права. Таким образом, оно может быть охарактеризовано как производное, или синтетическое право.

Идея производных прав человека, возникающих на стыке различных фундаментальных прав и конкретизирующих их содержание, не нова. В этом отношении право на доступ в Интернет можно сравнить с правом на питьевую воду, исключительно важным для многих стран Азии и Африки и гарантируемым их конституциями (Щербович 2015а: 62). Несмотря на то что право человека на воду было прямо признано Генеральной Ассамблеей ООН¹, оно не рассматривается в качестве фундаментального, поскольку является производным от права на достойный уровень жизни, права на равенство и запрета дискриминации. Другой пример: свобода печати (пусть она даже прямо упоминается в ст. 19 МПГПП и других международных документах в одном ряду с фундаментальными правами) является не самостоятельным правом, а производным от права на свободу выражения мнения, его конкретизацией, частным случаем (Mathiesen 2012: 13-14).

Третий критерий – *минимальность*. К фундаментальным, по мнению Майкла Игнатьева, относятся права, «без реализации которых жизнь вообще невозможна» (Игнатьев 2019: 128). Универсализм присущ правам человека лишь постольку, поскольку является «нарочито мини-

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 2010 г. № 64/292 «Право человека на воду и санитария» (A/RES/64/292). URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/RES/64/292> (дата обращения: 30.04.2021).

малистским» (Игнатъев 2019: 90). Тенденция же к «инфляции прав», то есть определения в качестве права «всего желаемого и манящего», неизбежно приведет к подрыву сущностного ядра прав человека, подлежащих защите. Признание на международном уровне права на доступ в Интернет в качестве нового базового права человека способно привести к девальвации не только данного права, но и ценности прав человека как таковых, поскольку далеко не все государства способны обеспечить своим жителям нормальные условия для реализации «права на вход» (Максимов 2019: 59). В результате право на доступ в Интернет рискует стать декларируемым, но не реализуемым в полной мере. Кроме того, соглашаясь с важностью доступа в Интернет в современном мире, мы, однако, не можем утверждать, что жизнь без Интернета невозможна. Поэтому необходимо констатировать, что право на доступ в Интернет не отвечает и данному критерию фундаментальных прав человека.

Итак, можно утверждать о наличии у права на доступ в Интернет собственного юридического содержания как неотъемлемого атрибута всякого субъективного права. Вместе с тем оно не позволяет рассуждать о праве на доступ в Интернет как о праве фундаментальном и характеризует его как право синтетическое, то есть производное от признанных международным сообществом фундаментальных прав и свобод.

В заключительном разделе статьи мы исследуем механизм реализации права на доступ в Интернет – второй обязательный атрибут всякого субъективного права.

5. Механизм реализации права на доступ в Интернет

Механизм реализации любого субъективного права должен рассматриваться в контексте самых разных факторов политического, экономического, нравственного, организационно-технического, социально-психологического и иного порядка. Именно эти факторы определяют процесс реализации прав и свобод, и от них зависит результат такой реализации: «Реализация детерминируется развитостью экономики, политической стабильностью, благосостоянием населения, эффективностью работы правоохранительных структур, уровнем правовой культуры соответствующих должностных лиц и другими различными по характеру и значимости явлениями и факторами» (Рудинский 2010: 487–488). Раскрывая механизм реализации всякого субъективного права, И.В. Ростовщиков пишет, что его составными элементами являются социально обусловленная и законодательно предусмотренная возможность поведения самого субъекта, носителя прав, в сочетании с гарантирующими действиями обязанных лиц и других субъектов с целью получения заинтересованной личностью определенного блага, опосредованного правом (свободой) (см.: Рудинский 2010: 487-507).

Соглашаясь с подобным подходом, В.А. Лебедев понимает под реализацией прав и свобод правомерную положительную деятельность человека, гражданина, направленную на практическое использование

предусмотренных правовыми нормами возможностей, в результате чего такой индивид получает разнообразные материальные, духовные и иные блага для удовлетворения прежде всего личных и в известной мере общественных интересов и потребностей (Лебедев 2005: 143).

Любое субъективное право человека может быть осмыслено как возможность удовлетворения потребностей и достижения личных, материальных, духовных и иных благ (Рудинский 2009: 18). В связи с этим под реализацией субъективного права (свободы) предлагается понимать, во-первых, процесс достижения результата и, во-вторых, сам конечный результат, то есть фактическое обретение гражданином конкретного блага, пользование, распоряжение им. Механизм же реализации права может быть охарактеризован как законодательно установленный набор гарантий, обеспечиваемых государством для достижения любым субъектом, осуществляющим данное субъективное право, желаемого результата от его осуществления.

Начать анализ следует с результата реализации права на доступ к сети Интернет. Мы полагаем, что он не может быть сведен к сумме результатов реализации традиционных фундаментальных прав, поскольку заключается не просто в обретении субъектом дополнительного инструмента для поиска, получения и распространения информации, а в возможности войти в глобальное информационное общество, стать его частью. Такой результат не может быть достигнут путем реализации какого-либо из существующих фундаментальных прав, взятых в отдельности. Наличие специфического результата реализации позволяет предположить существование у права на доступ в Интернет собственного механизма реализации.

Процесс реализации данного права также отличается своеобразием. Будучи правом синтетическим, право на доступ в Интернет объединяет в себе правомочия, восходящие к различным фундаментальным правам, и по этой причине механизм его реализации является многосоставным. Несложно заметить, что два направления реализации данного права, которые мы назвали «право на вход» и «право на коммуникацию», не существуют друг без друга и взаимно обуславливают друг друга. Во-первых, «право на вход» в Глобальную сеть не имеет смысла, если не сопряжено с последующей коммуникацией, то есть поиском, получением или распространением информации (действительно, в Интернет мы выходим, чтобы совершить необходимые нам действия; без этих последующих действий сам по себе выход в Интернет утрачивает смысл). Во-вторых, совершение всякой коммуникации в Интернете невозможно без предварительной реализации «права на вход». Иными словами, реализация «права на вход» является необходимым условием реализации «права на коммуникацию».

Если вновь обратиться к юридическому содержанию рассматриваемого права, то можно обнаружить, что одни правомочия, его составляющие, не требуют от государства как обязанного лица совершения каких-либо действий, а, напротив, нуждаются в гарантировании

достаточной степени автономии индивидов. Такие правомочия должны обеспечиваться негативными гарантиями со стороны государства (невмешательством в сферу частной жизни, отказом от непропорциональных и необоснованных ограничений и т.д.). Другие же правомочия невозможно реализовать без активных действий со стороны государства. Например, невозможно реализовать право на подключение к Сети, если в соответствующей местности отсутствует необходимая технологическая инфраструктура. Поэтому эти правомочия требуют от государства позитивных гарантий – активных действий, направленных на стимулирование развития Интернета и расширение сферы его проникновения.

К негативным гарантиям следует отнести недопустимость запретов на подключение к Сети и выход в Интернет, недопустимость массового отключения Интернета, чрезмерной и необоснованной фильтрации интернет-контента, в том числе блокировки доступа к определенным интернет-ресурсам (если такая блокировка выходит за пределы ограничений, допускаемых международным правом), отказ государства от преследования интернет-пользователей (в том числе блогеров и журналистов) по политическим причинам за распространяемые в Сети мнения и идеи и т.д. Необходимо отметить, что истоки негативных гарантий, как правило, восходят к доктрине *free flow*. Поэтому такие гарантии зачастую не воспринимаются государствами, не признающими указанную доктрину. Примерами могут служить практика отключения Интернета или замедления его работы (особенно активно используемая в отдельных африканских странах в период выборов или массовых волнений), жесткая фильтрация контента и блокировка иностранных ресурсов, уголовное преследование интернет-активистов в Китае, Иране и отдельных странах Арабского Востока.

В условиях жестких ограничений «права на коммуникацию» даже относительная простота реализации «права на вход» может поставить под сомнение эффективность реализации права на доступ в Интернет в целом. Справедливо и обратное: в отсутствие у индивидов гарантируемой государством возможности реализации «права на вход» в глобальную Сеть негативные гарантии «права на коммуникацию» и свободный обмен информацией в Интернете также оказываются пустыми декларациями. Поэтому право на доступ в Интернет предполагает существование как негативных, так и позитивных гарантий, нацеленных на предоставление всем индивидам без дискриминации возможности подключаться к Сети. Такими гарантиями могут выступать как действия экономического характера (например, поддержка конкуренции среди интернет-провайдеров для обеспечения приемлемого уровня цен на их услуги, создание центров коллективного доступа к Интернету, прямая материальная поддержка граждан в форме предоставления им устройств для выхода в Интернет), так и организационные меры, связанные, в частности, с формированием цифровой грамотности населения.

Совместная декларация 2011 г. «О свободе выражения мнения в Интернете» закрепила перечень позитивных обязательств государств по обеспечению доступа максимально широкого круга пользователей к Интернету. Среди них:

- законодательные меры (в том числе в области ценообразования, требований к техническому обслуживанию);
- меры прямой поддержки (в том числе создание на базе местных общин пунктов коллективного доступа);
- меры повышения осведомленности населения о пользовании Интернетом и преимуществах, которые это дает;
- специальные меры содействия доступу к Интернету в отношении инвалидов и лиц, находящихся в неблагоприятных условиях.

Если использование (или неиспользование) негативных гарантий в основном зависит от политического режима и определенной государственной идеологии, то объем позитивных гарантий, как правило, обусловлен наличием у каждого конкретного государства соответствующих материальных ресурсов, а также доступностью на той или иной территории необходимой инфраструктуры связи, обслуживаемой провайдерами. Для обеспечения возможности доступа в Интернет необходимы соответствующие устройства для приема и передачи сигналов электросвязи. Материально-технические средства нужны как оператору связи, который предоставляет на территории страны услуги доступа в Интернет, так и конечному пользователю. При этом подключение к сети Интернет реализуется по-разному в зависимости от используемых устройств. Их стоимость и, соответственно, возможности различны, в результате чего при номинальной доступности интернет-ресурса воспользоваться им может быть затруднительно или вовсе не представляться возможным (Хуснутдинов 2017: 112). Все это порождает проблему цифрового неравенства, делающую очевидным тот факт, что реализация права на доступ в Интернет не может развиваться только в рамках доктрины *free flow* и киберлибертарианства. Необходимы позитивные меры, благодаря которым возможность доступа в Интернет – если рассматривать ее с позиций прав человека – станет действительно равной и универсальной, не зависящей от государственных границ, экономического положения и политического строя.

В конце 2020 г. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) опубликовал доклад «Сколько детей и молодых людей имеют дома доступ в Интернет?»¹. Актуальность исследования была обусловлена введением в большинстве стран ограничительных мер в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции. Результаты исследования оказались во многом неожиданными: 2/3 молодых людей в возрасте до 25 лет все еще не имеют возможности выходить в Интернет из дома. Причем если в странах Восточной

¹How many children and young people have internet access at home?. URL: <https://data.unicef.org/resources/children-and-young-people-internet-access-at-home-during-covid19/> (дата обращения: 30.04.2021).

Европы и Центральной Азии доля молодых людей, имеющих дома Интернет, составила 59%, то на юге и востоке Африки этот показатель оказался лишь 13%, а в государствах Западной и Центральной Африки едва достиг 5%.

Значительный цифровой разрыв между странами и регионами является одним из сдерживающих факторов на пути международного признания права на доступ в Интернет (именно права, а не средства или условия реализации других прав) и выработки его универсального содержания, ведь, как замечает А.А. Щербович, «в случае закрепления этого права возникает обязанность государства обеспечивать это право инфраструктурой доступа к Интернету» (Щербович 2015а: 58), но такая возможность есть не у всех государств.

Таким образом, можно сделать вывод, что право на доступ в Интернет обладает не только собственным юридическим содержанием, но и особым механизмом реализации. Последний имеет комплексный характер и предполагает наличие одновременно как негативных, так и позитивных гарантий. С точки зрения правомочий, требующих негативных гарантий, право на доступ в Интернет реализуется в той же логике, что и право на свободный поиск, получение и распространение информации. Но с точки зрения другой группы правомочий, требующих позитивных гарантий со стороны государств, право на доступ в Интернет схоже с социально-экономическими правами и реализуется посредством присущих этим правам механизмов.

Заключительные выводы. Проведенный анализ позволяет утверждать, что доступ в Интернет может рассматриваться в качестве субъективного права человека. Оно имеет собственное юридическое содержание, заключающееся в наборе определенных правомочий субъектов – носителей права, а также собственный механизм реализации. Синтетический (производный) характер юридического содержания и процесса реализации не отменяет наличия у права на доступ в Интернет самостоятельной ценности, тем более что результатом его реализации является качественно новое состояние – приобщение индивида к глобальному информационному обществу, обладающему колоссальным потенциалом для пользования фундаментальными правами и свободами. Вместе с тем нет оснований относить право на доступ в Интернет к разряду фундаментальных прав человека, поскольку оно реализуется за счет правомочий, обеспечиваемых и охраняемых другими общепризнанными правами и свободами, прежде всего свободой выражения мнения и правом на информацию, а также правом на неприкосновенность частной жизни, правом на пользование результатами научного прогресса и т.д.

Право на доступ в Интернет приобретает ценность в качестве субъективного права лишь тогда, когда его реализация обеспечивается сразу по двум направлениям, одно из которых «право на вход», другое – «право на коммуникацию». Однако это условие признается и обеспечивается

далеко не всеми странами; соответственно и объем гарантий доступа в Интернет, закрепленных в национальных законодательствах и получающих практическое воплощение, также существенно различается. По этой причине актуальной видится выработка международных стандартов доступа в Интернет и их последовательное претворение в жизнь во всех уголках мира. Имплементация таких стандартов позволит говорить о праве на доступ в Интернет в международно-правовом контексте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азаров А.Я. 1995. Права человека : Новое знание. Москва : О-во «Знание» России. 256 с.

Арановский К.В. и др. 2012. О правах человека и социальных правах / К.В. Арановский, С.Д. Князев, Е.Б. Хохлов // Сравнительное конституционное обозрение. № 4. С. 61-91.

Виноградова С.М., Мельник Г.С. 2012. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. № 2. С. 239-246.

Игнатъев М. 2019. Права человека как политика и как идолопоклонство / пер. с англ. А. А. Захарова. Москва : Новое лит. обозрение. 211 с. (Б-ка журн. «Неприкосновенный запас»).

Лебедев В.А. 2005. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). Москва : Изд-во Моск. ун-та. 272 с.

Лева И. и др. 2013. Права интернет-пользователей: Россия и мир, теория и практика : аналит. докл. / И. Лева, Г. Шуклин, Д. Винник. Москва : Ассоциация интернет-издателей ; Кабинетный ученый. 144 с.

Максимов А.А. 2019. Существует ли право на доступ к Интернету? // Современное право. № 6. С. 58-64.

Рудинский Ф.М. (ред.) 2010. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / П.В. Анасимов, С.А. Бурьянов, В.Г. Глебов и др. ; под ред. Ф.М. Рудинского. Москва : МИР. 623 с.

Рудинский Ф.М. (ред.) 2009. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики / Ф.М. Рудинский, Ю.В. Гаврилова, А.А. Крикунова, Т.А. Сошников ; под общ. ред. Ф.М. Рудинского. Москва : Права человека. 495 с. (Б-ка по правам человека).

Талапина Э.В. 2016. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. № 6. С. 70-83. DOI 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83

Хуснутдинов А.И. 2017. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. № 4. С. 109-123. DOI 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123.

Шатилина А.С. 2018. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. № 1. С. 38-45.

Шишкина А.Р., Исаев Л.М. 2019. Арабский мир в цифровую эпоху: Социальные медиа как форма политической активности. Москва : Ленанд. 128 с.

Щербович А.А. 2015b. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. Москва : Теис. 148 с.

Щербович А.А. 2015а. Конституционное право на доступ к Интернету: мировой опыт и выводы для России // Копирайт : Вестн. Академии интеллектуал. собственности и Рос. авторского о-ва. № 3. С. 57-70.

Frosini T.E. 2014. The Internet Access as a Fundamental Right // Studies in Law: Research Materials. № 1. P. 5-12.

Mathiesen K. 2012. The Human Right to Internet Access: A Philosophical Defense // International Review of Information Ethics. Vol. 18 (12/2012). P. 9-22. DOI 10.29173/irie299.

Penney J.W. 2011. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins // William Mitchel Law Review. Vol. 38, iss. 1. P. 10-33.

Rifkin J. 2000. The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism. Where All of Life is Paid-For Experience. New York : J.P. Tarcher Perigee. 320 p.

Szozzkiewicz L. 2018. Internet Access as a New Human Right? State of the Art on the Threshold of 2020 // Adam Mickiewicz University Law Review. № 8. P. 49-62. DOI 10.14746/ppuam.2018.8.03.

Tully S. 2014. A Human Right to Access the Internet? Problems and Prospects // Human Rights Law Review. Vol. 14, № 2. P. 175-195. DOI 10.1093/hrlr/ngu011.

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.10.2021).

Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R, 12 декабря 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Франка Ла Рю. 16 мая 2011 г. A/HRC/17/27. 27 с. URL <https://undocs.org/ru/A/HRC/17/27> (дата обращения: 30.04.2021).

Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. Ст. 2143.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractecon.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Окинавская хартия Глобального информационного общества. Принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 30.04.2021).

Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 января 2016 г. Дело «Калда (Kalda) против Эстонии» (жалоба № 17429/10) (Вторая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 11.

Резолюция Совета по правам человека ООН от 27 июня 2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (A/HRC/32/L.20). URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/32/L.20> (дата обращения: 30.04.2021).

Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО 15 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (дата обращения: 30.04.2021).

Совместная декларация о свободе выражения мнения в Интернете, 2011 // Совместные декларации представителей межправительственных органов по защите свободы СМИ и выражения мнения / ОБСЕ ; ред. А. Улен. Вена, 2013. С. 85-91. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/99559.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

Переходная Конституция Непала, 2007. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=320> (дата обращения: 30.04.2021).

Constitutional Council. Decision No. 2009-580 of June 10th 2009. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/2009_580dc.pdf (дата обращения: 30.04.2021).

Sentencia12790:Expediente09-013141-0007-CO.URL:<https://www.technollama.co.uk/wp-content/uploads/2012/04/Voto2010-12790SalaConstitucionalCR.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

References

Aranovsky K.V., Knyazev S.D., Khokhlov E.B. On Human Rights and Social Rights, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2012, no. 4, pp. 61-91. (in Russ.).

Azarov A.Ja. *Human Rights: New Knowledge*, Moscow, Obshchestvo "Znanie" Rossii, 1995, 256 p. (in Russ.).

Constitutional Council. Decision No. 2009-580 of June 10th 2009, available at: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/2009_580dc.pdf (accessed April 30, 2021).

Declaration of Principles "Building an Information Society is a Global Challenge in the New Millennium". Document WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R, December 12, 2003, available at: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

European Convention on Human Rights, *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 1998, no. 20, art. 2143. (in Russ.).

Frosini T.E. The Internet Access as a Fundamental Right, *Studies in Law: Research Materials*, 2014, no. 1, pp. 5-12.

Ignatieff M. *Human Rights as Politics and Idolatry*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 211 p. (in Russ.).

International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A

(XXI) of 16 December 1966, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Joint Declaration on Freedom of Expression and the Internet, 2011, A. Ulen (ed.) *Sovmestnye deklaratsii predstaviteley mezhpravitel'stvennykh organov po zashchite svobody SMI i vyrazheniya mneniya*, Vena, 2013, pp. 85-91, available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/99559.pdf> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Judgment of the European Court of Human Rights of January 19, 2016 Case “Kalda v. Estonia” (Complaint No. 17429/10) (Second section), *Byulleten' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka (Russian edition)*, 2016, no. 11. (in Russ.).

Khusnutdinov A.I. Is the Right to Access the Internet a New Human Right?, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2017, no. 4, pp. 109-123. DOI 10.21128/1812-7126-2017-4-109-123. (in Russ.).

Lebedev V.A. *The Constitutional-Law Protection and Defense of Human Rights and Freedoms in Russia (Theory and Practice in the Modern World)*, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2005, 272 p. (in Russ.).

Levova I., Shuklin G., Vinnik D. *The Rights of the Internet Users: Russia and the World, Theory and Practice*, Moscow, Assotsiatsiya internet-izdateley, Kabinetnyy uchenyy, 2013, 143 p. (in Russ.).

Maksimov A.A. Does the Right to Access the Internet Exist?, *Sovremennoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 58-64. (in Russ.).

Mathiesen K. The Human Right to Internet Access: A Philosophical Defense, *International Review of Information Ethics*, 2012, vol. 18 (12/2012), pp. 9-22. DOI 10.29173/irie299.

Millennium Summit of the United Nations, New York, 6-8 September 2000, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Okinawa Charter on Global Information Society, July 22, 2000, available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Penney J. W. Internet Access Rights: A Brief History and Intellectual Origins, *William Mitchel Law Review*, 2011, vol. 38, iss. 1, pp. 10-33.

Report by the Russian Federation to the General Conference on Measures Taken to Implement. The Recommendation concerning the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue, May 16, 2011, A/HRC/17/27, 27 p., available at: : <https://undocs.org/ru/A/HRC/17/27> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Rifkin J. *The Age of Access: The New Culture of Hypercapitalism. Where All of Life is Paid-For Experience*, New York, J.P. Tarcher Perigee, 2000, 320 p.

Rudinsky F.M. (ed.) GavriloVA Yu.V., Krikunova A.A., Soshnikov T.A. *Economic and Social Rights of the Man and the Citizen: Contemporary Problems of Theory and Practice*, Moscow, Prava cheloveka, 2009, 495 p. (in Russ.).

Rudinsky F.M. (ed.), Anasimov P.V., Buryanov S.A., Glebov V.G. et al. *Civil Rights of the Man: Contemporary Problems of Theory and Practice*, Moscow, MIR, 2010, 623 p. (in Russ.).

Scherbovitch A.A. Constitutional Right to Internet Access: World Experience and Conclusions for Russia, *Kopirayt (Russian State Academy of Intellectual Property and Russian Authors Society)*, 2015, no. 3, pp. 57-70. (in Russ.).

Scherbovitch A.A. *Implementation of the Constitutional Rights and Freedoms on the Internet*, Moscow, Teis, 2015, 148 p. (in Russ.).

Sentencia 12790: Expediente 09-013141-0007-CO, available at: <https://www.technollama.co.uk/wp-content/uploads/2012/04/Voto2010-12790SalaConstitucionalCR.pdf> (accessed April 30, 2021).

Shatilina A.S. Human Rights on the Internet: The Problem of Recognition of the Right to Internet Access, *Pretsedenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*, 2018, no. 1, pp. 38-45. (in Russ.).

Shishkina A.R., Isaev L.M. *Arab World in the Digital Era: Social media as a Form of Political Activity*, Moscow, Lenand, 2019, 128 p. (in Russ.).

Szozskiewicz L. Internet Access as a New Human Right? State of the Art on the Threshold of 2020, *Adam Mickiewicz University Law Review*, 2018, no. 8, pp. 49-62. DOI 10.14746/ppuam.2018.8.03.

Talapina E.V. Right to Information in the Light of the Subjective Rights Theory, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2016, no. 6, pp. 70-83. DOI 10.21128/1812-7126-2016-6-70-83. (in Russ.).

Tully S. A Human Right to Access the Internet? Problems and Prospects, *Human Rights Law Review*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 175-195. DOI 10.1093/hrlr/ngu011.

UN Human Rights Council Resolution of June 27, 2016 "The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet" (A/HRC/32/L.20), available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/32/L.20> (accessed April 30, 2021). (in Russ.).

Universal Declaration of Human Rights. Adopted by UN General Assembly Resolution 217 A (III) of December 10, 1948, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed October 01, 2021). (in Russ.).

Vinogradova S.M., Melnik G.S. Challenges to Overcome Inequalities in the International Information Exchange, *Humanitarian Vector*, 2012, no. 2, pp. 239-246. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мочалов Артур Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2502-559X>;
SPIN-код: 9766-7829;
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Колобаева Наталия Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9322-0309>;
SPIN-код: 2130-8331;
E-mail: kne003@usla.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artur N. Mochalov

candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2502-559X>;
SPIN-код: 9766-7829;
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

Natalia E. Kolobaeva

candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9322-0309>;
SPIN-код: 2130-8331;
E-mail: kne003@usla.ru

Несмеянова Светлана Эдуардовна

доктор юридических наук, профессор
кафедры конституционного права Ураль-
ского государственного юридического
университета,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7640-9839>;
SPIN-код: 5954-0751;
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Svetlana E. Nesmeyanova

doctor of legal sciences, professor, Ural State
Law University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7640-9839>;
SPIN-код: 5954-0751;
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru

Требования к авторам

1. Автор отправляет на редакционную почту admin@instlaw.uran.ru рукопись статьи в электронном варианте в формате .doc.

2. Статьи должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.

3. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.

4. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование: имена автора и рецензентов не раскрываются друг другу. К рецензированию привлекаются как члены редакционной коллегии и международного редакционного совета, так и внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Срок рассмотрения статей – не более 2-х месяцев с момента поступления рукописи в редакцию.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена автору на доработку или отклонена. В случае принятия к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и образования Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

7. Рекомендуемый объем статьи – 40–60 тысяч знаков (с пробелами). Шрифт (гарнитура) Times New Roman, 14 кегль, 1,5 интервала, текст должен быть отформатирован по ширине без переносов, абзацный отступ – 1 см, левое поле – 3 см, правое поле – 1,5 см, верхнее и нижнее поля – 2 см. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант («»). Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».

8. Все иллюстрации, графики, таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

9. Название статьи форматируется по центру, выделяется полужирным шрифтом, 14 кеглем, все буквы прописные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, занимаемая

должность, место работы, электронная почта. В левом верхнем углу указывается код УДК.

После названия приводится аннотация статьи, раскрывающая ее гипотезу, основные положения и выводы. Объем аннотации не менее 2000 знаков с пробелами. После аннотации статьи приводится список ключевых слов (5–10).

10. Внутритекстовые ссылки оформляются в круглых скобках, в которых указываются фамилия (фамилии) автора или составителя (главного или ответственного редактора), или основное заглавие (если авторство нельзя установить), далее через пробел указывается год издания, затем через двоеточие – страницы цитаты, либо статьи правового акта, на который ссылается автор. Например: (Булгаков 1994: 203-204).

11. Библиографический список представлен двумя блоками – Списком литературы и References.

В Списке литературы указываются научные источники, первоначально авторские работы на русском языке в алфавитном порядке, затем источники на иностранных языках. При наличии нескольких источников одного автора, вышедших в одном календарном году, данная группа записей располагается по алфавиту заглавий, а к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c, d, что отражается и во внутритекстовых ссылках.

References – список литературы, где источники на кириллице даны в транслитерации и в переводе на английский язык (фамилия автора, название журнала, сборника – в транслитерации; заглавие монографии или статьи, место издания – в переводе), английские источники приводятся без изменений. Источники на иных языках также даются в переводе на английский язык. Весь массив записей располагается в алфавитном порядке.

При ссылке на книги указывается количество страниц в книге. При ссылке на статью указывается диапазон страниц (например: С. 13-29).

12. К статье должны быть приложены переводы на английский язык: имени и фамилии автора; должности и места работы; контактной информации; названия статьи; аннотации и ключевых слов.

13. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.

14. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к авторам и примерами оформления рукописей можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript conditions

1. Manuscript in doc. format should be sent to the editorial board's email admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscript submitted to the Journal should relate to Journal's subject areas, which include philosophy, political science and law.

3. Previously published papers are unacceptable.

Manuscripts should be submitted in Russian or English.

4. If the paper doesn't comply with the subject-matter of the Journal or formal requirements it excludes from further consideration, the author is notified about it.

5. Every manuscript submitted to the Journal is a subject for double-blind review, which means that the identities of reviewers are concealed from the author, and vice versa. Reviewers are experts in the same subject area as the paper submitted. The paper is assigned for reviewing to experts, who are members of the editorial board or the international editorial council, as well as to independent experts. If the first reviewer accepts the paper, while the second reviewer rejects it, the paper will be passed for evaluation to the third reviewer or the decision on acceptance or rejection will be made by the editorial board itself. The procedure for review and approval of papers takes no more than two months.

After reviewing the article may be accepted for publication, sent to the author for revision or rejected. If accepted for publication the paper is placed in the portfolio of editorial board for further publication.

6. The editorial board retains reviews during 5 years. If needed, the editorial board sends reviews or notes of reasoned refusal to the authors. If requested, the editorial board sends copies of reviews to the Ministry of science and education of the Russian Federation.

7. The Journal normally publishes papers between 40000 and 60000 characters in length (with spaces). The texts should be typed using Times New Roman, font size 14, 1.5 spaced, justified alignment, 1 cm. paragraph indention, 3 cm. left margin, 1,5 cm. right margin, 2 cm. top and foot margins. French quotation marks «», dash «-», hyphen « - » should be used in the text.

8. Illustrations, diagrams and tables should be numbered and named. Illustrations, diagrams and tables should be both placed within the text of the manuscript and provided in a separate file.

9. Titles of papers should be centered, capitalized, semi-bold and typed using Times New Roman, font size 14. The author's personal data (full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail) should be placed in the top-right corner above the title of the manuscript. UDC, if possible, should be placed in the top-left corner of the manuscript.

The abstract should be placed below the paper's title and be no less than 2 000 characters (with spaces). It should summarize the hypothesis and key results presented in the paper. From 5 to 10 keywords are also required.

10. References should be placed within the text in round brackets (). In-text references should include the author's last name or the editor's last name, or the title of the source (for sources with no author named), as well as the year of publication and page reference (or article of the normative legal act). Example: (Jameson 2009: 167).

11. After-text bibliography includes the List of sources and References.

The List of sources should be composed alphabetically. It should be organized in the following order: sources in Russian (books and articles); sources in foreign languages (books and articles). If there are two or more sources by the same author in the same year, lower-case letters (a, b, c, d) with the year should be used. The lower-case letters with the year should be added to the in-text references as well.

References is the List of sources which should be transliterated and translated into English (author's last name, title of the journal or collection should be transliterated; title of the monograph or article, and the place of publication should be translated into English). Titles in other languages should be translated into English as well. List of References should be alphabetized.

Description of books and articles listed in after-text bibliography should contain number of pages, while description of articles should contain page ranges. Example: P. 13-29.

12. The author should also submit a separate file containing the following information in English: full name, scientific degree, academic title, current institutional affiliation, position, e-mail, as well as title of the paper, abstract and keywords.

13. Publication of accepted papers is free of charge. Honorarium is not paid to the author.

14. In addition to the manuscript, the author provides written consent to display published paper in the electronic databases, as well as written consent to make public his/her personal data.

More detailed information for authors as well as samples of papers, abstracts et al. are provided at the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 21

Выпуск 4

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *М.И. Лаевская*
Корректор *Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 20.01.2022 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,1 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.